

**В.
Сквирский**

Нагая в полночный час

(повесть, по одноименной пьесе В. Сквирского)

День, то, что называется, день-деньской - не един с утра до вечера. Его окрашивает не только воспарение света в зенит и обратный путь к закату, в нем меняется все- весь строй его, ткань, тон и смысл. Его корежат тысячи факторов всех времен года.: зной, стужа, затишье, ветер. Он подвластен запахам сладости или горечи трав, листа, почки, холоду льдинки, черноте голых веток. И по мере того как меняется день, меняются и все его подданные: меняются букашки и птицы, кошки, собаки, бабочки и люди.

По вечерам я возвращался в свою холодную комнату, промерзшую за день до пленки льда на оконных стеклах. Растапливал полуразвалившийся закопченный очаг. И, повалившись на узкую железную койку с проваленной сеткой, накрывался стареньким, выношенным почти до дыр одеялом из верблюжьей шерсти, набросив сверху лыжную куртку и дрожа от стужи, думал: – Какого черта меня занесло, в этот богом забытый аул его дикарским населением и махонькой деревенской забегаловкой, в которой кроме старого, заплесневелого, безумно вонючего козьего сыра, кислого домашнего вина -мутной виноградной чачи первой перегонки и толстого неопрятного буфетчика не было ничего. А дальше всё было как в какой –то повести Фазиля Искандера.

« Жалкая неумемная жажда увидеть все. Взять от жизни как можно больше, ничего не отдав ей в свою очередь. Страх, что уйду и не вернусь. Бессильное, порой бессмысленное ребячество. Все это побудило меня забраться сюда. Конечно, короткий отпуск самого заурядного рядового и бог знает как обеспеченного российского клерка, наверное, можно было бы использовать как-- нибудь поинтереснее.... Но мне становилось

дурно до тошноты, когда я представлял себя на модном лыжном курорте со своим тощим кошельком в секонд-хэнд-овском лыжном костюме от «Гуччи», в гуще московских, тамбовских и тбилисских жирных воров новорусского замеса. Охочих до громких песен, костлявых телок с подиумов и жаркого пьяного сексфлирта в финских банях. Да, мое появление на этот свет не принесло миру ничего нового и интересного. Не повернуло реки вспять, не сделало городской воздух чище, не накормило и не обогрело обездоленных, не помогло человечеству освоить Марс, не обогатило его новыми удивительными изобретениями. Просто появился еще один потребитель даров щедрой матушки – земли». Да, в ранней молодости мне очень хотелось как можно больше взять от этой жизни, коль уж Всевышний милостиво забросил в яйцеклетку моей любимой матушки папино семечко с именно моим генохромосомным набором, а ни с чьим – то другим. А иначе, зачем я вообще появился на этот свет?! Неужели только для того, чтобы зачернить на своей личной карте мира несколько ничего не значащих для остального человечества точек?! Пошуметь, побалагурить, причем постараться сделать это несколько громче других? И...исчезнуть?...Так...просто выйти из небытия... и обратно в то же небытие уйти?...В те глупые щенячьи полные сумасшедших надежд годы это чувство не покидало меня и бесконечно подгоняло. Поспешу увидеть и то и это, чтобы познать полнее, что же она такое – жизнь!...Попробуй понять, в чем её цель и мудрость! Попаши, чтобы не сказали, а, скорее, чтобы ты не сказал себе сам:--«я- болван, ничтожество, бездарь! И кто только не пинал тебя, и что? Что же, все – таки, ты увидел интересного в этом мире? Ты просто слабец, слабец, да и только»....

В это местечко меня занесло случайно. Сейчас я уже и не помню как и почему... . Но в нем было все, что необходимо лыжнику средней квалификации и достатка. Горы, снег, дешевое жилье, вернее просто дармовое, и какая – то нехитрая еда в лавке. В

центре аула была маленькая площадь. Улочки звездообразно устремлялись вверх и там плавно переходили в горную цепь. Всё вместе это образовывало воронку, края которой имели вид пилы. На одном из двух зубцов виднелась махонькая церковка, на остальных летом паслись овцы. Я снял мрачную, холодную комнатенку с очагом и колотыми дровами во дворе у очень странной старухи с унылым лицом и «беспорочным» взглядом старой хитрой бестии – грешницы. И с раннего утра почти дотемна, взяв с собой нехитрый завтрак и короткие горные лыжи, лазил по горам, наслаждаясь пейзажем, скоростью спусков и кристальной чистоты воздухом. Потом чуть живой и одуревший от избытка кислорода садился в углу буфета. И, глядя на облупившиеся стены в грязных пятнах, на выставленный на прилавке подсохший козий сыр и заплесневелый, пожелтевший от времени рокфор, я приходил к заключению, что вечность -это ничто иное как вот этот червивый сыр, этот неряшливый пузатый буфетчик, это хмурое раннее утро и грядущий холодный вечер в одиночестве, без радио и телевизора. Да, чуть не забыл, еще был храм. Правда ,тогда он больше напоминал хлев. Покрытый окаменевшей грязью пол . В стенах украшенные резьбой камни, внутри ниш —фрески. Очень примитивные, цветастые, изображающие любовь, страсти, смерть и сказки человека. Здесь было все , что оставляют люди после себя: желание жить во что бы то ни стало , надежду, страх , тревогу.... Здесь были нарисованы лица святых, от которых люди ждали помощи, однако глаза на этих лицах прятали испуг.... Все мои слабости были в этих глазах. Глядя на них, я как бы смотрел в свое подсознание. С тех пор прошли годы , но эти глаза навсегда врезались в мою память. Те странные, почти невероятные события, которые произошли со мной тогда в этом ауле, порой кажутся мне бредовой сказкой, привидевшейся в тяжелом сне, но я бережно храню их в глубине своей души, ибо твердо знаю , что все это было на самом деле.... Было....

-----X-----

Старуха- хозяйка подвела меня к порогу жалкой комнатенки и, подтолкнув в спину, хрипло проворчала:

--Вот здесь. Часы ходят. Торшер не горит, но есть керосиновая лампа. А печку топите сами. Дрова во дворе.

--А как насчет этой здоровенной собачонки в будке? — Поинтересовался я .

--Она уже не собака, а старуха как и я. —Проскрипела бабка.

--Значит, не кусается. Отлично. Я вижу, что и цепь у неё якорная и похоже с крейсера. А радио или телевизор у вас есть? А то по вечерам от скуки тут ведь и подохнуть можно?....

--Ничего этого у нас в ауле нет. Молоко от козы парное есть. А по вечерам не соскучишься... Не до того тебе будет...

--А до чего будет?

--Найдешь себе занятие.

Старуха ушла ,громко хлопнув дверью, а я после длинного лыжного пути почти по снежной целине от неблизкого райцентра блаженно растянулся на неудобном жестком топчане. Ноги гудели , глаза слипались . Огонь, колотясь в очаге, приятно потрескивал , унося в глубокий сладкий сон. Дверь вновь заскрипела, и глухой , почти утробный голос старухи выдернул меня из мягких ласковых рук морфея.

--Ты башмаки – бы с ног - то снял, матрац замараешь.

--Мать, а как тут у вас с охотой,-- зверье разное, птица есть?

--Мужчины стреляют...

--Отлично. А ружьишко у соседей добыть на недельку другую можно?

--Не знаю, я не спрашивала.

--Чем хороша ты, мать, болтлива до чрезвычайности.

Рассмеялся я.

Речь из тебя так льет, так и льет. Ты сколько слов – то за свою жизнь сказала? А? Не подсчитывала на досуге?

--Не мать я тебе, а хозяйка. Более ничего не надо?

--Полотенчико – то занеси. И скажи где кран?

--Рукомойник в сенях.

Дверь снова громко хлопнула. Но сон улетел.

Это хорошо , пожалуй, что тут первобытно тихо. Честно говоря, от городского шума я порядком обалдел. А умыться не буду. Завтра поутру оботрусь снежком для бодрого просыпу.

А бабенка – то железная, просто ведьма самая настоящая ... Как пить дать, ведьма... И старая дева, сразу видать. Мужской лаской с молодости не избалована. Своего кощея, видать, не дождалась. А с лица – то,- чистая костяная нога... . Вряд ли кого, кроме костлявого Бессмертного на такую потянуло бы... И собачина во дворе , наверняка, такая же была. Остервенелая сука , а может кобель... Зверюга со щенячьего возраста. Недаром на ней цепь от здорового корабля до сих пор висит. С детства не люблю и боюсь больших собак, особенно черных, хотя они никогда на меня не бросались. Я вынул из рюкзака потрепанный сборничек детективов Агаты Кристи, и зажег лампу , с изъеденным молью и временем абажуром. Сюжет первой повести увлек меня не тронул, по – моему, я видел фильм, снятый по его мотивам. Крепкая баба эта старая англичанка. Это же надо столько гадостей человеческих придумать за свою длинную жизнь. Столько криминальных клубков завязать, и потом их так интересно распутать. Талант, что ни говори....Допотопные ходики, со сломанной , наполовину выпавшей из гнезда кукушкой, верные пособники Морфея , мерно и честно отбивали секунды . Старый, изъеденный ржавчиной кран уныло висел на цепочке часов, помогая гирьке прокручивать давно не видевшие масла шестеренки и гонять туда и обратно, полинявший от времени , некогда блестящий полированным хромом, алюминиевый маятник.

Измотанное вконец тело , оттаявшее от березового жара очага, вмиг обмякло , приняв кривизну кровати , изношенной

прежними постояльцами сетки, и без боя, с явно видимой радостью, мгновенно сдалось в сладкий плен Морфея.

Проснулся я от громкого стука маятника. Кукушка--инвалид, издавая странные шипящие, почти змеиные звуки, яростно, с громким стуком и скрежетом, судорожно билась в узком оконце гнездышка. Стрелки, суматошно дергаясь, проделали несколько кругов по циферблату и вдруг как вкопанные остановились на цифре двенадцать. Кукушка, тяжело простонав, вновь повисла в гнезде головкой вниз, и одновременно с её тяжким финальным стоном за окном прозвучали несколько громких выстрелов. Скорее всего стреляли из охотничьего ружья, причем дуплетом, то- есть, одновременно из обоих стволов. Я подскочил к окошку и отдернул ветхую занавеску. То, что я увидел, заставило меня остолбенеть!... В ярком свете полной луны, на искрящемся пушистом снегу, в пяти метрах от моего крыльца, заложив руки за голову, стояла абсолютно нагая женщина. Выстрелы как по команде смолкли, но за её спиной в небо неспешно, с ленцой, поднимались легкие облачка серого порохового дыма. Я выскочил на крыльцо и, буквально окаменев от удивления, оглядел её. Она продолжала неподвижно стоять в той же изумительно красивой позе. Легкая классической формы фигурка. Длинные, слегка вьющиеся каштановые волосы, спадающие на красиво приподнятую полную грудь. Необычайно стройные ноги по щиколотку утопали в снегу. Слегка приподнятая головка и огромные, по-- восточному раскосые глаза, как мне показалось, с несколько дерзким вызовом глядели на меня. Я обалдело глядел на это чудо, не в силах произнести ни единого звука. Голосовые связки словно забастовали и напрочь отказались слушаться меня. Слова намертво застряли в глотке. Женщина опустила руки и, как мне показалось, боязливо оглянулась назад.

--Вам не холодно?

Задал я идиотский вопрос, и не узнал собственного голоса.

Она чуть заметно отрицательно качнула головой.

--Это стреляли в вас?

Она кивнула.

--Муж, из ревности?

Она пять качнула головкой, но на этот раз из стороны в сторону, что обозначало –нет.

--Тогда кто же?

Женщина молчала.

Ну и дела.-- Подумал я. Она, скорее всего, местная горянка и, вероятно, что – то не поделила со своим мужиком. Так сдуру ввяжешься в их местные семейные разборки , глядишь, и сам ни за что, ни про что, схлопочешь пулю в лоб. Горцы народ горячий и непредсказуемый в своих поступках. Да и стреляют неплохо...

Вы русский-- то понимаете?

Женщина утвердительно кивнула.

Тогда давайте -ка быстренько ко мне в дом. Обогреетесь ,а там разберемся и с вашим снайпером.

Женщина не шелохнулась. Я сбежал с крыльца и взял её за руку. Рука была нежная и, на удивление, теплая.

--И все же, за что это он вас? Неужели, так прямо из постели и выгнал на мороз? Ну что же это за человек? Просто поддонок , а не мужик! Дикие же у вас законы ! Да его самого за такой поступок убить мало! Но уж судить точно надо!...

Она не сопротивлялась и, не вынимая свой руки из моей, покорно вошла в дом. Очаг еще не догорел. Я посадил её на шаткий стул спиной к огню, и набросил на плечи мою теплую лыжную куртку. Она спокойно застегнула молнию и, к моему удивлению, даже не попыталась повернуться к огню или , хотя бы протянуть к нему, наверняка, озябшие руки и ноги. Мне вообще показалось, что женщина ничуть не страдает от холода .

--Мы сейчас согреем чай. Обогреетесь и поговорим. Обсудим ситуацию, и наметим план наших дальнейших действий. Вы не волнуйтесь , мы вашего негодяя обязательно призовем к ответу.

Он преступник и должен будет ответить по закону. Вы согласны со мной?

Женщина не ответила. Мне начало казаться , что все случившееся ни коем образом её не трогает.

Может быть, она глухая или не знает русского языка и просто не понимает меня? Однако, в её глазах явно светился разум и, пожалуй, некоторый интерес к моим словам, и я понял, что она внимательно слушает меня , но что – то мешает ей ответить...

--Расслабьтесь. Все страхи уже позади . Ваш обидчик не посмеет

войти в мою комнату. А если и появиться , то получит достойный отпор и хороший урок на будущее. Я смогу объяснить ему должным образом , как надо обращаться с красивыми женщинами. Можете поверить на слово , я не лыком шит, и в молодости несколько лет не безуспешно занимался боксом и японским карате. У меня даже есть черный пояс по этому виду борьбы.- Вы, естественно, знаете, что означает этот черный пояс-?

Она из приличия кивнула.

Тут я откровенно блефовал. Боксом я действительно очень недолго занимался в девятом классе школы, но настолько неэффективно, что тренер , по дружески, посоветовал мне заняться шахматами или еще чем-нибудь в этом духе.

После института я неожиданно для себя увлекся горными лыжами. Для любителя овладел этим видом спорта достаточно прилично. И уже в течение многих лет проводил свой отпуск в горах. Однако же, в присутствии этой очаровательной женщины, обиженной грубияном и подонком мужем и, к тому же, несомненно сильно напуганной , я вдруг почувствовал себя почти мифическим Гераклом, былинным Ильей Муромцем или современным Мохамедом Али.

В подтверждение своих слов я запер дверь на ключ и заложил за её ручку кочергу. Моя гостья благодарно кивнула , но при этом, почему – то грустно, и я бы сказал , как – то недоверчиво,

улыбнулась . Вообще, за эти несколько минут общения, если наши столь краткие отношения можно было бы назвать таковыми, у меня появилось странное но достаточно твердое ощущение, что эта женщина знает обо мне значительно больше , чем я предполагаю. Что я её ранее где - то видел и, что она не совсем посторонний человек в моей предыдущей жизни... Я отбросил эту глупую мысль и постарался хоть чуточку исправить её настроение.

--Сейчас обогреетесь и поговорим с вами, что и как... Я взял у хозяйки чайник. Огонь в очаге еще достаточно силен, и мы мигом сообразим чай и замечательный ужин. У меня есть шпроты и сайра, пряники и мармелад, а ,главное,- замечательно свежая лепешка и рокфор из вашего буфета. Вы любите мармелад? Конечно любите ! Все женщины и дети сладкоежки.

Я надеюсь, что этот ваш негодяй стрелял холостыми патронами? Или хотя бы в воздух?! Поди, просто напугать вас хотел подлец !? Он же должен понимать, что даже за легкое ранение понесет достаточно серьезное наказание по соответствующей статье уголовного кодекса?! Он же не полный идиот, надеюсь?

Женщина отрицательно покачала головой.

Неужели действительно застрелить пытался!? Ну и дела... Ну и порядочки в вашем ауле,... скажу я вам. А вы, пока чайник не заурчал, возьмите вилочкой шпротинку с лепешкой. У нас в городе это сейчас большой дефицит. Раньше, когда еще страна была большой и общей, я не говорю -дружной, Прибалтика заваливала ими полки магазинов. Сейчас же даже треска и та стала дефицитом. Дети – то у вас есть? Молчите. Да, я уже заметил, в вашем поселке, вообще, все не больно и разговорчивы... Ну разве что кроме буфетчика... Жестокий режим экономии даже на слова. А , быть может, оно и правильно. От того, что мы городские не в меру болтливы, жизнь лучше и легче не становится. Язык наш, враг наш! Это четко.

Я вынул из очага кипящий ,весело поющий чайник и налил ей в граненый хозяйский стакан в затертом алюминиевом подстаканнике ,крепко заваренный в ковшике индийский чай.

Если слишком крепкий скажите, не стесняйтесь, я разбавлю кипятком. Сахар в кружке. Вы как с моей старухой- хозяйкой, вашей соседкой , живете в мире? На вид -то она уж больно строга . Ну чистая баба Яга из сказки об Иванушке и Василисе Прекрасной! Знаете эту сказку?

Женщина не проронила ни звука. Она внимательно наблюдала за мной , но не притронулась ни к чаю, ни к моим нехитрым дефицитам. Вопрос о старухе -соседке явно вызвал у неё недоумение. Красивые тонкие брови удивленно приподнялись, в глазах читался немой вопрос.

--Вы что, не дружите ? Ну, я же говорю, старая кикимора не большой подарок для закадычной дружбы. Я бы тоже держался от неё подальше. А ваш дом какой? Тот, что напротив?

Она глазами показала , что нет.

Откуда же вы ? Не из соседнего же аула бежали голышом по снегу? Да и он за вами? Выстрелы были совсем рядом? Я даже видел дымок пороховых газов из ружейных стволов? И потом, почему вы остановились именно у этого дома? Случайно? Или, может быть, у вас рядом живут родственники? Кстати, моя очаровательная старушенция, не ваша ли свекровка, или еще кто –нибудь из близких? Может быть вы стесняетесь мне об этом сказать?

Она взяла в руки подстаканник, и начала молча маленькими глоточками пить пустой чай, как бы не слыша меня.

Да ... Дела...-- Без особой радости подумал я .—Похоже, я крепко вляпался ... И только один Господь знает , чем для меня эта дурацкая история закончится. Неожиданно засиженная мухами керосиновая лампа ярко вспыхнула и я, наконец, смог хорошенько разглядеть мою гостью. Мягкие черты прекрасно вылепленного природой удивительно милого лица. Нежная ,бархатистая слегка смуглая кожа. Огромные карие глаза с

голубоватыми белками. Высокий гладкий, без единой морщинки лоб, чуть полноватые губы чувственного рта. Длинная с красивым гордым изгибом шея. Напротив меня сидела красавица лет тридцати с удивительно милым и невероятно знакомым мне лицом. Лампа еще несколько раз мигнула, и комната вновь погрузилась в серый полумрак. Я зажег огарок толстой свечи, стоящий на полке у очага и спросил, не налить ли еще чаю. Она улыбнулась и придвинула мне чашку.

Ах, значит, вы не немая. А я-то ругал себя за то, что пристаю к вам со своими идиотскими вопросами, а вы не слышите меня! Тогда простите дурака. Вы не расположены к беседе, - я вас понимаю.... Ситуация, в которой вы оказались, мало располагает к разговорам с малознакомым мужчиной. Ничего, мне с вами и так хорошо. От вас на меня нисходит удивительное тепло и спокойствие. Я даже забыл о возможном и малоприятном визите вашего мужа. Вот так я чувствовал себя в те минуты и часы, когда рядом со мной находилась моя прекрасная мама....

И тут я отчетливо вспомнил.... на кого так похоже её замечательное лицо... Да еще как похоже!... Просто поразительное сходство!... Поразительное... Я просто не верил своим глазам. Конечно, я должен был вспомнить и узнать его сразу же! В ту же секунду, как увидел. Это было главное лицо в моей жизни!.. Лицо женщины, которая подарила мне самые счастливые минуты, часы, месяцы и годы бытия. Прекрасный лик, при воспоминании о котором, мое лицо заливала краска безумного стыда и горечи. Лицо женщины, которую я безумно любил и, очевидно, люблю и сейчас. Которая, так самозабвенно любила меня! И которую, я несколько раз так бесстыдно, так мерзко предал в своей жизни! Предал из – за элементарной мужской трусости как последний, законченный негодяй! В предыдущие годы я старался не вспоминать о ней. Забыть о тех минутах счастья и позора. И мне казалось, что это удалось... И вот здесь, ...в этом проклятом Богом захолустье ... Судьбе было

угодно снова воскресить эти воспоминания... Почему?... Для чего?...

А быть может, в этом есть некий скрытый от моего сознания известный и понятный только судьбе тайный смысл?..

Я терялся в догадках, а щеки мои пылали от заливающей их багровой краски.... . Какое счастье , что слабый свет свечи скрывал их от её глаз, внимательно глядящих на меня.

А начиналась эта история двадцать лет назад.

Мама уже давно мучилась сердцем. За последние несколько лет у неё дважды случались тяжелые инфаркты. И я неделями дежурил у её кровати в больничной палате, моля Всевышнего и на этот раз даровать ей выздоровление. Это случилось 13 января - в канун старого Нового Года. Мама накрыла праздничный стол и вдруг, побледнев, осела на стул в сильнейшем сердечном приступе. Я помог ей лечь на диван , открыл форточку, положил мокрое полотенце на грудь , под язык таблетку нитроглицерина и вдруг обнаружил, что дома закончились все её основные лекарства. Таблетка достаточно быстро помогла. Мама глубоко вздохнула, закрыла, глаза и уснула. Я быстро накинул куртку , шарф и, погасив свет в комнате, побежал искать дежурную аптеку. Ближайшая находилась недалеко, сразу же за городским парком , напрямик до неё можно было добежать минут за двадцать. Зажав в руке заветный пузырек с жидким нитроглицерином, еще какие – то таблетки я побежал обратно. Однако на моем пути встретилось неожиданное , но прелестное препятствие. На скамейке в центральной аллее сидела очаровательная, длинноногая брюнетка лет двадцати. Традиционного в таких случаях , детектива в мятой мягкой обложке в руках у нее не было. Закрыв глаза, она с мечтательной улыбкой на устах витала где-то в мире ином... Прекрасном, путь в который, в связи со здоровьем мамы, мне в тот момент был заказан. Я пробежал бы мимо , спеша принести облегчение чуть живому сердцу матери, но споткнулся,

наступив на длинный развязавшийся шнурок ботинка , и неловко растянулся прямо у её ног.

Она удивленно, а скорее испуганно открыла глаза и недоуменно взглянула на мое, столь нелепо растянувшееся на грязном снегу долговязое тело...

Я попытался лихо вскочить на ноги и превратить свое форсма жорное падение в, якобы, специально придуманную шутку . Однако резкая боль в щиколотке заставила меня громко вскрикнуть и дон-жуановская улыбочка на устах мгновенно и непроизвольно превратилась в жалкий беспомощный оскал тяжело раненого в бою воина. Девушка протянула мне руку и помогла одноногим воробьем допрыгать до скамейки.

--Очень больно?

Участливо спросила она.

Как это вы так неловко?

--Развязался шнурок . Слава богу место он выбрал правильное. А то бы я проскочил мимо своего будущего счастья. Пролетел бы как фанера над Парижем.

Попытался сострить я .

--Шутник вы, однако, юноша. Утешает в этой шутке, я надеюсь, не самой удачной в вашей жизни, только то обстоятельство , что фанера в этом полете,-- это, надеюсь, вы, а мне в нем , слава Богу, досталась роль прекрасного Парижа. А теперь, Чаплин, сотрите с лица вашу жалкую ,...обратите внимание, я не сказала идиотскую улыбочку, и снимайте ботинок. Осмотрим вашу щиколотку.

--Надеюсь, вы не тот ветеринар из анекдота, который осматривая вывихнутую щиколотку беговой лошади , при её неловком движении закричал: --«тпру , стоять, скотина!»

--Не беспокойтесь , с вами я поступлю вежливей, если , конечно, вы будете вести себя спокойнее, чем тот прыткий мерин.

Так больно?

-- Ой! И еще как!

--А сейчас?

Я попытался выглядеть героем в её глазах, но Святого Себастьяна из меня не получилось, и я снова вскрикнул от нестерпимой боли.

-- Простите, я не расслышал, как вас зовут?

Проверенным десятки раз приемом наглого знакомства воспользовался я.

Девушка, нежными пальчиками легко, почти профессионально массируя мою больную лодыжку, не ответила и озабоченно, с очень серьезным выражением лица продолжала проделывать эту очень болезненную, но чертовски приятную врачебную процедуру. И мне пришлось повторить свой нелепый в этой ситуации, банальный вопрос.

--А я вам, между прочим, и не отвечала.

--Жаль. Значит на этот раз мне не суждено... А мне вначале показалось...Значит я ошибся...Спасибо за братскую помощь и прощайте...

Я сделал вид, что собираюсь строить из себя и дальше несчастного одноногого инвалида --воробушка попытался подняться со скамейки, но, не тут -- то было:- острая боль молнией прошила все тело и вонзилась в мозг тысячью иглами. Холодный пот струйками пополз по спине, и мне безумно захотелось дико заорать, раскрыв глотку до упора, как это делают зевающие бегемоты Амазонки .

Девушка сердито взглянула на меня, и по сдвинутым к переносице прелестным бровкам я понял, что веду себя, как минимум, глуповато. Не по- мужски.

--Не заставляйте меня думать, что вы специально разыграли этот вывих, чтобы познакомиться со мной. Заинтриговать и разжалобить эдакую одинокую сентиментальную дурочку. Я видела и не такие номера в своей небогатой практике случайных знакомств с мужским полом, и можете мне поверить, ваш не самый удачный из этой серии.

--Очень любопытно ! И как же это делали мои коллеги? Может быть, поведаете неучу? Проведете с неловким невеждой урок ликбеза кадриловки второй, лучшей половины человечества?

--Фу, какое мерзкое слово –кадриловка... Я начинаю думать, что вы и впрямь невежда. Поверьте, в великом и могучем русском языке классиков прошлого столетия существуют слова, куда, как более интеллигентные, я уже не говорю о Шекспире. По – вашему, Ромео тоже кадрил Джульетту? И вообще, почему вы считаете женщин второй, а не первой половиной человечества? У вас есть на это веские доводы?

Мне стало стыдно и я запросил пощады. Девушку звали Марина и это имя неожиданно так быстро прочно вошло в моё сердце, что начало казаться, что я знал его и эту девушку всегда! С моих самых юных лет... Я сел на скамейку, и подняв с земли обломок веточки, нацарапал на снегу её имя.

--О- о! Оказывается, вы ко всем вашим уникальным цирковым способностям , еще и владеете грамотой! В наше время не часто встретишь столь одаренного юношу в таких –то летах. Что же, в таком случае не возьмите за труд и нацарапайте рядышком ваше имя.

Я немедленно выполнил её просьбу .

Прекрасно! Bravo! А теперь справа поставьте знак равенства и напишите слово –«любовь». Видите, как здорово получилось? Надеюсь, обручальные кольца у вас при себе, и мы можем прямо сейчас , даже не поднимаясь с этой скамьи, обручиться. **А завтра, познакомившись с нашими родичами, не теряя драгоценного времени и не откладывая в долгий ящик это замечательное событие, прямо отправиться в ЗАКС!** Естественно, если вы достигли совершеннолетия! Не так ли?

Мы оба расхохотались её остроумной шутке и невольно схватились за руки.

Ну, я же говорила, что все идет к свадьбе.

Отсмеявшись, вытирая слезы смеха, сказала Марина.

Но смех смехом, а с вашей ногой надо что – то делать, и вот это уже серьезно. Давайте я добегу до телефона -автомата и вызову скорую? А вы, Олег, пока посидите здесь и так жё , как это делала я осторожноенько массируйте сустав. Только не перестарайтесь, применение грубой мужской силы здесь противопоказано.

Она встала и быстрым шагом пошла к выходу из парка.

--Марина! Вернитесь!

Крикнул я.

Сейчас быстро темнеет, и ходить одной по парку может быть небезопасно. Посидите со мной . Через час ноге , наверняка, станет лучше и вы поможете мне доковылять до дома. Я живу недалеко. Лучше принесите мне вон ту поломанную ветку с рогатиной на конце, и я сварганю из неё отличный костыль.

Мы проболтали с ней до утра, до первых лучей солнца . Мы целовались как сумасшедшие, и ни на секунду не могли оторваться друг от друга. И только, за полчаса до рассвета она сладко уснула на моем плече. Я с нежностью смотрел на её замечательное и уже ставшее мне таким бесконечно родным и любимым лицо . На маленький нежно посапывающий носик. На припухшие от наших бесконечных поцелуев губы. Я вдыхал дивный запах её волос, с едва уловимым ароматом незнакомых мне, но удивительно приятных духов. Я уже знал всю её биографию почти с рождения, а она мою. Мы оба были студентами второго курса разных вузов. Она экономического , я -технического. Нам обоим было по 19 лет.

Мы оба влюблялись до сегодняшней встречи дважды и оба в одинаковом возрасте , Первый раз в детском саду в пять лет, второй- в шестом классе школы. У обоих , первая и вторая любовь закончились личной трагедией и разочарованием в партнере. Наше, же так внезапно возникшее обоюдное чувство, конечно, было самым сильным ощущением в жизни и, безусловно, это и была та самая настоящая шекспировская любовь, которая отныне будет с нами навсегда!... Навсегда!...

Навсегда!... Так любили друг друга только Ромео и Джульетта и еще , наверное, наши с Маринкой родители ... Наши чудесные мамы и папы! Мама!!!...Вдруг, это слово ударило мне как обухом по голове!... Я подлец! Негодяй! Нет, я не просто отвратительный эгоист, – я предатель! Предатель!... Я сунул руку в карман куртки и бутылочка с нитроглицерином обожгла мне пальцы! Господи, прости меня! Ты тоже виноват в совершенной мною подлости! Да! Да! Ты тоже! Почему ты воздвиг стену любви между моим эгоизмом и жизнью, и здоровьем моей мамы?! Почему, построив этот сумасшедший мир, полный предательства и подлости, ты так спокойно глядишь на дело своих рук из небесного далека! Да! Да! Почему он так устроен, этот мир? Вроде бы в каждом языке существуют сотни тысяч слов и все они равны между собой. И вдруг, при определенных обстоятельствах и самым неожиданным образом, некоторые из них приобретают совершенно особый, исключительный смысл?! Когда между двумя людьми, совершенно чужими и незнакомыми еще несколько часов тому назад, встает такое понятие, как любовь. То , казалось бы, совершенно ординарные в обычной жизни слова, такие как: Мой!... Моя!.. Глаза!.. Губы!... Нежность!... Ладони!...--- Звучат, как волшебная музыка!? А когда появляется слово - смерть, то слова : Сердце! Воздух! Вода! Боль! Крик. Рыдания! -Становятся невыносимыми...Невыносимыми... Я неловким движением разбудил Маришку. Она, не открывая глаз, сонно потянулась к моим губам и я вновь на какие – то мгновения , а быть может и минуты, упал в сладкую кому нежности, страсти и любви.

--Что-нибудь случилось , Олежик?

Тихо с тревогой спросила она, отняв свои губы.

--Да , любимая , мама... Моя больная мама ...Я до сих пор не принес ей лекарство... Боже, какой я эгоист!.....Мне надо бежать! Бежать! Бежать!..

--Бежим, милый, бежим... Боже мой! Какие же мы бездушные эгоисты....

--Нет , нет!! Ты тоже беги к себе домой! Я уже в полном порядке и мигом доберусь до своего. Жди меня здесь сегодня! Я прямо после лекций прилечу к этой скамейке! Это буде часов в пять!

--Нет, нет! Я тебя провожу до дома! Обязательно провожу!

Уже поднимаясь на лифте- я знал, я твердо знал, что предательство своей матери не может быть оправдано Богом. Я уже знал, что дома случилось нечто страшное... Мама лежала на коврике возле кровати , поджав ноги, приложив руки к груди. На её лице застыл последний в жизни предсмертный крик невыносимой боли. На всю мою последующую жизнь этот страшный немой крик остался для меня невыносимым укором....

.....X.....

Мы с Маринкой сидели у свежей маминой могилы. Цветы, а их было очень много , многоцветным ковром устилали холмик и он очень напоминал фантастически красивое мозаичное надгробие великого танцора Нуриева. Ограды и скамеечки еще не было и мы, тесно прижавшись друг к другу, сидели на скамье соседнего , тоже еще не огороженного, скорбного участка. На покосившемся мраморном камне, была прилеплена эмалированная фотография очень симпатичного десятилетнего мальчика по имени Николай, а рядышком надгробие с фотографией его матери- красивой молодой женщины, умершей через три года после гибели сына.

Скорее всего, эти могилы уже много лет никто не посещал, и их унылое запустение добавляло грусти моему горю. Я где – то читал, что после смерти первые девять дней астральное тело, покинув физическую плоть ушедшего в другой мир человека, продолжает существовать в нашем же измерении и видит и слышит все, о чем говорят его родные и близкие. Тогда я не обратил особого внимания на эту информацию. На эту тему существует масса литературы. Среди авторов есть имена

известных ученых теоретиков, врачей реаниматоров, писателей фантастов и просто журналистов --компиляторов. Основная масса придерживается теории врача- психиатра Моуди, который в течение многих лет путешествуя по самым разным странам и континентам собирал и систематизировал рассказы очевидцев собственной смерти , то есть людей, переживших клиническую смерть и возвратившихся обратно в жизнь. Большая часть историй вновь обретенной жизни, рассказанных доктору, были удивительно схожи между собой, хотя никаких контактов между этими людьми быть не могло. Смысл историй сводился к одним и тем же положениям. После остановки сердца и констатации смерти врачами бестелесная плоть умершего или ,если хотите его душа, как бы повисала в воздухе над своим физическим телом. Она видела и слышала все , что происходило вокруг , но ,при этом, ни на что не могла повлиять. Её не замечали ни врачи, ни медсестры, если это была операционная , ни просто находящиеся рядом с умершим люди. Далее это бесплотное , но вполне самостоятельно мыслящее тело (душа), влетало в длинный темный туннель, в конце которого был виден яркий свет и вылетало в другой, ярко освещенный непонятным светилom мир. К вновь прибывшему обращался очень доброжелательный Голос, которому тот очень коротко рассказывал про свои грехи и добрые дела ,совершенные им за время пребывания в мире земли. Во время откровенной душевспасительной беседы с Голосом к вновь преставленному слетались бестелесные тела его родителей, детей, внуков и близких друзей, с которыми он мог свободно общаться. Выслушав исповедь вновь прибывшего , Голос спрашивал не хочет ли он вернуться назад в свое физическое тело? И если тот соглашался, отправлял его назад через тот же туннель. Бывали случаи, когда Голос сам решал, все ли сделал в своей прошлой жизни человек, и отправлял его обратно в земной мир без его согласия, говоря при этом :--«Тебе прилетать к нам еще рано»... Был ли это Голос самого Всевышнего или просто ангела -

чиновника, выполняющего эту небесную работу по должности, пациенты доктора Моуди не ведали. Питерский ученый, профессор Коротков в течение многих лет занимался жизнью после жизни астральных тел человека. Он использовал очень любопытный феномен, случайно открытый в тридцатые годы инженером Кирлианом, позволяющий вынести на дисплей компьютера энергоинформационные поля живых клеток растений, животных и людей, и проследить процесс их постепенного умирания.

Полученные результаты были поразительные. Опыты показали, что в течение первых девяти дней клетки в умершем физическом теле продолжали излучать энергию. В конце девятых суток этот процесс скачкообразно резко сокращался, но более слабые импульсы еще продолжались до сорокового дня, после чего жизнь клеток полностью прекращалась. Можно только поражаться народным поверьем, отмечающим уже десятки тысячелетий те же границы этих циклов без современных компьютеров!

И все же мне было непонятно, куда же все девалось? Жила была на свете моя чудесная, добрая, замечательная мама. Редкой души человек. Человек, излучающий огромное душевное и чисто физическое тепло. Ну, скажем, физическое тепло это понятно, -- теплое без внутреннего подогрева остывает... Хотя, когда я пытаюсь представить маму живой, я просто органолептически чувствую исходящее от нее тепло. Ну, хорошо, тепло покидает тело, теплое остывает, энергия рассеивается в пространстве, но доброта, разум, накопленные знания, воля, любовь к родным и близким?.. А какая у неё была воля!.... Это же не может исчезнуть мгновенно и в никуда!?!...

Все эти размышления я произносил мысленно, про себя... И, поэтому, вопрос Марины меня ошарашил. Создавалось впечатление, что я все это громко говорил вслух!

--Ты не можешь понять, Олежка, в чем растворилась человеческая суть твоей мамы? Куда девалась её душа? Когда

приходит смерть, обычные человеческие понятия теряют свой смысл. Разум, знания, воля, тепло... Есть смерть, необъятная и нами непознанная, как сама вселенная. Темная, как тень, холодная, как жаба... Есть смерть! И пока она правит живым миром, пока она застилает от наших взоров и понятий остальной непознанный мир: -многое в этом, нашем мире, нам кажется бессмысленным... Может быть, смерть любимого человека превращается в нашу скорбь о нем? И чем сильнее был человек, чем больше человечеству накопленной за его жизнь энергии (читай информации) он оставил нам после своей кончины, включая любовь, -тем больше мы скорбим о нем! И тем сильнее и продолжительнее эта скорбь... Смерть любимых близких, как фильтр очищает наши души и часто многих из нас делает лучше... К сожалению, так же часто бывает, что не надолго... Твоя замечательная мама сейчас видит нас. Слышит мои слова и легко читает твои и мои мысли. Увы, но эта возможность кратковременна, и скоро её замечательная душа покинет земной мир, но чем дольше ты будешь хранить память о ней, и чем больше будет объем этой памяти, тем теплее и комфортнее будет ей в том её, теперь уже вечном, мире.

Я слышал её слова. Её правильные, её умные и замечательные слова. Но тяжелый вязкий ком давил мне на сердце и казалось вот- вот задавит его... Заставит остановиться.... Я не помнил своего отца. Он давно ушел из нашей с мамой жизни. Она никогда не говорила мне о нем. Я был её ребенком, её любимым сыном, мне она посвятила всю свою жизнь. Я был для неё всем. Её земным миром! Её вселенной! И она для меня тоже.... Я никак не мог понять, что же все – таки со мной случилось в тот вечер? Как я мог забыть о её больном сердце, и до самого утра просидеть в парке с пузырьком спасительных капель в кармане?...Какая сила заставила меня совершить этот предательский поступок?...Я предал самое дорогое, что составляло суть моей жизни... Я не подал ей стакана с водой,

когда умирая , она ,стиснув зубы, кричала от невыносимой боли !

Я упал на колени . Я скреб пальцами свежую землю вперемежку с обломками цветов. Рыдания сотрясали мое тело. Я не хотел дальше жить... Я был абсолютно уверен, что до конца своих дней буду замаливать этот страшный грех! Этот отвратительный предательский поступок, которому нет, и не может быть оправдания в моей дальнейшей, и теперь уже никчемной жизни!...

Прости меня мама! Когда к человеку приходит любовь, обычные человеческие слова и чувства теряют свой первоначальный привычный смысл. Боль, разум, долг и даже совесть уходят куда – то далеко , далеко... И остаются только такие удивительные, такие незнакомые до этого слова, как : люблю, глаза, пальцы, ладони, губы, лицо, запах волос... Прости меня, мама... Прости... Если сможешь...

.....X.....

Я постарался забыть эту трагедию навсегда. Я постарался вычеркнуть её из своей памяти. С ней в сердце и в мозгу невозможно было существовать, пробиваться в этой жизни! Всплывать наверх, расталкивая локтями и коленями, рядом стоящих, чтобы вынырнуть на поверхность. В нормальном человеческом обществе, да что там в человеческом, в любом животном , наверх поднимается только самая сильная особь. Общество должно всячески мешать это ей сделать, но уж если он все же добрался до самого верха честно и самостоятельно, значит он действительно настоящий сильный лидер, способный принимать неординарные решения и вести за собой толпу , из которой с такими усилиями выбился! Я знал этот непреложный закон здорового, правильно устроенного общества и вначале попытался было реализовать его на практике... Но, увы... К несчастью, я был рожден и вырос в стране с совершенно иным

строим. С совершенно другими понятиями о лидерстве, с другими жизненными ценностями и законами бытия... В этой стране чтобы стать лидером надо было во – время говорить , а лучше вопить:- «Да ! Да! Да! Совершенно во всем согласен, и с большинством, и с вами лично! Вы, как всегда абсолютно правы! Наш вождь – гений! Ура! Да здравствует! Что вы, что вы, только после вас!» Тогда ты становился нужным той мрази , которая таким же способом выбралась выше тебя, выше толпы, выше всех! А это означало , что ты стал для них своим. Стал той же мразью! Да, ты мог быть не согласен с вышестоящим по табельному рангу! Мог возмутиться и потребовать сделать все не так, а вот эдак! Но позволить себе совершить этот крамольный поступок ты мог только выйдя в коридор из этого вышестоящего кабинета. И сделать это следовало беззвучно, про себя, лучше не шевеля губами, очень осторожно, и чтобы рядом не было никого из сослуживцев! Нужные бесхребетные ничтожества, кричащие только здравицы и в нужные руководству моменты мгновенно вскидывающие вверх руки,- легко, безо всякого напряжения сил и нервов всплывали на самый верх. И сила властных структур, да и самого правительства определялась лишь степенью мерзости их членов и страхом жестокого наказания за неподчинение этой отлаженной , не имеющей никаких моральных барьеров государственной машине. А живому человеку нужны были для нормального существования в этом гнилом болоте живые оптимистические мысли и поступки, которые вселяли бы в него бесконечную, бескомпромиссную бодрость и неукротимое желание трудиться во благо... и жить! И я, впрочем, так же как и все остальные тихо, не высываясь, достаточно комфортно жил, а, вернее, существовал в этой трясине....

-----X-----

Проснулся я на холодном полу одетый, накрытый своей курткой ,и долго не мог понять, где я?... Почему на полу?... Где эта странная нагая женщина? Плед на кресле?...Чашка на

столе?... Почему её появление заставило меня вспомнить всё это?... Почему я допустил, позволил себе до такой степени расслабиться?! Нарушить собственное табу?!

Да, Да! Мать умерла от сердечного приступа. Я действительно не застал её в живых в то утро... Но если бы я даже был бы в это время дома?... Чем бы я мог ей помочь?... Нитроглицерин-это временное облегчение сердечной боли,...но не более!... Я, что? Мог отогнать от неё смерть? Заставить биться то , что после стольких инфарктов осталось от этого сердца?.. Глупо даже думать об этом... Просто глупо! Ведь после последней выписки из больницы профессор- светило ясно и четко сказал мне, что следующего инфаркта этот дряблый , изношенный трудностями жизни мешочек с едва живыми клапанами уже не сможет выдержать! Запас его прочности давно исчерпан! И вообще удивительно , что оно еще бьётся!? Значит, эта таблетка только продлила бы её страдания! Значит, я прав! Я тысячу раз прав. Я не совершил никакого преступления! И нечего будить во мне эти сентиментальные, мешающие спокойно жить в этом, и без того таком беспокойном, сложном мире, воспоминания! Я подошел к окну, ночью была поземка и намела свежего снега. Следов не было. Да и были ли они вообще? Пушистый , слепящий глаза первозданной белизной он ровным покрывалом устилал двор. Я попытался вспомнить лицо этой женщины, но не смог . Мне почему – то казалось, что это было лицо Марины . Во всяком случае, сходство было поразительное... Скрипнула дверь, в комнате, как мрачная тень отца Гамлета, появилась старуха -хозяйка.

Вчера вечером я плохо рассмотрел её, но зато сегодня она предстала передо мной в полной красе. Ведьма! Чистой воды ведьма. Не хватало только помела в руках. Узко посаженные глаза , длинный кривоватый клювообразный нос, тонкогубая прямая щель ввалившегося беззубого рта и резко выступающий вперед острый подбородок с длинными седыми волосками на нём делали её удивительно похожей на кукольных ведьм ,

которых так любят покупать туристы в сувенирных лавках Швейцарии. Говорят, что они хорошо охраняют домочадцев от дурного глаза. У меня такая ведьма – охранительница, привезенная друзьями из туристской поездки в Женеву, висит в прихожей. Я закрыл глаза и представил себе старуху- хозяйку, висящую в прихожей на гвозде под потолком... Веселая картинка получилась...

--Чего принести? --Гнусавым голосом с резким кавказским акцентом прогундосила любимая подружка лешего.

--Да вроде бы пока ничего. -- Отозвался я.

Скажите, мать, вы ночью ничего такого странного,.... не слышали? Часов, эдак в двенадцать?

--Ночью я сплю. Да и не мать я тебе вовсе .

Пробурчала ведьма и пошла к выходу.

-- Мне показалось, что кто – то стрелял и где -то совсем рядом... Почти под моим окном...

--Почудилась это вам, у нас в поселке ночью все спят.

--А вы слышали, как я выходил в кухню за чайником?

--Если бы выходили- я бы слышала, а я не слышала.

--Так вот же чайник, видите, он стоит в очаге? Я ночью печку топил специально для него.--Обрадовался я и указал рукой на очаг. Однако очаг был пуст. Чайника в нем не было....

--Очаг – то пустой. -- Буркнула суженая Кашея и ушла.

Я ошарашенно оглядел комнату и заорал ей вслед:

-- Он еще закоптился с одного боку. Поглядите, на нем свежая сажа!

Старуха не ответила . Я зашел в кухню . Чайник, как и вчера вечером, по – прежнему, стоял на холодной плите, сверкая начищенными песком медными боками, Он был действительно чистый, да и чашка была пустая, без единой чайинки... Чудеса в решете... Да и только... Наверное, эта Голая все вымыла перед уходом... Наверняка...

Я взял лыжи и до позднего вечера, до темноты бродил по горам, осваивая склоны. Горы были пусты. Ни одной лыжной колеи. С

горы поселок был виден как на ладони. Из труб глинобитных домиков, стоящих на фундаментах из валунов, струился ласковый голубоватый дымок, веяло теплом и семейным уютом. Чем они занимаются зимой?

- Размышлял я. Работы же в поселке- никакой. Живут летними заготовками овощей и фруктов, да режут баранов? Вечера длинные и темные. Лампы коптящие, керосиновые. Телевизоров нет. Лафа мужикам: – пей чачу и делай детей, – вот и вся работа. Двинуться от скуки можно. Я снял лыжи и зашел в забегаловку. Толстобрюхий буфетчик сидел один и грустно играл сам с собой в нарды, поворачивая доску с шашками на столе после каждого своего хода. Затхлый прошлогодний овечий сыр так провонял, резким до слезы козлиным потом, что разбавленное водой кислое красное сухое домашнее вино не могло забить его едкого запаха и вкуса. Зашедший, неизвестно что здесь делавший охранник ВОХР, подозрительно оглядел меня с головы до ног, выпил залпом без закуски почти полный граненый стакан коричневой чачи- первача, громко рыгнул и не расплатившись, вышел на улицу. Буфетчик равнодушно поглядел ему вслед, и буркнув что – то, очевидно не совсем цензурное себе под нос, продолжал увлеченно щелкать шашками.

--А что? У вас в поселке случаются нарушения общественного порядка?-- Спросил я.

--Не случаются. --Проворчал пузатый, не отрывая глаз от доски.

Я расплатился. Дал на чай и отправился к себе.

Старуха уже, видимо, спала. Собака лениво повернула голову в мою сторону и, снова уложив её на лапы, закрыла глаза. В комнате было темно, сыро и холодно. Старая гримза не удосужилась протопить её в мое отсутствие. Я зажег керосиновую лампу, принес со двора охапку дров, растопил камин, поставил чайник в топку, сел у огня и почти сразу уснул под приятный треск плохо просушенных поленьев. Разбудил

меня громкий лихорадочный стук маятника . Стрелки показывали ровно полночь. В комнате потеплело, но камин едва тлел. Я поднялся, чтобы бросить в очаг остатки, дров, и в этот момент прямо под окном раздались беспорядочные ружейные выстрелы. Я приподнял занавеску и в ярком свете почти полной луны увидел мою Нагую. Она, по-прежнему босая, стояла на том же самом месте что и вчера и смотрела в сторону моего окна. За её спиной, не торопясь, поднимался легкий желтоватый дымок сгоревшего пороха, однако ни самого стрелявшего, ни его следов на рыхлом снегу я не увидел. Я выскочил на крыльцо и протянул ей руку. Она улыбнулась и грациозно, как ходят манекенщицы на подиуме, вошла в дом. Я усадил её за стол спиной к еще теплому камину , набросил на плечики куртку, вынул еще горячий чайник из очага и приготовил крепкий сладкий чай. Она кивнула мне в знак благодарности, но к чашке не притронулась. Когда я, взяв её руку, помогал подняться на крыльцо, то еще раз с удивлением заметил, что нежные пальчики руки были очень теплыми, да и сама она , как мне показалось и в прошлый раз, абсолютно не реагировала на уличную стужу, и не казалась озябшей.

--Вам не холодно?--Удивленно спросил я. Она с улыбкой качнула головой.

У вас удивительно гладкая и теплая кожа. И вообще, вы на редкость обаятельная женщина. Неужели на белом свете может найтись подонок -муж, который может выгнать на мороз, да еще и стрелять из ружья в такое обворожительное и кроткое создание как вы? Честно говоря , я вас, почему – то, ждал сегодня. И когда десять минут назад эти ходики на стене так же как и вчера сошли с ума и начали выделять черти что, я сразу понял , что сейчас появитесь вы, и не ошибся, услышав выстрелы.

Откровенно говоря, я поначалу очень рассердился на вас сегодня утром. Хотя сейчас прекрасно понимаю , что это было ,по меньшей мере, глупо. Вы тут совершенно не при

чем...Просто ту историю, связанную со смертью моей матери , ... в которой участвовала девушка,... о которой я вам рассказывал ,... я, честно говоря, не хотел бы вспоминать,... И вам , конечно, скучно было её слушать. Но вы так тихо ушли... Словно тень или призрак.... Удивительно только, как вы при этом еще успели почистить от копоти чайник, отнести его на кухню и вымыть чашку. Хорошо еще , что вас за этим занятием не застала моя старуха- хозяйка! Представляю , что бы при этом было... Эта история, с мамой, оставила неизгладимый след в моей жизни ... Впрочем, ...это не так уж и важно. Мало ли что может случиться в жизни каждого человека...И не то бывает... Как поется в песне:-- «Так зачем же ворошим мы угли старого костра»...

Я снял с кровати плед и закутал её стройные ноги. Любопытно, что у неё на правой коленке было такое же родимое пятно, как и у моей Марины. В тот момент я не придавал этому сходству большого значения, но позже ...

Она благодарно улыбнулась оказанному вниманию, и даже легонько погладила меня по голове. Этот простенький жест тоже вызвал у меня странные воспоминания,... точно так же делала Марина, когда хотела сделать мне приятное....

Знаете, а я , наверное , неспроста вспомнил ту давнюю историю... Удивительно, но вы мне сейчас очень напоминаете ту мою девушку... Вы на нее очень похожи... Просто поразительное сходство!...Ну просто, как две капли воды... Да и лет ей в то время было столько же... Вам 19? Нет, не угадал? А сколько же ?... Двадцать один?... Тоже нет. Ну, тогда, скорее всего 60? Точно?

Женщина улыбнулась шутке и отрицательно покачала головой. Все, знаю! На самом деле вам пятьдесят, но вы очень хорошо сохранились на здешнем горном воздухе! Bravo! Кстати и волосы ваши так же чудесно пахнут , как и у неё...тогда... Странно , как память надолго сохраняет любимые запахи.... Поразительно!...

Вообще – то, она была замечательная девушка... Совершенно замечательная. ...Её звали Мариной. Такой я в своей дальнейшей жизни больше не встречал. ...Вот интересно, почему, когда к человеку приходит первая любовь, даже слова, казалось бы самые обычные, меняют свое прямое значение и приобретают другой, совершенно замечательный смысл: - глаза, лицо, ладони, волосы, дыхание, губы...

.....X.....

Очнулся я как и вчера -с рассветом, лежа на полу с подложенным под тело вдвое сложенным пледом. Яркие солнечные лучи ласково освещали мое убогое пристанище, и оно уже не казалось таким неудобным и мрачным. Камин погас. Утренний холодок упрямо лез за ворот лыжной куртки, каким – то непонятным образом оказавшейся на мне. Чайника, как и в прошлое утро, в очаге не оказалось. Его, до блеска вычищенного, вместе с вымытой чашкой я обнаружил в кухне. Подошел к окну. Следы, так же как и вчера, замела ночная поземка. Я сел на стул и попробовал последовательно восстановить события вчерашнего вечера. Память четко нарисовала уже знакомую картинку с ходиками, выстрелами и моей очаровательной, загадочной незнакомкой. Но наотрез отказалась припомнить, когда и каким образом я отключился до утра и оказался спящим на полу и одетым в куртку. Однако, мне все же казалось, что еще до момента этой более чем странной отключки, я еще долго что – то рассказывал нагой девушке.

В дверь без стука, неслышно как тень, вошла хозяйка. В руках у неё была старая, со сколами до железа эмалированная кастрюля, накрытая помятой алюминиевой крышкой с кольцом из ржавого гвоздя вместо ручки. Из-под крышки выбивался аппетитный парок вареной картошки в мундире. Она молча поставила кастрюлю на стол. Подолом грязного фартука подняла за гвоздь крышку и пробурчала:

--Масло из козьего молока, не знаю, будешь без привычки есть такое , или что... там....

--Спасибо, бабка. Это большой подарок. Есть хочу как заключенный в карцере. Я с тобой за это отдельно рассчитаюсь.

--Не бабка я тебе, а хозяйка. И в твоих карцерах не жила. А картошка своя и денег за неё я не беру. Не наш буфетчик я....

--Скажи , хозяйка, сегодня ночью ты опять ничего не слышала за окном?

--Сплю я ночью. Всякую ночь сплю себе.

Старуха ушла , тихо притворив за собой дверь. Я с жадностью озябшими руками принялся за горячую рассыпчатую картошку. Неожиданно в мозгу всплыл весь мой вчерашний рассказ до того момента, когда меня свалил этот странный, невероятно крепкий сон....

Мы, как всегда, сидели с Мариной на нашей любимой скамейке в парке. Тихий осенний вечер не предвещал ничего необычного. Маришка доверчиво склонила головку мне на плечо. Какая-то серенькая пташка с розовой грудкой и черненьким клювом очень симпатично чирикала над нами. Я всегда плохо разбирался в птичьих породах и вряд ли смог бы отличить трели курского соловья от тамбовской канарейки. После смерти мамы прошел год. Промчался. Мы встречались почти ежедневно, и если бы не Маришкины родители -она давно бы переехала в мой осиротевший после ухода мамы дом. Любили ли мы., по- прежнему друг друга так же горячо как год назад, в первые месяцы нашего знакомства? Пожалуй, что да... Во всяком случае, вечер без Маришки казался мне вычеркнутым из жизни. Думаю, что ей тоже... Я был второкурсником и жил, а вернее пытался выживать на скудную стипендию и жалкие деньги от разноски почты по вечерам. Марина была на курс старше. В ее семье царил достаток и рядовое номенклатурное благополучие. Папаша был парторгом в какой-то довольно крупной снабженческой конторе. По рассказам дочери -по-крупному не воровал. Нравственность стерильного советского брака и добрых отношений в среде комсомольской молодежи, да и в будущей семье любимой и единственной дочери,- отслеживал строго. Мы встречались в квартирах у моих и ее друзей и в те дни, когда ее родители уезжали в отпуск или на дачу. Страсти молодости били через край, так как друг у друга мы были первыми партнерами по интимной близости, и нам обоим казалось, что сильнее чувств чем наши- нет, да и быть не может ни у одной из влюбленных пар на всей планете земля! Каждый из нас просыпался с именем другого в мыслях и на устах и с тем же именем засыпал! Мы оба безумно ревновали друг друга и, совершенно серьезно считали, что просто бы не пережили разлуки более суток! Все свободное от занятий в институте

время я рыскал по городу в поисках любого заработка, так как стипендии хватало не более чем на неделю. Я разносил газеты ранним утром до занятий и мчался на грузовой железнодорожный терминал, подрабатывая по два-три часа грузчиком на подхвате. Однодневного заработка обычно хватало на две три дискотеки или пару посиделок в кафе мороженого. Питался я в институтском студенческом буфете. Разнообразием блюд мои ежедневные поздние завтраки и обеды почти на бегу не отличались и, как правило, состояли из двух трех-порций столовского постного винегрета и нескольких кусков бесплатного хлеба с даровой горчицей. Через день я позволял себе выпить бутылку кефира. Вечером на свидание Маринка приносила мне завернутые в пергамент пару еще теплых домашних котлет или два могучих бутерброда с докторской колбасой и бутылку лимонада. Голодный, как неделю не кормленный пес, я мигом сметал эти вкуснейшие дары любви, закусывая их на десерт бесконечными поцелуями, не отрываясь ни на секунду от ее сладчайших губ! Зимой мы поехали в загородный пансионат, путевки в который нам подарил Маринкин отец. В те годы существовали мужские и женские палаты от трех до десяти коек каждая, и все свободное от сна и общественного питания время мы проводили в лесу на лыжах в бесконечных поцелуях за мощными стволами сосен и за пушистыми шатрами заснеженных елок. Ко мне неожиданно приехала мамина старшая сестра и старушенция неделями не выходила из дома. Встала проблема места свиданий.

У одной из близких подружек Маринки была небольшая загородная дача. Щитовой неотапливаемый двухкомнатный домик с кухонькой и застекленной верандой. Зимой там никто не жил, и нам дали ключ от этого райского шалаша любви. Я купил на барахолке старенькую, но вполне еще живую керосинку, на огонь ставил кирпич, завесил дверь и окно старенькими настенными коврами, и

через пару часов температура в десятиметровой комнатухе поднималась до десяти –пятнадцати градусов при минусе десяти – двадцати за окном. Затем горячий кирпич заворачивался в половую тряпку и чистое полотенце, и идеальная грелка засовывалась под ватное одеяло ложа любви. Остальное тепло давали наши горячие, полные страсти тела! В конце апреля Маринка примчалась на свидание с сияющим от счастья лицом, и, прижавшись ко мне после традиционного долгого поцелуя, тихонько прошептала на ухо :
 -Милый, у нас будет малыш.

Меня словно шарахнуло током. В первые секунды я даже не понял в чем дело... Я оторвал ее от себя, приподнял подбородочек и, глядя в счастливые, лучащиеся радостью глаза спросил:

--Кто тебе об этом сказал?...

Маринка снова прильнула к плечу и тем же шепотом произнесла:

--Моя доктор в поликлинике.

--В какой такой поликлинике? Надеюсь не в районной?!

--Конечно, в районной... У нас замечательный гинеколог! Да, да! Она наблюдала еще за моей мамой, когда она была беременна мною.

- -Когда ты у нее была?

--Вчера.

--Вчера... А ты уверена, что она действительно хороший врач? Сейчас развелось столько шарлатанов. Особенно в этих районных поликлиниках. Я, знаешь, посмотрелся на них за мамину болезнь. Ни черта не знают толком. Я просто поражался,- и чему их только учили в институте? Да... практика, как ни говори, у участкового врача- ох какая... Могучая, что ни говори!...

Придет такая замухрышка- очкарик, раскроет портфель и пишет, пишет, пишет....Писака... До чего иной раз допишется, что и маму посмотреть забывает. Портфель захлопнет и пошла себе дальше.... Недотепа...

--Нет , милый, наша очень внимательная. Сказала , что уже пятнадцать недель и все идет очень хорошо. Господи, я так счастлива , Олежик! Я ее чуть не расцеловала от радости !

--Ого! Это значит, что уже почти четыре месяца!...А ты что, раньше ничего не замечала?

--Да нет, милый.... Странно, но все было как прежде... Она сказала, что такое бывает... Редко, но бывает... И потом,- нам ведь было так хорошо вдвоем... Я даже пожалела, что все это время мы предохранялись.. . А могли бы все это время и не беспокоиться... Видишь, и врач тоже сказала, что такое ... случается редко... И потом, ты же знаешь, что мы действительно тщательно предохранялись. Даже слишком тщательно! Ведь верно же?...Олежек, нам надо радоваться! Уж раз так получилось. Раз судьба нам подарила ребеночка... Это же счастье! Такое счастье! Разве ты не хочешь его? Ты сам говорил , что если у нас будет мальчик, он будет похож на тебя, потому что у вас в роду очень сильные гены, а если девочка -- то на твою маму. И мы в ее честь назовем девочку Иришкой! Разве это не так?

Я даже не понял, почему на меня вдруг навалилось такое раздражение. Какая --то липкая черная пелена застлала глаза и обволокла мозг. Я был почти в ярости и уже плохо соображал что говорю...Да, да! В тот момент мне даже казалось, что я ненавижу ее! Почему?! С какой стати я должен был вдруг менять свой устоявшийся образ жизни?! Образ, вполне устраивающий меня в данное время!? Я еще слишком молод! Я не созрел для нормального отцовства! И почему мне кто --то навязывает свою волю?! Почему!? В конце концов, я мужчина! Глава будущей семьи! И решать без меня такие сложные, глобальные вопросы - просто нелепо! Да, Да ! Именно так ! Постыдно и нелепо с ее стороны ! Да ,я, конечно, ее люблю! Очень люблю! И она это прекрасно знает, но это не дает ей право использовать в своих интересах мою любовь! Это очень похоже на шантаж! А шантажировать себя я никому не позволю, даже очень любимому человеку. Самому любимому! Я вытер обильный пот со лба , усадил ее на скамейку , погладил по головке и, взяв себя в руки начал, как можно мягче :

Девочка моя, я же сказал тебе, что для меня это абсолютная неожиданность. Я так сразу не могу все это мгновенно осмыслить,

мне необходимо время... Ты слышишь меня , --время! Пойми, вы женщины совершенно по другому устроены. Стоит вам почувствовать себя матерью, как обычные человеческие понятия приобретают для вас совершенно другой смысл: -ручонки, ножонки, личико, пупочек... И все! На этом мир для вас замыкается накоротко! Но ты пойми , девочка моя дорогая, существует еще и элементарный быт! И никуда от него не деться! Ни-ку-да! Слава богу, у нас есть где жить, но надо еще и на что – то существовать! Есть, пить, одевать малыша.... Это же немалые деньги , которые мне студенту добывать пока не по силам! Ты , надеюсь , понимаешь это?

Да и тебе придется бросить институт. Ты готова к таким сложностям?

--Ты говоришь,- тебе нужно время на обдумывание... Но где же взять это время, милый? Ты же понимаешь, что уже поздно. Уже ничего нельзя сделать. И даже если бы и была эта возможность, я бы все равно ничего не стала делать! Я хочу этого ребенка и рожу его обязательно, как бы трудно мне потом ни пришлось! Вот тут уж я окончательно рассвирепел. Меня просто разрывало на части от ее удивительной наглости и чисто бабской глупости!. Я вскочил со скамейки и, встав в позу Наполеона при битве Ватерлоо, произнес ледяным тоном:

--Теперь я, наконец, понял, что же в действительности ты собою представляешь, насколько серьезно относишься к моему мнению и как действительно сильно любишь меня. Как оказалось, тебе абсолютно наплевать на мое мнение по самым важным вопросам нашей жизни! И теперь я, наконец, прекрасно себе представляю, как же сложится наша дальнейшая совместная семейная жизнь! И уверяю тебя,- это отнюдь, не вселяет в мою душу чувство большого оптимизма. Я просто поражаюсь, как долго я не мог рассмотреть в твоём и без того достаточно вздорном характере нотки базарной торговли! --«Я так хочу , и все тут! А на остальное мне глубоко наплевать!»- Спасибо, мадам, за запоздалую откровенность!

Понимал ли я, идиот , какие страшные слова произношу? Как жестоко раню сердце любимой?

Наверное, понимал, но остановить себя уже не мог. Нашла коса на камень! Марина отодвинулась на самый край скамейки и, сжавшись, смотрела на меня глазами затравленного зверька.

--Какой ты страшный сейчас. Я никогда не думала , что ты можешь быть таким... Таким жестоким...Таким чужим... и отвратительным.... Я не хотела бы , чтобы мой малыш был от такого отца.

--Не хотела бы! Так и не надо! Слышишь?! Не надо! — Заорал я. -- Я ,может быть , вообще не уверен...

Последняя незаконченная фраза была просто гнусной,... и я прекрасно понимал это,... Но она сорвалась в состоянии дикой животной злости ... Случайно.... Да! Да! Случайно.... Но сорвалась...

Марина встала и, медленно покачиваясь, пошла к выходу из парка, что – то чуть слышно шепча на ходу. Я не прислушивался к ее словам, но они сами четко как на машинке отпечатывались в моем мозгу: «Почему когда уходит любовь , слова теряют свой обычный человеческий смысл. Теряют тепло, нежность, человечность... Лицо, руки, дыхание, слезы.... Нет ,слезы остаются... Когда убивают любовь - и уходит все,...только слезы... только слезы.....и остаются »...

-----XXX-----

Я проснулся с тяжестью в затылке. Вставать не хотелось. Очаг давно прогорел, и в комнате было чуть тепле , чем на дворе. Я повернул голову к столу, он был чист. Ни чашки с блюдцем, ни сахарницы на нем не было. Чайника в очаге тоже не было видно. Высунул босую ногу из- под одеяла и сразу же убрал ее обратно. Дверь противно скрипнула, в комнату бесшумно вошла старуха с чайником в руках и небольшой охапкой щепок для растопки. Подошла к очагу ,присела и, бормоча что – то свое под нос, начала его разжигать. Я шевельнулся, и она, не отрывая взгляда от пляшущего язычка пламени, хрипло спросила:

--Чайник ставить?

--Поставь, я скоро встану.

-- Ты ночью или ранним утром ко мне заходила?

-- Очень надо, я ночью сплю.

--Ты, конечно, не видела, кто вчера поздно от меня выходил?

--А кто тут еще может быть, я комнату только одному тебе сдавала.

--И голосов вечером из моей комнаты ты тоже не слыхала?

--Я же тебе только что сказала, – по ночам я у себя в каморке крепко сплю. Так с чайником – то что, ставить его на огонь или нет? А то я пойду?

--Ставь, я сейчас встану и схожу во двор за дровами.

Мать, скажи честно, как перед богом у вас в поселке по ночам ходит голая девушка?... Красивая... Белая?..

--Не мать я тебе, уже ведь говорила ...И ты мне не сын и не бог! А по ночам у нас только волки ходят. Да и те воют негромко .

Правда, бывает, что и собак до смерти задирают. Я вот за свою все боюсь, свыклась я с ней. Но уж больно стара она у меня стала. С волчарой ей уже и не совладать. Куда там ей....Чай есть будешь, али нет? Кофея я дома для гостей не держу, да и сама не балуюсь. Не по деньгам оно мне.

Старуха забрала чайник и, шаркая больными ногами, ушла к себе.

-- Старая кочерга,--разозлился я.—От тебя чего – нибудь путного добьешься. Разве что в камере пыток у товарища Берии. Не к ночи будет помянут ,вурдалак....А, может быть я зря на нее... Скорее всего ,у меня начались какие, – то странные галлюцинации.. Видать ,переутомился я здорово на этой богом проклятой работе. Я уже и дома за собой что –то неладное замечал...Не зря моя всю дорогу ноет:—сходи к врачу, сходи... И видать права, зануда грешная , надо бы и действительно сходить. А то уперся как лошадь , которая голодает, потому что от упрямства и глупости не хочет зимой есть сено. Суховато оно, видишь –ли.... А здесь и за сотню верст врача не найдешь. Ну ничего, побегаю на лыжах, -глядишь, и все наладится.

Нет, я, конечно, знал, что это не галлюцинации, что вся эта история с моей нагой красавицей больше напоминает полтергейст. Всяких там барабашек с их идиотскими проделками. Правда, моя барабашка была уж больно хороша. Но ее проделки очень схожи с галлюцинациями. Очень.

Весь день я мотался по горным склонам и вечером голодный как волк, чуть живой ввалился в свою холодную каморку. К моему удивлению у камина хлопотала старуха. Желто-голубой огонек, пока еще очень слабенький, но на глазах набирающий силу, симпатично бегал по поленцам. Старуха что-то бормотала себе под нос и не обернулась на скрип двери. На столе стояла помятая железная миска с несколькими вареными картофелинами и кружка с кислым молоком. На краю стола лежала мятая, засаленная, наверняка, вековой давности колода карт. Хозяйка трудно поднялась с колен, обтерла руки о фартук и, указав мне рукой на колоду, села и начала ее неумело тасовать. Я спросил, во что будем играть?

--В дурака,-- пробурчала старуха,--только поешь поначалу. В плошке масло кукурузное, картошку в него макай.

--А ты что, большой специалист по дураку?

--Иной раз играю.

--С кем же интересно?

--Бывает и есть с кем. Сними.

--А голая девушка, между прочим, очень красивая, соседка, видать, твоя, к тебе по ночам не приходит в карты поиграть?

--Говорила же, - я ночами сплю. Да и голых соседок у меня нет.

--Ну и говорлива же ты сверх всякой меры, хозяйюшка. Все болтаешь, да болтаешь. Болтаешь да болтаешь. Из тебя слова так и льются, так и льются! На что играть – то будем? На деньги или на интерес? А быть может на желание?

--Стара я на желания играть. Да и их –то давно уж и нету. Ходи.

Я покорно начал эту детскую игру и проиграл подряд четыре партии. Глаза слипались. Стрелки ходиков подходили к двенадцати.

Старуха играла неторопливо и с видимым удовольствием. После половины двенадцатого стала частенько поглядывать в темное окно.

--По- моему ты шулер ,хозяйюшка, каждый раз все козыри оказываются у тебя?

--Я еще с детства всегда выигрываю.

--А гадать на картах умеешь?

--Никто не может знать, что будет, не все еще знают что было..

--А ты это что так часто в окошко –то поглядываешь, ждешь кого или чего боишься?

--Чего бояться –то? У меня собака есть.

--Да ,собака у тебя боевая. Она из будки до миски- то с трудом доходит. Доползает.

--Зато голосистая.

--Чего –то я ее тьяканья ни разу не слышал.

--А без надобности одни пустомели вроде тебя голосят. Моя старая , да умная.

Я встал и подошел к окну. Старуха сдала карты и, не глядя в мою сторону спокойно сказала:

--Сядь.

--Ты чего это?—Удивленно переспросил я.

--Когда играешь, вставать не положено.

--Там что, кто – то есть?

--Да что ты заладил одно и тоже... Как на патефоне порченная пластинка. Кто там может быть в такой поздний час?

--Но ты же сама говорила, что волки по ночам бродят.

--Волки в дом не ходят. Они овец режут

--Не пойму, что со мной в вашем поселке происходит. Как –то не спокойно мне у вас....

Старуха бросила на меня странный взгляд и с явно выраженной ехидцей процедила:

--А что это неспокойно? Когда у человека совесть чиста, ему всегда и всюду спокойно?

--У тебя дети – то есть?

--Теперь и не знаю уж.... Были... А у тебя?

--Нет.

Старуха подозрительно взглянула на меня, тяжело вздохнула и, непонятно почему махнув рукой, собрала карты и молча пошла к двери комнаты, еще раз бросив тревожный, как мне показалось, взгляд на спокойно тикающие на стене ходики.

--Пора, я пошла.

--Что пора?

--Уходить мне пора.

--Может быть, еще разок сыграем и пойдешь?

--Пора.

Старуха взяла со стола пустую миску из -под картошки и вышла из комнаты. Я сел у очага, но так любимый мною огонь на этот раз не успокоил меня.

Неуютно мне здесь как –то...Не-у-ют-но... Видать, надо отсюда сматываться,... а не то того и гляди, тут свихнуться недолго...

Долбила мозг противная мысль.

За спиной что –то ржаво заскрипело, и после двенадцати хриплых выкриков кукушки, куда больше напоминающих карканье простуженной вороны, быстро и громко застучали ходики.

Я подошел к окну, отдернул занавеску и в испуге от неожиданности отшатнулся, покрывшись холодным потом. Вплотную к стеклу прямо предо мною стояло лицо моей женщины. Я вышел на крыльцо и с удивлением обнаружил ее, стоящую, как и в прошлый раз, босыми ногами на снегу метрах в пяти от крыльца. Я подбежал к ней и, взяв за руку, завел в комнату и закрыл дверь на засов.

--Послушайте, с каждым разом вы заново загадываете мне все более и более неразрешимые загадки. Вы случаем не фокусница из цирка? Во -первых, любопытно, как это вы дотянулись до высокого окна моей комнаты, ведь до него метра два как минимум? А во – вторых, как буквально за несколько секунд смогли отпрыгнуть на пять метров от крыльца? Кстати, ваших следов на снегу к окну и обратно я не обнаружил?

Ну и напугали же вы меня, если честно, будь здоров, как -то уж больно все это было неожиданно. Хотя я с малолетства не из

пугливых. Любопытно, что на этот раз я и выстрелов не услышал. Вы что, сегодня прямо из супружеской кровати ко мне на свидание прибежали? Ну, тогда спасибо за доверие и любовь. Если вы и дальше сможете до меня добираться, когда ваш благоверный будет крепко спать, то хоть свое пальтишко или его бурку на себя накиньте. А то, неровен час, кто –нибудь из односельчан вас заприметит, или, наконец, того и гляди, простудитесь! Она слушала меня очень внимательно. При этом смущенно улыбаясь, смешно трогательно и очень доверчиво морщила свой очаровательный носик, чуть курносенький, с тонкими и удивительно красивыми крылышками ноздрей.

Точно такой же носик был у Маринки. Да, да! Что, что, но уж этого я, конечно, забыть не мог!

Я, как и в прошлый раз, набросил на нее свою куртку, которую она приняла с видимым удовольствием. Чай поостыл, и я спросил, подогреть ли его. Она благодарно улыбнулась и кивнула утвердительно.

--Никак не могу понять, действительно ли вы немая или просто не знаете русского языка?

Она мило улыбнулась, не отвечая на мой вопрос.

Чайник вскипел. Я заварил чай в кружке и поставил перед ней. Она как – то не очень умело попробовала сделать глоток, но сразу же обожглась и смущенно отодвинула кружку от себя.

--Не спешите, поговорим, а он пусть пока поостынет. Дома вы тоже пьете прохладный чай?

Она пожала плечиками.

--Так, я понял, что дома вы обходитесь без чая, а чаевничать приходите ко мне. И при этом так спешите, что не успеваете одеться. Я прав?

Она стыдливо опустила головку.

Не смущайтесь, вы так изумительно сложены, что прятать такую божественную фигуру в тряпки- преступление. Вы можете себе представить Венеру Милосскую в ватнике с косынкой на голове, в резиновых сапогах или калошах на босу ногу с лопатой или ломом

на плече? Хотя в юности я еще застал гипсовых Венер с веслом в руках. Скажите, вы долго стояли под окном или всегда приходите ровно в двенадцать? Не улыбайтесь, я знаю, что ваше появление за окном давно почувствовала моя хозяйка. Да, да, не отпирайтесь, я сразу же это почувствовал по ее поведению. Она у меня очень забавная старушенция и, откровенно говоря, немного страшноватая. По – моему, она то ли от старости, то ли от одиночества несколько свихнулась. Головка у бабушки слегка набекрень пошла. Да что я вам рассказываю, вы как односельчанка ее, конечно, лучше моего знаете. Но в карты она играет потрясающе. Лихо сдает и, наверняка, слегка мухлюет. Эдакий древний шулер. Профессионал! Ей бы в казино почаще ездить, была бы новая русская бабка и в поселке храм могла бы восстановить. Хотя храм она вряд ли бы отстроила. Не исключено, что она ведьма. Старшая дочка или сестренка Бабы – Яги. Не смейтесь, в ней от нечистой силы точно что-то такое есть.... Иногда утром выхожу в кухню за чайником и сразу чувствую запах серы.

Смейтесь, смейтесь ... Вот поживите с ней недельку, не до смеха будет.-- Мы оба рассмеялись.

-- Скажу больше, я уже было подумал, что это она в вас превращается по ночам. Нет, серьезно! Во –первых, как только она от меня уходит в полночь после игры «в дурака», так сразу вы появляетесь. И потом, я же у нее спрашивал про вас, молчит как Зоя Космодемьянская! Но, вообще –то, вас в поселке многие не знают. Я так потихонечку пытался справочки навести, у буфетчика спрашивал, у милиционера местного,(кстати, по моему, он круглый идиот), все строят мне козы мордашки. Мол, я не я, и кобылка не моя...

Может быть, я действительно с вами чуток свихнулся. Хотя уже вроде и привык к вам. Мне даже вас как –то не хватает!... Брожу на лыжах по долине или качусь со склона, а мне ваше лицо чудится. Оно у вас, вообще, какое – то странное... Каждый раз как бы немного разное. Вы то похожи на одну мою знакомую, а в следующий приход вроде бы и на другую... Чудеса, да и только!...

Ну уж и, конечно, ваши удивительные утренние исчезновения... Посуда чистая, чайник без следов сажи и не в камине, а на кухне? И что самое удивительное, —это отсутствие поутру следов на свежавыпавшем снежке во дворе и у крыльца... Честно говоря, я даже стал подумывать, что вы прилетаете и улетаете от меня на метле. Не улыбайтесь, пожалуйста, но что —то в этом есть!...

Кстати, мы сейчас это мое предположение проверим. Хотите, я сейчас кликну мою хозяйшку -ведьму?

Ваша молчаливая улыбка, как я понимаю, знак согласия. Тем более что вы утвердительно киваете головой.

Хозяйка! Хозяйка! Молчит... Странно, неужели она так быстро уснула?... И так крепко... Посидите, я схожу на ее половину и погляжу.

К моему удивлению комната старухи была пуста. Не оказалось ее и в кухне. Я в полном недоумении заглянул в кладовку и даже постоял у закрытой двери туалета. Казалось, что мои подозрения о перевоплощении старухи в мою нагую незнакомку действительно имели под собой почву. Сзади меня тихо скрипнула дверь, ведущая на чердак дома. Я невольно обернулся, и холодный пот прошиб меня до ногтей ног:- С обратной стороны двери на меня потухшими, холодными, тусклыми глазами покойника или недельной давности схороненного вурдалака глядело лицо моей бабки. Я прислонился к дверному косяку кладовки и, тихо повизгивая, сполз на пол. Легкий сквознячок, приоткрывший дверь, с тем же чуть слышным скрипом плавненько вернул ее обратно. Я понял, что это была, просто-напросто, выпуклая маска лица хозяйки, как видно, сделанная из папье-маше каким то ее постояльцем -художником или даже вполне профессиональным скульптором. Я с трудом поднялся на дрожащих коленях и, стирая холодный пот с лица, выпил на кухне пару кружек ледяной колодезной воды, понимая, что назавтра, наверняка, заболею ангиной. Моя милая незнакомка маленькими глоточками пила чай, согревая руки о горячую кружку. С некоторой долей удивления она взглянула на мое, так внезапно и безо всякой видимой причины заметно побледневшее и осунувшееся лицо.

--Простите, я споткнулся о порог и больно ударил коленку. – Попытался я оправдаться .

Любопытно , но моя старушенция куда – то сгнула. А ведь сама мне говорила , что по ночам голодные волки рыскают по поселку. Странная , более чем странная бабуся!... Знаете, я вижу два варианта ее столь удивительного и внезапного исчезновения. Либо она на швабре вылетела в окно на ближайшую к аулу лысую гору справлять ведьминский шабаш, либо превратилась в прекрасную молодую нагую женщину , которая по ночам ровно в полночь под громкий перестук маятника моих настенных ходиков и выстрелов на улице посещает невзрачную холодную обитель заезжего , ничем особым не отмеченного Богом мужчины .

Она улыбнулась и продолжала пить чай , как будто мой грубоватый намек не имел к ее приходу ровным счетом никакого отношения.

--Пожалуй, за всю свою сорокапятилетнюю жизнь я еще ни разу не встречал такой нелюдимой и странной старухи как моя хозяйюшка. А ведь у нее оказывается, есть дети, а, значит, был муж или , по крайней мере мужчина , который спал с ней. Выходит , что она будила в нем какие – то сексуальные инстинкты,...то есть подруга возбуждала его? Невероятно... Просто невероятно... А , может быть, это был какой –нибудь слепой инвалид?.... Хотя.... чем черт не шутит ,когда Господь дремлет... Иногда мне в башку приходит кощунственная мысль :- уж не зачала ли бабуля ,вообще, без плотского греха ! Со святым духом! Ну ,скажем, как Матерь Божья?...Да простит меня Всевышний! Впрочем, не исключено, что в ранней молодости она была просто красоткой, но тяжелая безрадостная жизнь сделала ее такой. Помню, когда я был еще студентом, нас послали в далекий колхоз строить коровник. Это было где –то у черта в зубах. Двести километров к Белому морю, сто пятьдесят километров на паровозике по узкоколейке и тридцать километров по непролазной грязи на волокуше за трактором. Жила там народность по названию –вепсы. Культура и быт были почти на уровне каменного века, а потому коровник должны были строить им, не более и не менее как студенты старших курсов престижного

вуза и инженеры из столичного атомного НИИ . Питались они вяленным мясом, подвешенным к коньку крыш, с яйцами мух, слепней и гусениц. Уху варили из озерной рыбы, не чистя ее, целиком с чешуей и внутренностями для питательности, а, вернее, для большей сытости и «скусу», как говорила наша хозяйка-учительница местной школы четырехлетки , у которой мы поселились. Она не знала ни одного советского вождя , кроме Ленина и Сталина , которых почему –то называла евреями. Кино к ним не возили, они не понимали этих городских картинок и побаивались живых теней на простыне, считая их чертовщиной.

Про последнюю большую войну учителька слыхала, но не была абсолютно уверена , с кем наши воевали- с немцами или евреями, и что два пленных еврея работали у них под охраной после войны. Русского пленные не знали, играли музыку на губной гармошке и , вообще , были мужики нормальные. От них в колхозе много хороших детей наплодилось. Потому как местные мужики шибко сильно пили самогонку и к этому делу были мало способны, хотя дети и от них тоже получались, и даже в большом количестве, но похилее. Нас поначалу удивило, что в деревне были только молодые, очень даже симпатичные девочки лет до пятнадцати и глубокие жилистые работяги- старухи. А разгадка оказалось простой как гвоздь. Молодухи после пятнадцати годков уезжали жить и учиться в город , выходили там замуж за местных архангельских и мурманских моряков и обратно, практически, не возвращались. По местному, веками установленному обычаю работали в семьях вепсов только бабы. Они кормили и доили скотину, ловили рыбу, растили детей, вспахивали плугом на себе поля под рожь и овес, так как единственный трактор- без запчастей и в основном простаивал ,а лошадей в колхозе не было, - в голодуху всех поели. Вскопывали огороды. Непрерывно рожали детей, ибо мужики, которые только беспробудно пили, а, чуть протрезвев, лежа «забивали козла», не давали им ни года продыха без «живота». Почти все дети умирали сразу после родов, или в первые год - два, ибо врача в колхозе не было, и этот «запланированный падеж»

существенно облегчал и без того нечеловечески загруженную женскую жизнь. Естественно, что уже после сорока лет и этого «добровольного, узаконенного Освенцима» женщина превращалась в страшную измотанную старуху. Так, вероятно подобное происходит и в вашем селе?

Мой рассказ произвел на гостью огромное впечатление. Она несколько раз всхлипнула и крупные, как роса на листьях лопуха, слезы покатались по щекам из ее прелестных глаз. Я окончательно расстроился и уже был не рад, что затеял этот дурацкий разговор.

--Не плачьте. Это было очень давно. Сегодня туда наверняка пришла цивилизация нового века и освободила этих несчастных женщин от их рабского труда. Пейте чай, пока он не остыл, и обо всем забудьте. Мало ли какие глупости я вам наговорю, на ночь глядя.

Знаете, каждый раз после вашего таинственного утреннего исчезновения я буквально свирепею. Нет, серьезно! Я ни как не могу взять в толк, зачем я при встрече рассказываю вам самые мерзкие истории из моей жизни! Истории, которые мне никогда не хотелось бы вспоминать! Я представляю себе, какой отвратительной личностью я предстаю в ваших глазах. Поверьте, за свою достаточно длинную жизнь я совершал и хорошие поступки. Честное слово! И их, не сомневайтесь, было гораздо больше, чем плохих!

Она улыбнулась и кивнула головой в знак согласия.

Да, да, и были женщины, которые любили меня и любят до сих пор. И большинству этих замечательных женщин я не причинил никаких страданий. Никаких! Вы верите мне?

Она опять согласно наклонила головку.

Но почему же как только я вижу вас...

Нет, нет! Все, больше этого не будет. Обещаю вам, что теперь будут истории только со счастливым концом. Как в голливудских фильмах. Каждая, как у Золушки будет заканчиваться парой хрустальных башмачков и чудесным умником и красавцем-принцем из хорошей семьи.

А вы, ну, пожалуйста, не покидайте меня так тихонько и незаметно по утрам. Обещаете? Хотя бы потреплите меня легонько и ласково по волосам и шепотом пожелайте доброго утра.

Она с улыбкой развела руками- мол, не обещаю, уж как получится... Но все же попробуйте! Ладно? Не обещайте, но попытайтесь. Я уверен, у вас это обязательно прекрасно получится! Ну, я вас очень прошу ...

Я взял ее нежные теплые руки в свои и стал покрывать их поцелуями. Она смущенно улыбалась в ответ, но рук не убрала.

У ваших рук запах свежесвыпавшего снега, или нет, нет, талого снега. Какой удивительный, необычный запах. Не улыбайтесь так... Пожалуйста, не улыбайтесь! Честное слово, я не дешевый интриган-бабник и не делаю вам комплиментов! Это действительно так! Причем, самое странное, что я, почему – то помню этот удивительно знакомый мне запах... Я только не могу вспомнить.... откуда он мне знаком ...

И на этой фразе я отключился...

Видение или сон, неважно как это назвать, было малоприятно...

Я был в какой – то достаточно дальней, но короткой по времени командировке. Это было лет через шесть- семь после нашего глупого, идиотского, а иначе его и не назовешь, разрыва отношений с Маринкой. Я зашел в какое – то достаточно невзрачное кафе, заказал чашку кофе и развернул газету, только что купленную в киоске. В кафе то и дело входили и выходили посетители. И входная дверь препротивно скрипела, мешая сосредоточиться на довольно интересной статье. Я подозвал официанта и раздраженно попросил его либо немедленно смазать петли этой скрипучки либо вызвать администратора, которому я расскажу, как нужно содержать заведение, чтобы клиенты не зверели уже через пятнадцать минут после пребывания в их кафе и могли спокойно выпить чашечку, кстати, достаточно дерьмового вашего жидкого напитка с громким названием «кофе по -болгарски». Ибо настроения посетителей эта холодная бурда не поднимет, а внешнеполитические, и без того в настоящее время достаточно паршивые отношения с Болгарией, не

дай Бог, испортит, если в кафе случайно занесет влиятельного болгарина! Халдей молча, с легкой иронической улыбкой выслушал мой предельно остроумный монолог, однако, к моему удивлению, администратора позвал. Я вперился в газету, намериваясь произнести свой негодующий нравоучительный монолог ледяным тоном, не отрываясь от статьи! Чтобы знал этот бездарный недотепа, с кем он имеет дело!

--Я вас внимательно слушаю.-- Раздался за газетным листом приятный и, почему – то, удивительно знакомый женский голос. Я поднял глаза и обомлел, передо мной стояла Маринка. Надо сказать, что прошедшие годы сказались на ее внешности более чем положительно. Передо мной стояла не хорошенькая, еще не полностью оформившаяся курносая, тоненькая, длинноногая девчушка, а статная, красивая, хорошо знающая себе цену, великолепно сложенная молодая женщина. Умело наложенный макияж, которым она в те далекие времена не пользовалась, прекрасно подчеркивал несколько далекий от классики, но удивительно мягкий и притягательный овал ее прелестного лица. Видя, как я обалдел от неожиданности и с каким выражением лица разглядываю ее, Марина сделала шаг назад, давая в полной мере и в полный рост оценить ее нынешние блистательные пропорции. Сделала она это с легкой улыбкой на лице и спокойно, как мне показалось, с несомненным интересом разглядывала меня.

--Так, значит, администратор этого заведения -ты?

--Выходит, что так.

--И давно ты перебралась в эту глушь?

--Пять лет назад, сразу после замужества.

--Вот это подарочек судьбы, Спасибо ей, такого я уж никак не мог ожидать. Ну просто, как в примитивном голливудском кино...

--Но зато, какая героиня...--И она засмеялась тем самым, до боли знакомым и все еще, как оказалось, таким родным залиvistым смехом. Официант, наблюдавший за нами у стойки бара, скорчил

удивленную физиономию. Очевидно, он не слишком часто слышал столь заразительный смех своей начальницы.

--Твой муж работает в этом городке?

--Служит. Он военный.

--И что он такое? В больших чинах?

--Капитан.

--Значит, ты выходила за старшего лейтенанта?

--За младшего.

--У него, наверное, папаша генерал?

--Нет, он из детдомовских.

--Узнаю тебя, бессеребреницу. Вот уж действительно настоящий брак по расчету. Правда, генеральшей ты станешь уже почти на пенсии, если, конечно, станешь.

--Ну, это уж как получится.

--И как тебе в этом болоте живется? Не слишком сыро и скучно? По вечерам, наверное, слушаешь лягушачьи концерты?

--Привыкла. Здесь тихо.....И здесь дом и семья.

--И все же, кто же он?--Бодренько и даже с некоторым вызовом поинтересовался я. Хотя сердце, почему – то, екнуло и пересохло во рту.

--Хороший человек.

--И все?

--Да, пожалуй, и все.

--Не шибко густо.... Хороший человек, к сожалению, в этом лучшем из миров, пожалуй, не самая шикарная профессия.

--Хороший человек – это больше, чем любая профессия.

--Хотел бы надеяться, что это не намек?.. Я просто не совсем удачно пошутил....Прости дурака...

--Прощаю. И это тоже прощаю...

--И это,... значит,...то есть,...ну, в общем, ты понимаешь, что я хочу сказать...

--Да. Я тебя давно простила.

Очень спокойно сказала она и, почему – то, отвернулась. Огромный камень, находящийся где – то в области сердца, или, как

мы привыкли ее называть – души, медленно пополз вниз живота, потом докатился до коленок и свалился куда – то далеко вглубь земли. Я облегченно вздохнул и, слегка запинаясь, выдохнул:

--Спасибо... Это, поверь, был очень тяжелый камень на моей совести. Пожалуй, самый тяжелый.

--Хотелось бы верить...

Она повернула голову, по щекам ее катились две тяжелые слезы. Она почти виновато улыбнулась, достала платок и промокнула глаза и носик. Господи, как мне был знаком этот милый сердцу жест. Так же она это делала после каждой очередной нашей ссоры. Я взял ее за руку ю, Как много лет я мечтал о теплоте и нежности пальчиков этой руки. Я закрыл глаза. И вновь, в сотый раз в памяти всплыла эта картина! Эта безобразная картина моей ничем не оправданной жестокости. Глупейший поступок незрелого и еще не доросшего для настоящего большого и разумного чувства юнца.

--Я клянусь тебе! Слышишь, клянусь! Я страшно переживал нашу размолвку. Я с ума сходил от невозможности видеть тебя,.... позже, ... ну, когда опомнился! Ты пойми, ведь в ту пору я по существу был еще зеленым пацаном, только, только избавившимся от прыщей. Это неожиданное известие, эта нелепая ссора просто как кирпич свалившийся с крыши шарахнула меня по башке. Тогда еще по глупой недоразвитой башке! Мой недоразвитый мозг еще не был готов к этому известию. Понимаешь? Просто не-го-тов!

Я не знаю, что делается в душах других людей: ведь мы все разные, хотя в то же время и одинаковые, и я могу только догадываться. Но про себя знаю наверняка, что всячески пытаюсь увильнуть от ранящей совесть истины. А когда, наконец, деваться от неё уже некуда, откладываю мысли о ней на время в надежде, что она сама в конце –концов от меня сама отстанет. Сейчас этого сделать было нельзя... Просто на это не было времени...

Она спрятала платок и ответила совершенно спокойно:

--Понимаю.

--И потом согласись,- кем я был тогда? Жалким студентом, живущим на мизерную стипендию и покупающим тебе цветы и

эскимом в шоколаде на донорские деньги, сдавая по четыреста сорок кубиков этой живительной красной жидкости дважды в месяц! Да и ты, между прочим, тоже получала ту же, более чем скромную степуху! ... Так какую семью мы могли тогда построить? Каким образом мы могли бы тогда содержать нашего малыша?

—Малышку.

На что бы мы его кормили?

--Ее.

--Ну да,...конечно,... ее. Это же просто смешно!... Он бы просто умер с голоду.

--Она.

--Ради бога, прости , это я в заморочке.... Значит, ты все же родила девочку? Ты просто героиня. И как ты ее назвала?

--Иришка.

--Иринка? Как маму? Спасибо тебе.

--Как маму. Мы же с тобой так договорились...

--Да, да, конечно... Я помню.... Сколько ей сейчас?

--Было бы шесть...

--То- есть, как это было бы?..

..--Она умерла через два года, - застудили в яслях.

--Какой ужас... Прости.... Я ничего этого не знал...

--Ты здесь абсолютно непричем. Я сразу же уехала к тетке и родила там. Там же вышла замуж и вот оказалась здесь...

--Ужасно ... Ужасно.... Как ты все это, бедная, перенесла?...

—Перенесла...

--Ты все же железная женщина. Железная! Я бы не смог держаться так спокойно... Нет, точно не смог бы...

--Ты бы держался еще спокойнее. _

--Ты будешь не против, если я закажу нам кофе?

--У меня это получится лучше.

-- Мне двойной эспрессо. И, если можно, ближе к настоящему.

Она подозвала официанта и сделала заказ. Только сейчас до меня по- настоящему дошла эта страшная весть о смерти ребенка... Смерти моей двухгодовалой дочурки. Я ее никогда не видел. Я даже

не был уверен , ... да я просто не знал о ее существовании. Где –то у меня гнездилась довольно твердая уверенность, что Марина достаточно трезвомыслящая девушка и в такой сложной, почти тупиковой коллизии все же поймет безвыходность ситуации и найдет способ, как избавиться от ребенка. Тем более, что я постоянно и очень долго ждал ее телефонного звонка, или какой-нибудь другой весточки. Но, поскольку, ее не было, уверовал, что все так оно и есть. Что ее достаточно рациональный разум, в конце концов, победил женские спонтанные эмоции. Увы, на этот раз неправым оказался я... Кофе был неплохим, но горечь утраты победила радость встречи. Память лихорадочно перелистывала странички нашей любви и близости я буквально растворился в этих воспоминаниях. Мне все время хотелось спрашивать ее:--а ты помнишь это? А это? А то? Мне начало казаться, что все вернулось назад , и мы так же любим друг друга как это было в те замечательные времена. Я встал , подошел к стойке бара взял бутылку «новосветского шампанского», любимого вина Марины, непонятно каким образом оказавшегося в этой Богом забытой дыре , и громко выстрелив пробкой, наполнил бокалы.

--По -моему оно теплое, попроси халдея принести лед и шоколад.... И снова была та садовая скамейка.... Наша скамейка ,... крайняя от выхода из парка. И мы снова бежали , крепко взявшись за руки, и кричали изо всех сил:--«Я люблю тебя, Олежка! Я люблю тебя, Маринка!» И эти поцелуи и эта сумасшедшая страсть! И опять это извечное:

Почему когда приходит любовь ,обычные слова приобретают необычный смысл:--глаза, губы, ладони, время, лицо... твоё лицо . «Я люблю тебя , Маринка!»... «Я люблю тебя , Олежка!»...

Я медленно приходил в себя. Марина сидела, облокотив руки о стол , закрыв лицо ладонями. Я дотронулся до ее плеча, она вздрогнула, как от прикосновения электрического тока и, медленно убрав ладони от лица, повернула головку ко мне .--Ты что?

Задал я глупый вопрос.

Тебе плохо?

—Нет все в порядке. Спасибо.

—Ты прекрасно выглядишь, время разлуки пошло тебе на пользу. По всему видно, что муж любит и очень бережет твою молодость и красоту.

--Да. Он действительно меня очень любит и я ему очень благодарна за трогательную заботу.

--Ты стала просто красавицей!

--Красавицей...==Чисто механически повторила за мною она. — Красавицей.

--И ты тоже очень любишь его?

Повисла долгая, томительная пауза.

Прости меня, Маринка. Прости за глупость. Я прекрасно понимаю, что не имею никакого права задавать тебе этот вопрос. Да! Я не имею этого права! Все! Слышишь, все! Я снял свой дурацкий вопрос с повестки дня! Снял! Снял!...Только не молчи, пожалуйста!

--Да, он меня очень, очень любит. Думаю, что он просто не смог бы жить без меня. Просто не сможет...

И опять повисла эта проклятая длиннющая пауза. Официант, не спускавший с нас любопытнейших глаз, в фальшивом полупоклоне подобострастно наклонился к хозяйке и почти шепотом спросил, не надо ли чего.

—Уйди с глаз долой. Исчезни. Чуть слышно сказала она, и он мгновенно, как это бывает только в плохом кино, испарился.

--А ты женат?

-- Спокойно спросила она, словно очнувшись после тяжелого сна.

—Да, вроде бы. Надо, вообще — то, разбежаться,.... но обоим лень начинать эту волокиту первым. Да и нет никого на примете... А бежать просто так?... В никуда?....Уже не тот возраст... Да и попривык я уже к этому тлеющему семейному очагу и, наверное, будет малопривлекательно опять долго болтаться по чужим курятникам.

Она встала, сделала большой глоток из бокала, поставила его на стол и, приподняв мою голову, горячо и невероятно вкусно поцеловала в губы. У меня буквально поехала крыша. Я терпеть не

могу этой фразы , но в этот раз она именно поехала ко всем чертям , а, пожалуй, скорее унеслась к ангелам на небеса!

--Я люблю тебя , Олежка. Любила, люблю, и буду любить всегда. Даже если ты меня опять забудешь.--Понимая , что говорю глупость, спросил я.

--Я всегда стараюсь говорить только правду. Возьмешь меня?

Она опустила руки в ведро со льдом и набрала полные ладошки прозрачных кубиков.

—Конечно , Мариночка, конечно!

Я схватил ее руки и спрятал в ладонях лицо. Ладони были раскаленные, они просто дышали жаром ...

--Господи, какие у тебя горячие руки ...Несмотря на лед?... Горячие, бесконечно любимые и твои... Понимаешь , твои.. И пахнут совершенно по- особенному...Знаешь, чем? Талым снегом. Да, да! Именно талым снегом! Я прекрасно помню этот запах той зимой, в нашем парке...

Она освободила руки и положила их мне на голову .

--Встань с колен. Неудобно. Меня здесь все знают. А, впрочем, теперь уже все равно...

Она опять приподняла мой подбородок и тихо спросила, глядя в глаза:

--А ты меня больше не предашь?

—Никогда!--Заорал я на все кафе. Взгляды посетителей вперились в меня.

Никогда в жизни! Поверь мне! Слышишь! Слышите, вы все! Никогда я не предам эту женщину! Никогда!

--Она наклонила голову ко мне, и я услышал ее тихий шепот:

-- Как все странно... Почему, когда любовь заполняет до краев сердце человека , любовь обычные слова и фразы приобретают совершенно другой, удивительный смысл: запах талого снега, его лицо, его руки, его глаза.....его неверность...

-----XXX-----

Утром я проснулся от сильнейшей головной боли . Затылок буквально отваливался, в виски изнутри, стараясь вырваться наружу

, стучали маленькие, но очень сильные и остренькие молоточки. Во рту пересохло. Я лежал на полу на старой, плохо выделанной, вонючей овчине. Камин давно погас и изо рта при выдохе шел белый парок. За окном едва брезжил туманный рассвет. Все! Довольно с меня проделок этой красивой барабашки. Наелся досыта. Полтергейст- это забава не для меня, и становиться сумасшедшим я не намерен. Я собрал свой нехитрый скарб, смазал лыжи и, положив на стол причитающиеся хозяйке деньги за прожитые дни, вышел во двор. У калитки давно повалившегося забора стояла старуха, держа на веревочном поводке безрогую козу.

--Я уезжаю.

--Уезжай.

--Отдых не получился.

--Не получился.

--А ты -то откуда знаешь, что не получился?--Ах, прости, я чуть не забыл, что ты ведьма... Скажи честно, ты, ведь, и вправду ведьма?

--Сам ты дремучий леший. Я старуха. Я старая женщина. Женщина, понял? А ты- нелюдь, одно слово -нелюдь....

Меня прошибло холодным потом. Значит эта баба -яга все знает... Все!...Это означает, что либо она сама превращается в мою нагую, либо приводит ее ко мне?.... А, быть может, умеет читать мысли?... Значит, ясновидящая....

Ну, и попал же яИдиот... Ведь мне сразу же не понравилась ее холодная конура с полуразвалившимся очагом и ее посконная физиономия. Терпеть не могу беззубые, тонкогубые, запавшие старческие рты и глубоко запрятанные махонькие глазенки, из-под непонятно как сохранившихся, мохнатых бровей. Есть в них что -то притаившееся нечистое Крысиное.... Так и читается в них:-- «Ишь ты, какой чистюля снаружи!... Честненький да гладенький... А копни тебя, мерзавца, поглубже... Ковырни твою пакостную подноготную... Сразу видать, из ккакого вонючего навоза ты состоишь, голубчик»..

Да сама ты наверное не лучше. -Зло подумал я, и когда за ней захлопнулась дверь, тупо заорал вслед:

--Да! Слышишь?! Да! Да! Я предал ее и в этот раз! Предал, как последний подлец! Как самый гнусный негодяй! Да ! Да! Я смалодушничал.... Не хватило смелости рассказать все жене и попросить развода. Не- хва- тило...Понимаешь... Вот таким я оказался дерьмом!.... Жалким человечком !. Акакием Акакиевичем из гоголевской шинели.....Короче , самым обыкновенным дерьмом! Ты думаешь, я не переживал? Меня не одолевали стыд и раскаянии.ея? Ведь она разошлась с мужем и осталась в одиночестве, теща себя многолетней надеждой, что я к ней вернусь! Придумывая самые невероятные причины, по которым я не смог сдержать данное ей слово. Пытаясь, как по - настоящему честный и цельный человек, найти оправдание моему гнусному поступку моему малодушию, моей предательской сущности. Но ты пойми , старая карга, что, может быть, я и не мог поступить иначе! Не мог! Ведь эта встреча была для меня полной неожиданностью! Я обещал ей в порыве! Ты можешь это понять?! Просто всколыхнулось глубоко затаенное старое,... все это случилось в порыве... И я, не смог так быстро разобраться в себе.... Потом же , хорошенько подумав,- я понял , что все это глупость! Что я не имею морального права рушить все , что уже сложилось годами....ради того неизвестного, что может быть, но может и не сложиться....Но она – то, она! Ведь уже взрослая неглупая женщина могла бы сразу и не бросаться головой в омут! Могла бы хоть немного подождать с разводом! Подумать ! Как -то немного сдержать себя! Это же не я , а она, едва увидев меня, едва сказав несколько слов, сразу же как безумная призналась мне в вечной любви! Что же, по – твоему ,в таком случае я должен был ответить ей ? Мужчина любивший ее раньше ? Любивший достаточно сильно, и до той поры еще прекрасно помнивший ту , практически первую любовь и те страсти, которые сжигали нас молодых, глупых, неопытных в нашей ранней молодости? Что?! Нет, нет?! Ты, старая, не прячься там у себя в каморке , не прячься, а ответь мне! Ты же прекрасно меня слышишь даже при закрытой двери, ты же ведьма! Скажу тебе откровенно- мы же толком и не знали друг друга! Мы в то время

даже мало разговаривали... Нас сжигала физиология! Главным для нас тогда были, не какие –то там моральные принципы, культурные ценности- музеи, театры и даже зарубежное кино. Главным были прикосновения наших губ, слияние наших обезумевших от переизбытка гормонов и адреналина тел! Любому культурному мероприятию, лю- бо –му! Даже походу в театр Товстоногова на «Идиота» с самим Смоктуновским, мы предпочитали постель! Я уверяю тебя, что она меня просто- напросто придумала! Да, да , именно так! При-ду-ма-ла! Сколько она знала меня ? Сколько? Несколько месяцев!? А после этого прошли годы. Го- ды!... Я ненавижу эту нагую снежную провокаторшу! Ненавижу! Какого черта! Кто дал ей право ворошить мое грязное белье? Кто!? Я не хочу ее видеть !Не- хо –чу-у! Ты слышишь меня, старая!? Не- хо –чу!...Прощай ведьма.... Прощай....

Дверь противно скрипнула и из нее вышла хозяйка. Она была совершенно спокойна. Шаркающей походкой она подошла к очагу, взяла остывший чайник и пошаркала обратно . Дойдя до двери, она повернула голову в мою сторону , так же спокойно сказала—«До свидания» и ушла в кухню. Собака, не вылезая из будки, без особого любопытства проводила меня долгим немигающим взглядом и ,не даже удостоив поворотом морды , сладко зевнув , положила голову на лапы. «Никто на этом свете меня не любит» , -мелькнула мысль. Даже эта старая шавка. Неужели я и в самом деле такое уж никчемное дерьмо.... Да, я не осчастливил человечество своим появлением на этот свет. Однако, если уж честно, ведь, не так уж и много нагадил своим землякам по этому симпатичному голубому шарику за годы совместного с ними проживания на нем....

Остановка нечасто посещавшего село автобуса находилась возле буфета. Расписания рейсов на столбе со знаком стоянки не было, и я зашел внутрь заведения за информацией. В вонючем зальчике было пусто. В такую рань жители аула еще не заливали в себя разбавленное водой пойло жулика- буфетчика . Толстяк -хозяин вытирал замызганным фартуком граненые липкие, плохо вымытые

стаканы. Мой приход, наверняка, доставил ему удовольствие, ибо появилась возможность развеять утреннюю скуку и почесать язык. Оказалось, что сегодня воскресный день, а единственный автобус ходит только по будням, да и то, как ему заблагорассудится. Так что отъезд мой, а точнее, – бегство от самого себя, откладывалось на неопределенный срок. Я сел за шатающийся пластиковый стол – гордость «предпринимателя», и буфетчик поставил передо мной графин с красной кислятиной и тарелочку с ломтиками заветренной овечьей брынзы позавчерашней нарезки. Я наполнил стакан, поднял его, как бы заочно чокаясь с хозяином, и тут с удивлением увидел, что он, осторожно поставив свой на стойку, согнулся, насколько позволил огромный живот, и заискивающе оскалил щербатый рот. Я оглянулся, у двери стоял директор крохотной начальной школы в селе. Пару раз я встречал его на улице, возвращаясь после катания. Мы вежливо раскланивались и, не проронив ни слова, расходились. Его стройная подтянутая фигура в длинном черном модного покроя пальто странновато смотрелась на фоне ватников, выдавших виды дедовских времен бурок и засаленных тулупов грубой самопальной кройки остальных жителей поселка. Директор церемонно отвесил мне легкий поклон и спросил разрешения присесть за мой столик.

--Это наш замечательный директор школы.--Гнусаво и подобострастно пробасил буфетчик.--Очень уважаемый в ауле человек.

--Самый уважаемый...--Поправил его директор.

--Да, да! Самый, самый во всем ауле!--Виновато поправился хозяин. Мы все очень счастливы и благодарны ему за великую честь, которую он нам оказывает, проживая в нашем поселке, обучая наших детей и давая замечательные советы по всем вопросам жителям нашего аула!

Директор благосклонно воспринял хвалу земляка и легким кивком позволил наполнить свой стакан из моего графина.

--Судя по собранному рюкзаку и запакованным лыжам вы собираетесь покинуть нас? Я не ошибаюсь?

--Наш директор никогда не ошибается.--Заискивающе прогундосил буфетчик.

Директор удовлетворенно кивнул.

--Кончился отпуск, или есть какая-то иная причина? У нас своеобразное поселение.... Вы, по всей вероятности, могли это заметить. Не так ли?

--Да нет, все как и везде. Хотя поселок любопытный, уж больно хорош старый Храм.

--Вы побывали и там?

--Да, и не раз.

--И что же вас там так пленило? Безобразно выполненные, грязные, мертвые лица святых? Или, быть может, там есть еще нечто такое, чего я не знаю?

--Наш великий директор знает все, даже если этого нет на свете вообще...

Ощерился буфетчик.,

--Я бы не сказал, что они настолько плохи, а тем более мертвы. Наоборот, мне даже показалось, что при втором моем посещении Храма святой Петр или Николай, я их часто путаю, подмигнул мне. Да, Да! Я почти в этом уверен.

--Вы слишком впечатлительны. Думаю вам надо обратить на это обстоятельство особое внимание. Особое! Вплоть до посещения хорошего психиатра. Поверьте, я в таких вопросах большой специалист. У нас уже бывали такие случаи. У вашей же хозяйки один жилец просто двинулся. У него, как говорится, съехала крыша на почве каких-то странных галлюцинаций. Я верно говорю, мой дорогой буфетчик?

--Как всегда правильно, о, наш прекрасный директор. Ему все чудилась голая девка, которая приходила к нему по ночам прямо по снегу и заглядывала в окно.

--И чем же закончились его галлюцинации?--Слегка заикаясь, спросил я.

--Известно чем, психушкой в городе. Я сам помогал санитарам вязать его рубахой с длинными рукавами. А до этого он часто приходил ко мне и выпивал по два, три графина вина.

--Вот в этом и причина его ночных видений! Спириту-с виниус! Алкогольный психоз. Такое в моей обширной практике случалось не раз. Я окончил университет и по одной из своих многочисленных профессий- психолог.

--А в эту его ночную гостью ревнивый муж не стрелял из ружья,случайно?...

--Этого он не рассказывал мне даже после четвертого графина. Чего не рассказывал, того не рассказывал.... Врать не буду.

Я вытер лоб платком и, разом опорожнив свой стакан, налил новый. Буфетчик и директор, которого хозяин через раз называл учителем, очевидно от избытка уважения, как – то странно переглянулись. Я осушил второй стакан и снова наполнил его по третьему разу. В кислятине ,как оказалось, была достаточная доля алкоголя, и то ли с непривычки, а, быть может, от волнения я почувствовал , что быстро пьянею. Директор тоже покраснелся , расстегнул пальто, верхнюю пуговицу модной рубашки и повел себя более демократично. Он хлопнул проходившего мимо буфетчика по жирному заду, отпустив при этом довольно соленую шуточку, и вновь наполнил свой стакан.

--Я несколько раз разговаривал с этим психом, как называет его наш уважаемый хозяин этого фешенебельного ресторана, которому лично я дал бы название «У гальяна». Или , скажем, на французский лад это звучало бы, как «Блёв- клозет»! Только попрошу не путать два понятия: «Блёв» с «Блефом». Я надеюсь, что тебе нравятся эти названия, уважаемый хозяин этого славного заведения? И более того, я просто не сомневаюсь, что ты в восторге от моих придумок?

--Как можно сомневаться , наш дорогой, многоуважаемый учитель? Я завтра же заставлю художника сделать большую вывеску над входом!

--Я, дорогой владелец этого сногшибательного бара, как истинный демократ даю тебе право свободного выбора этих двух вывесок. Так какое же название из этих двух ты сочтешь лучшим?

--Если быть совершенно честным , то мне очень нравятся оба, дорогой учитель!

--Согласен с твоим нетривиальным, я бы даже не побоялся сказать, –утонченным вкусом тонкого художника. Так и назовем его « Блѐв у гальяона». Как вам это нравится, наш уважаемый приезжий?

--Бесподобно,- поддержал этот вполне невинный розыгрыш я. Не сомневаюсь , что жители вашего поселка оценят это нововведение и число посетителей резко возрастет. Более того, если перед этим прелестным названием будет стоять слово : « Ресторан», наш уважаемый хозяин заведения сможет пересмотреть цены в меню в сторону их заметного повышения.

--Очень верное замечание, уважаемый приезжий.--Отметил директор и, опорожнив стакан, наполнил следующий.

Говоря между нами , интеллигентными людьми, этот псих был тоже из нашей с вами тонкой прослойки, как любили ее величать в те годы мудрейшие правители нашей державной великой империи. И двинулся он, с вашего разрешения , отнюдь, не на сексуальной почве. Попочки и сисечки голенькой виртуальной соблазнительницы, его , как это ни странно, мало трогали. Хотя по его рассказам куколка была в полном порядке. Правда , не исключаю, что он мог быть несколько иной, чем мы с вами сексуальной ориентации. Галлюцинации же у него были, я бы сказал, скорее на чисто морально- политической почве. При прошлых вождях, он ,видать, занимал довольно высокие номенклатурные посты, и совесть у него , как мне иной раз казалось, подкатывалась комом в глотку. Такое бывает с людьми этой породы, хотя и не часто... Особенно, если они причисляли себя к этой выше упомянутой , нашей с вами прослойке. Он никак не мог примириться с потерей нашей державой территориальной целостности, в результате чего произошли в этой расколоте на составные части империи столь «малоприятные экономические

преобразования». Он не мог себе уяснить, что эта территориальная целостность разрушалась достаточно давно путем «подъема национального самосознания». Вам, уважаемый, объяснить что это за процесс, или вы додумаетесь до этого сами?

--Да нет, я с удовольствием послушаю вас, уважаемый педагог.

В голове у меня поднялась эдакая легкая сладостная волна, процесс свойственный ранней стадии опьянения. Мне вдруг захотелось стать добрым и отзывчивым как наш Спаситель. Всех без исключения любить и прощать.

--Тогда извольте-с: -Что же это за штука:- национальное самосознание и с чем его едят? Остановимся на этом подробнее. Это, уважаемый, осознание причастным себя к некоей общности. Поясняю популярно: Это осознание себя не таким как некоторые другие. «О-со-бен-ным»! Вы спросите меня : «особенный», это какой? И тут все очень даже простенько. «Особенный» –это значит лучше, чем другие! Если ты русский, это значит, что ты лучше, чем хохлы, которые сюда понаехали... Если ты украинец,—значит, ты лучше, чем москаль, который- гад и никому продохнуть не дает. Если чеченец- обратно лучше, чем русский, который, сволочь, сосет соки из твоей замечательной республики. Ну, а уж если ты еврей,- значит, тебя вообще все ненавидят, но не так как хохлы москалей, а иррационально. Улавливаете разницу?

Те, которые совсем уже дауны, уверенно полагают и будут несогласным глотки рвать, что «во всем виновата власть». Надо сказать, что тут – то и возразить вроде бы трудно: у малоразвитых отечественных идиотов всегда и во всем виновата проклятая власть и гады начальники!

--Скажите, учитель, что вас, интеллигентного, образованного человека, заставило забраться в эту Богом проклятую глушь? Неужели вы не смогли найти себе работу в городе?

--Почему? Конечно, мог бы. И не сомневайтесь, у меня было достаточно пристойных предложений. Но в городской школе я был бы самым заурядным учителем русского языка в младших

классах. На меня плевали бы все . И дети, и их родители, и коллеги по школе. Здесь же я- директор! Самый главный начальник сорока пяти учеников! Самый грамотный и уважаемый человек в поселке! Здесь ничего не делается без моего совета! Тут я- главный судья и безоговорочный авторитет, я царь и Бог! Я Цезарь! Я Сталин, Гитлер, Брежнев, – в одном флаконе!

--И вам не скучно? Ведь кроме удовлетворения собственного величия у разумного человека существуют другие чувства и потребности?

--Существуют, но всегда надо выбирать главное. Давайте чуточку отвлечемся от грязного быта и поговорим о вечном. Поговорим о сущности человеческого бытия на этом свете.

Задумайтесь, что это такое- человеческий индивидуум? Атом ,почти не видимый без огромной силы увеличительного стекла! Махонькое пятнышко на поверхности вселенной. Ничтожная доля секунды, несоизмеримая с безначальной, бесконечной вечностью. Капля воды в бездонных глубинах, которая испарившись, улетает вместе с ветром. Песчинка, которой не долго ждать возврата к праху, породившему её. Неужто же существо столь малое, столь мелкое, столь преходящее и столь недолговечное противопоставит себя поступательному движению , развитию великой нации, что пребудет в веках, противопоставит себя последующим рожденным нами поколениям, которые будут существовать доколе существует мир? Давайте, уважаемый, обратим наши с вами взоры к нуждам своей страны. Возвысим себя чистым, бескорыстным, я обращаю ваше внимание на это великое в своей кристальной прозрачности слово, и укрепим свое отечество посильным трудом в его благо! А иначе, чего мы стоим?! Чего стоит каждый из нас, кто не готов принести себя в жертву на алтаре родной отчизны?!

Надеюсь, что сейчас вам стало понятно, что подвигло меня на мой подвиг в этой глуши?

--О, да, господин директор.

--Приведу вам один пример: Когда на мясокомбинат привозят стадо овец, овцы, не понимая зачем их привезли, испытывают чувство неуверенности и страха, сбиваются в кучу и категорически отказываются идти на забой. Для того же, чтобы они успокоились и пошли под нож, безмозглому стаду необходим предводитель, который знает куда надо идти. Для этой цели к овцам запускают специально обученного козла. Любимец работников мясокомбината своей натренированной, купленной ценой жизни уверенностью, действует на безмозглое стадо успокоительно. Овцы сразу же принимают его за главного и покорно бредут за ним под нож. А козел живет далее, до следующей партии овец. Вы скажите- обидно, что лидера назвали козлом? А бараном быть не обидно? Это, знаете ли, кому что нравится... Буфетчик, принеси – ка нам еще неразбавленного винца. Да возьми графин пообъемнее.

--Скажите, уважаемый директор, а в вашем поселке никаких странных явлений не наблюдается?

--В моем поселке, без моего на то ведома, никаких странностей не наблюдается и наблюдаться не может. Я прав, уважаемый буфетчик?

--Вы всегда правы, наш многоуважаемый директор.

Я встал, пожал директору руку и побрел назад в свою холодную обитель. Собака, как мне показалось, удивленно поглядела на меня и снова сонно прикрыла веки. Входная дверь была открыта, я тихонько, минуя каморку хозяйки прошел в свою комнату. Старуха сидела за столом, грея спину у жарко горящего очага. На столе стояли две кружки, сахарница, хлеб и блюдце с ломтиками нарезанного овечьего сыра. Старуха, громко прихлебывая чай из кружки, глазами указала мне на табуретку у стола.

Я бросил рюкзак на кровать, поставил лыжи в угол и присел.

--Здравствуй. Никак ты знала, что я вернусь?

--А чего тут не знать, автобуса – то сегодня нет.

--Могла бы сказать мне об этом. .

--Не с руки.

--А выгонять постояльца на ночь глядя –это с руки?...

--Кто тебя гнал –то, разве, что своя глупость.

--Наверное ,ты права... Как , по мне не соскучилась?

--Старая я , мне уже никого не надо.

--Не кокетничай, ты еще бабка хоть куда, хоть замуж тебя выдавай...

--Не люблю я этого.

--Ну , прости подлеца. Комнату – то еще не сдала?

--Живи.

Старуха встала и, взяв свою недопитую кружку, собралась уйти.

--Да посиди ты со мной хоть немного. Человек пришел усталый с длинной дороги, а ты его сразу бросаешь. Как- то негостеприимно это.

--Не гость ты. Ты жилец. Сегодня ты есть , а завтра сгинул. Да и не звала я тебя погостить у меня. Не звала, да и звать бы такого не стала. Ты где это винища нахлестался? Поди с буфетчиком до ночи лясы точил. Тот великий болтун. Его хлебом не корми , а дай кого обмануть или уболтать. Я его на дух не жалую.

--Ишь ты ,как строго-то разграничиваешь. Гость, жилец. А еще кто бывает?

--Всякое бывает. Всякое...

--Я в буфете с директором школы сидел . Неглупый человек. Не простой и сильная натура.

--Антихрист он . Натуральный антихрист. И сатана ему судья, а не Господь! Его давно сковорода дожидается. Давно... Черти поди измаялись дожидаячи!...

--Надо же? А я ,было думал, что вы с ним вместе на шабаш летаете? А выходит , что он на Лысую гору верхом на метле , а ты в храм со свечкой. Так что прости меня, мерзавца.

--Я в наш храм не хожу.

--Так ты же только что сама Господа поминала?

--В храме господа нет, там вороны на паперть гадят, да какие – то древние мужики с грязных стен бабам подмигивают.

--Бог с тобой, хозяйка! Какие грязные мужики? Это же иконы древних святых. Любимых учеников самого Христа!

--Не любы мне его ученики. Один его богатым евреям за серебряные деньги продал, а остальные полные штаны наложили со страху, когда его заарестовали, да разбежались кто куда. Его даже с креста одни бабы снимали: -Матерь его Божья, да Магдалина, которую он от сраму спас. Ученики только через годы и объявились, когда про их стыд люди забыли, чтобы на его имени славу себе сделать. Видала я за свою жизнь таких и в нашем поселке.

--А ты Библию –то читала?

--Грамоте с детства не обучена. Попа один раз слушала. Его опосля войны в наш поселок нелегкая занесла. Грязный был, сильно в одежде износившейся, бородатый, как и наши мужики и, видать, сильно оголодавший. Староста сельсовета собрал всех жителей в храме и велел этому попу про Бога рассказать всю правду. А как тот закончил, дал ему кусок сала, да полкруга сыра и велел при всех покаяться и сказать громко, что никакого Бога уже давно нет, а есть правильное учение товарища Сталина, который теперь и есть наш истинный Бог, выбранный народом.. Ну, поп сильно расстроился, креститься перед иконами, стоя на коленях стал. Слезу пустил. Но голод даже для святого человека сильнее его старого Бога оказался. Сало с сыром у председателя взял и согласился с ним. Больше его никто и не видел, попа этого. Вот опосля всего этого и верь в твою Библию....

За окном раздался выстрел. Я вздрогнул от неожиданности и взглянул на хозяйку. Она не шелохнулась, словно глухая.

--Слыхала, кто – то в поселке стреляет? В кого это можно охотиться в такую темень? Луны сегодня нет, В двух шагах ничего не видно. Я дорогу к дому ногой прощупывал. Чуть в какую – то яму в сугробе не провалился.

--Балуют. Было бы ружье, а уж в кого стрелять всегда найдут.

--А может быть, это в нашу приятельницу мужик опять метит? В ту, которая за окном стояла. Помнишь?

--Мало ли кто за окном может стоять.

--Нет, нет! Не надо песен бабуля! Не отпирайся. Вспомни, когда мы с тобой играли в карты, ты то и дело поглядывала на окно. Я это сразу заметил! Ты точно знала, что моя голая гостья уже дожидается во дворе. Причем я засек, что ты получила от нее какой – то малозаметный знак и, тут же закончив игру, быстренько ушла, невесть куда из дома!

Я сразу же пошел искать тебя, но вас, уважаемая, как ветром сдуло!...Честно говоря, я и сейчас не шибко уверен, что это не ты в нее обращаешься? Признайся, что ты не только ведьмачка, но, к тому же, и оборотень по - совместительству?

Старуха очень спокойно встала из – за стола, взяла со стола свою кружку и колоду старых карт, бросила презрительный взгляд на меня и вышла из комнаты, на мгновение задержавшись у двери:

--А ты меня раздень, да погляди. Может понравится?...

--Нет, она точно ведьма. -Подумал я .

Надо у нее в кладовке метлу и ступу поискать. Жаль, сегодня луны нет, а то бы можно было бы её полетом с крыльца полюбоваться. Я взглянул на часы, до полуночи оставалось несколько минут. Надо было готовиться к приходу гостьи. Тем более, что выстрелы уже прозвучали. Почему–то у меня начался легкий озноб. Распаковывая рюкзак, я обратил внимание , что пальцы рук слегка дрожат . Для полноты наступающего психоза не хватало только мурашек по спине, икоты и заикания. Пожалуй, напрасно я вернулся обратно в этот дурдом. На кой черт мне этот виртуальный сюр? Трепать себе нервы неизвестно за что и зачем? Тем более, что нервные клетки, как учит нас современная медицина, ни хрена не восстанавливаются даже с помощью хорошей выпивки!

--Бабуся, поставь чайник!

Старуха шаркая больными , не сгибающимися в коленях ногами, внесла чайник и поставила его на стол прикрыв для сохранения тепла застиранным махровым полотенцем.

Скажи, мать, я зря вернулся или нет?

--Жизнь- что быстрая река. Разве река может враз завернуться назад? Она всегда течет вперед,- вниз.

--Философ ты, мать. Большой философ. Не хуже Платона. И кто же тебя этому выучил?

--Кто, кто? Черт!

Старуха вытерла тряпкой клеенку и молча удалилась.

--Ведьма! Как пить дать ведьма.- Еще раз подумал я, и прилег на кровать, блаженно вытянув усталые ноги.

Дверь скрипнула, старуха снова вошла в комнату.

--Я чайник – то заберу?

--Бери , если надо. Э нет, оставь пока. Он мне еще понадобится.

--Сегодня не понадобится.- Проворчала старая и, взяв чайник, вышла из комнаты.

Я обалдело посмотрел ей вслед.

--Старая карга. К чему бы это?... Нет, она наверняка, стерва, что – то знает. Наверняка!

Я прилег на топчан, и тяжелая дрема обволокла усталый мозг. Меня разбудил громкий стук маятника ходиков. Я с трудом открыл тяжелые, словно свинцовые веки , и сев на лежанке, долго не мог сообразить , зачем проснулся. Сознание медленно возвращалось ко мне, и вдруг остро ударившая в мозг мысль, заставила быстро подойти к окну и отдернуть занавеску. Луна, едва выбравшаяся из- под тяжелых туч , на несколько секунд осветила пустой двор, однако ни нагой, ни ее следов на снегу не было видно. У будки , протяжно, почти по –волчьи воя, сидела собака.

--Странно...-Подумал я.

Вроде бы и выстрелов больше не было?... Если я их, конечно, не проспал.... Выходит, старуха не зря забрала чайник... Это означает, что сегодня моя гостья прийти не должна...Я прилег,

и прежняя мысль о досрочном возвращении в город вновь забродила в сознании . Так все – таки ,зачем я опять тут? Чтобы опять увидеть её? Чтобы снова остро испытать чувство стыда? Испытать этот слегка жутковатый, щекочущий нервы страх при её, более чем странном появлении?... Наверное... Вообще, мазохизм- это далеко не самое лучшее свойство организма, заложено в каждом человеке, независимо от его пола, вероисповедания, убеждений и способа существования. Это далеко не самая лучшая черта характера, которую, по- моему, еще никому не удавалось уничтожить в себе.

Ах, как бывает приятно , хоть и больно, расковырять уже покрывшуюся твердой корочкой , почти зажившую болячку на собственном теле.... Снять её с ранки, зная при этом, что из нее тут же вновь появится свежая кровь и она будет значительно дольше заживать ...Это свойственно почти всем людям, но у иных оно превращается в манию! В специфическую болезнь, которая иной раз может довести человека до суицида или даже к смерти. Именно это сейчас происходит и со мной.... Любопытно, какую же следующую мерзкую страничку из моей, достаточно простенькой биографии, обнаженная девушка захочет со мной перечитать? Я приподнялся и кликнул старуху. Дверь снова скрипнула и она вошла .

--Звал?

--Звал! Звал! –Зло откликнулся я.

--Ну?

--Почему ты сказала, что чайник мне сегодня больше не понадобится ?

--Устала я от тебя. Пойду спать, и не буди меня более.

--Нет уж! Сейчас ты мне все расскажешь, старая кикимора! Думаешь, я зря топал обратно столько верст , наступив на собственный разум?!

Я схватил ее за руку и посадил на стул.

--Пусти.- Произнесла она совершенно спокойно, но в голосе её таилось столько скрытой угрозы, что я невольно разжал кисть.

--Значит ты знала , что сегодня она не придет...Знала... И кто тебе это сказал? Сорока принесла на хвосте?

--Леший из леса приволок на собственном горбу.

--А, вообще – то... Придет?...

--Господи! Поди, по две тыщи лет люди ждут... И ведь ждут...А ты еще и недели не прожил...

Ночью я не сомкнул глаз. Я перебирал все гадости, совершенные в своей жизни, и пытался, сложив их воедино, сделать из себя монстра. Пытался честно, но.... чудовища из сказки об аленьком цветочке не получалось.... Так, обыкновенный мелкий человек . Слабохарактерный мужчина. Где – то слегка подкаблучник.... Временами черствый эгоист. Иногда откровенный трусишка. В меру щедрый. Чаще жадноватый, вернее, я бы сказал -несколько слишком бережливый.... Способный на гадости, но только на мелкие...бытовые... Да, Маришку я предал! Предал так, как может это сделать только отъявленный, отвратительный эгоист! Но я же честно признался себе в этом. Более того, я попросил у неё прощения! Причем на коленях и со слезами! Я даже попытался все вернуть обратно. Разрушить свою уже годы существующую семью! Нанести непоправимую травму своей жене! Но, увы,- оказался слабаком. Не хватило решимости. Твердости характера. Кстати, это малопривлекательное качество часто встречается у мужиков значительно более сильных и решительных чем я.

Не исключено, что тот мой поступок можно было бы расценить и как элементарное благородство с моей стороны. Но осчастливить одну женщину ценой предательства другой, которая этого ни с какой стороны не заслужила?... Не знаю , что лучше?... Ну, скажем, взять историю с Тамарой. Да, был у меня институтский роман. Был. Это естественно. А у кого его не было? Девушка была интересная, за ней ухлестывала половина ребят моей группы. Правда излишне полноватая, что мне не очень нравилось. Я всегда любил стройные женские фигурки. Но энергии в ней было за пятерых. Я и не пытался перехватить

инициативу у моих соперников, все это она сделала сама. Видать, что –то она во мне разглядела... Хотя, я до сего дня плохо понимаю что?...Перспективы карьерного роста не случилось... Я так и остался рядовым кадром, -среднячком . Росточка был и есть сейчас –среднего , метр семьдесят три сантиметра. Правда по молодости сложен был неплохо, но Шварценегера не напоминал даже отдаленно. Учился средне, так, между тремя с плюсом и четырьмя. То есть, не только звезд с неба, но даже небольших астероидов с научного небосклона не хватал. Личиком , вроде бы, вышел,- мама была красавицей в молодости, так что, только на смазливую мордашку прекрасный пол , пожалуй, и клевал...

Тамара строила далеко идущие планы и, согласно им, наша долгая и, несомненно, прекрасная, безоблачная супружеская жизнь по окончании института должна была быть великолепной. Основой прочного семейного фундамента, а, значит и счастья, должны были стать наши прекрасные многочисленные дети- три девочки и три мальчика. Тамара любила демонстрировать мне свои пышные бедра , совершенно справедливо считая , что это как раз и есть её главный козырь в счастливой семейной жизни: ибо, как утверждает наука- мощные ягодицы- основа легких и здоровых родов. Не могу сказать, что меня безумно радовала столь заманчивая перспектива. Нет, упаси Бог, я не противник детей, но... в разумных пределах. Да и вообще в то время мне казалось, что для многодетной семейной жизни я еще не созрел. Как говорила мама: -мальчик еще не нагулялся. К тому же, я уже встретил Маринку... И это решило судьбу институтского романа. Я до сих пор помнил наш последний разговор с Тамарой, который состоялся перед распределением у двери деканата:

--Значит, Олежка, ты все понял? Повтори!

--Тамара не делай из меня идиота! Я же тебе ясно сказал, что все понял.

--И все же повтори!

--Я выбираю город на периферии.

--Не просто город, в какой - то Тмутаракани, а нормальный большой, с развитой инфраструктурой , институтами ,театром, дискотеками, спортзалами и бассейнами, и обязательно музыкальными школами для наших детей...

--....В Сибири или на Урале....

--Кстати не обязательно в холодных краях, можно, скажем, взять Алма- Ату. Там яблок завались, почти бесплатно, я их обожаю! И детям витамины будут очень полезны. Или Ташкент, там огромное капитальное строительство после землетрясения.... Так что с высокооплачиваемой работой- полный порядок! Ты все понял?

В этот момент я действительно понял все! И.... остался в родном городе. Периферийную же девушку Тамару, не имеющую прописки в моем городе , распределительная комиссия направила в в Улан -Уде.... Там, говорят, замечательно красивые олени... Музей шаманов и неразбавленный спирт вместо водки, которым можно протирать детям руки перед едой , чтобы не прихватили заразу...

Почему я так поступил? Тому, как мне тогда казалось, было достаточно причин. И виновата во многом была она сама. Во первых ,меня ужасно раздражало её скобарское имя –Та-ма-ра!... Так бы я назвал Кабаниху из «Грозы» Островского. Что –то ужасно мещанское, собственническое есть в этом имени...

А может быть ,её собственный характер сделал в моем сознании это имя таким, отобразив его у утонченной красавицы -царицы Тамары... И потом, на меня как –то крайне отрицательно подействовала фотография моей предполагаемой тещи, сделанная в её молодые годы, в окружении почти десятка разнополых ,и таких же как и она сама не в меру упитанных детей. Злое щекастое лицо на расплывшемся теле, без каких бы то ни было признаков шеи, имеющее большое сходство с нынешней Тамарой. Я сразу же представил себя рядом и

Боже, как давно это было....Сейчас я даже смутно представляю себе ее лицо... Большая , аппетитно колышущаяся при ходьбе грудь, и крутые бедра...--Это помню.... Вот , пожалуй , и все , что осталось от трехлетней любви в памяти.... Трехлетней... И по –мужски –первой. А вообще –то,... она просто достала меня до печенок!

До- ста-ла, и все тут!

--Ну, и как? Эта подлянка идет мне в зачет?- Захотелось мне крикнуть старухе.

Дверь скрипнула, хозяйка появилась на пороге.

--Ну бабуля , надеюсь сейчас- то ты не будешь отрицать, что связана с нечистой силой? Не успел я о тебе подумать, как ты тут как тут- собственной персоной. Ну и как, этого раскаяния тебе будет достаточно для моего очередного свидания с твоей протеей? Или нужна еще добавочка? По- моему, я за собой уже более заметных подлостей и не помню. Боюсь, что дальше придется на себя попросту наговаривать, чего бы мне очень не хотелось. Хотя с фантазией у меня всегда был полный порядок. А может быть, ты сама подбросишь мне подходящую темку для собственного оговора?... .

Старуха как –то грустно поглядела на меня и молча вышла. Дикая ярость вдруг овладела мной. Мне безумно захотелось вскочить с лежанки , схватить эту старую сводню за волосы, вытащить во двор и отдубасить первым попавшимся поленом! Едва сдерживая себя я заорал ей вслед:

--Что , обидел я тебя? Зря обозвал? Навел напраслину на твою непорочную, святую душу? Ну, уж прости за грубость. Ты сама затеяла эту дурацкую игру, которая вытягивает из меня все жилы. Еще чуток подобных экспериментов над моей душой и сердцем и совсем скоро, я либо сдохну в твоём ледяном склепе от инсульта или инфаркта, либо стану достойным пациентом любой близлежащей городской психушки!

Дверь скрипнула опять и слегка приотворилась . В створ просунулась голова старухи.

--Меня в молодости мужик мой, покойник, у своего родного брата отбил...

Дверь затворилась, и гнев мой как рукой сняло. «Меня в молодости мужик мой у родного брата отбил»- повторил я задумчиво... Надо же... и у неё , оказывается тоже была молодость... А раз была, то не могла она быть соткана из одних только добродетелей... Не могла... У молодости слишком много доступных соблазнов. Доступных... Вот она где, собачка –то зарыта... А то: -«Не пожелай жену ближнего своего». Не пожелай, -и все тут! Ну, а если ты жить без нее не можешь?! А если при этом у её мужа тоже в сердце есть другая зазноба?!

«Не убий»! А если он негодяй и убийца?! Если он развратник педофил?! И от его руки гибнут ни в чем не повинные дети?! Что, ждать пока его схватит наша неподкупная и разворотливая милиция?! Ждать пока наш самый справедливый в мире советский суд даст ему несколько годков общего режима?! Дождаться пока он выйдет досрочно за прекрасное поведение из тюрьмы и ,изголодавшийся, погубит еще нескольких наших детей?!

«Не укради»! А если ты и твои любимые гибнут от голода ? А у него....

Да, выходит что в реальной жизни с заповедями частенько происходят сплошные неувязочки!... Если сейчас поглядеть на меня сквозь незыблимые святы постулаты Учителя нашего, то во всех перечисленных мною жизненных ситуациях я тяну не более чем на самого примитивного, самого заурядного сукиного сына и никак не более того! А, посему, достоин лишь порицаний и не слишком строгих наказаний за содеянное. То есть, конечно, в некоторых ситуациях я вел себя как подонок, подонок чистой воды! Ну, а если все же попробовать поконкретнее разобраться в каждой из этих ситуаций?

Не пожалеть на разборку всех , даже незначительных с первого взгляда деталей , сил и времени? Да, к тому же, еще и соединить все это с тем полезным, хорошим и добрым, что я все

же совершил за свою достаточно протяженную жизнь?... Может быть, дебет с кредитом сойдется на нуле, или хотя бы близко к нему? А вдруг?..

Ладно, черт с ним. Подсчитывать этот не простой баланс все равно не мне... А белокрылым ангелам –аудиторам или хвостатым парнокопытным чертям той же профессии!....

-----X-----

В этот вечер и на следующий она не пришла. Днем я бесцельно бродил по поселку, вызывая нескрываемый интерес его жителей. Лыжи стояли в углу комнаты не востребованными. Лазить по горам у меня не было никакого желания, впрочем, как и читать, слушать в кухне хриплый довоенный репродуктор с черным картонным диффузором, пить и есть. Хозяйка участливо смотрела на меня при встрече и три раза в день ставила на плиту чайник, который так и оставался нетронутым. Дважды мне навстречу попадался охранник ВОХР в милицейской фуражке от формы послевоенного времени, сорокалетней давности, в гимнастерке с портупеей, на которой сбоку болталась кабура со старым наганом, скорее всего, времен гражданской войны. Он строго осматривал меня, и каждый раз спрашивал:- есть ли у меня паспорт и не просрочен ли он. Местный сапожник приторно скалил рот полный золотых зубов из открытого окошка своей будки и, препротивно цокая, зазывал на починку обуви, выставляя из окошка правую руку с поднятым вверх большим пальцем. Буфетчик, видя, что я каждый раз прохожу мимо, не заглядывая к нему, очевидно, в знак глубокого уважения вышел из заведения и вынес на подносе стакан своей разбавленной жижи с несколькими ломтиками подсохшего, пожелтевшего сыра. Деньги в очередной раз взять отказался, демонстрируя хваленое кавказское гостеприимство и свою неумную, беспредельную, идущую из самых дальних закоулков его широкого доброго сердца, щедрость.

Директор, увидев меня из окна школы, пригласил к себе в кабинет и буквально вынудил прослушать его бесценные советы правительству и лично президенту по проблемам поднятия экономики страны и самосознания её граждан, которые он собирался в ближайшее время направить в Кремль. Надо сказать, что советы эти были не лишены здравого смысла, и в случае их реализации правительством могли бы действительно помочь стране поскорее вылезти из ямы, в которую её загнал недодуманный и недоделанный мгновенный перескок из порочного социализма в демократический буржуазный капитализм. Кое-что из этих постулатов я даже принял как приказ к действию для личного исполнения, кое-что просто попытался запомнить.

У православных есть хорошая присказка: спасись сам, и вокруг тебя спасутся другие. По-моему, она таит в себе глубокий смысл. Для начала Учитель предлагал не гадить в собственном подъезде и не выбрасывать мусор в окно на головы прохожих. Далее:

Вычистить газон под окнами.

Покрасить скамейку.

Работать так, чтобы у самого себя к себе же претензий не было.

Делать все как для себя.

Занять активную жизненную позицию.

Отслужить армию.

Нарожать побольше детей.

Смотреть и думать, кого выбираешь.

Работать самому.

Работать.

Постоянно думать о том, как сделать так, чтобы вокруг тебя стало лучше другим.

Все время что-то делать-лучше, если полезное.

Само собой, у большинства подобные советы вызовут смех. Однако ничего смешного в них я не увидел. Ибо другого пути,

пожалуй, и нет! Революции,—они сперва должны произойти в головах. И только потом проявиться снаружи в жизни общества. На этот раз директор мне показался значительно более симпатичным, чем при нашей прежней встрече. Я даже на минуточку представил его, ну, если уж не в качестве руководителя страны, то уж, наверняка, в качестве её идеолога. Дальнейшие события показали, как нам, простым смертным свойственно ошибаться в выборе своих вождей....

Эти дневные встречи и беседы как —то отвлекали меня от дум о ней.... Но вечерние часы в ожидании стука маятника и выстрелов за окном изматывали до безумия. Да, была еще одна малопривлекательная история в моей биографии. Собственно даже не история, а так эпизод.... Я бы даже сказал небольшой эпизодик... В другое время я бы просто бы никогда о нем и не вспомнил.... Так обычная институтская история.... Я постарался вспомнить и воспроизвести тот неприятный разговор с нашим милейшим деканом факультета. Я даже не помнил его имени и отчества, хотя нет, мы его называли Никфедом, значит в расшифровке этой аббревиатуры он прозывался Николаем Федоровичем.

Помню, мы сидели с ним в его кабинете, прокуренного до желтой копоты на стекле небольшого круглого аквариума с одной единственной рыбой, какой —то необыкновенно экзотической породы. Нередкость уродливой, с одним выпученным глазом на лбу. Рыбе этой было очень много лет и любила она Никфеда, как самая преданная собака. Размером она была точно по диаметру аквариума, плавала ровно посередине его высоты и напоминала стрелку большого корабельного компаса. При этом её морда с циклопическим глазом всегда была направлена на любимого хозяина. Умерла она день в день, минута в минуту смерти декана. К этому времени я уже давно окончил институт, и эту удивительную историю рыбьей любви мне рассказал кто-то из однокурсников.

Никфед загасил в пепельнице, до краев набитой окурками, сигарету и , тут же закурив другую, начал:

--Вы меня ставите в глупое положение , Олег, это , надеюсь, вы хоть понимаете?

--Понимаю , Николай Федорович.... Понимаю, но, простите меня, поступить иначе я не мог, ибо , если не возражаете, еще существуют такие понятия , как нравственность и совесть. Если, конечно, в нашем институте их не отменили приказом директора.

Не ерничайте, мой дорогой. Эти, для каждого порядочного человека незыблемые понятия, естественно, не следует забывать. Однако бывают обстоятельства, которые могут заставить нас проявлять разумную гибкость в решении определенных, не совсем однозначно решаемых задач. И поступить иначе вы, милейший, могли. И еще как могли ! Вы, староста потока, просто пошли на поводу у вашей группы. Так было легче. И при этом наделали такое....

-- И что же такого ужасного , собственно говоря, мы наделали?

Никфед нервно вынул еще недокуренную сигарету изо рта, загасил её, и тут же жадно затянувшись следующей, продолжил, обхватив голову руками.

Ах, простите , вы не понимаете... И мне, беспартийному старику, надо вам, студенту четвертого курса , комсомольскому вожаку нашего вуза, объяснять такие простые истины? Вы меня огорчаете , Олег! Очень огорчаете!

Вы что не знаете, кто такой и что такое профессор Н. П. Буйко?! Вы что хотите меня разыграть, милейший?! Вы меня просто убиваете своим необдуманном упорством. Можете поверить, что я бы тоже мечтал никогда в жизни не слышать фамилию этого, простите за выражение, ученого мужа! А тем более не слышать её ежедневно по 150 раз на дню! Но есть вещи , которые вы, студент чет-вер-то-го курса нашего института, должны знать как таблицу умножения! Как имена своих родителей, если вы, конечно, не родились на свет божий

круглым сиротой! Профессор Н. П. Буйко! –это профессор Н. П. Буйко! Вы меня понимаете?

Последнюю фразу декан произнес шепотом, оглянувшись на дверь.

Вы даже не можете себе представить, мой мальчик, какого размера волосатая лапа и с какой высоты прикрывает это чудовище! Да! Да! Милейший! Именно чу- до- ви- ще! Вы мне ,надеюсь, верите?

--Да , Николай Федорович, я вас прекрасно понимаю и, конечно, верю, но , тем не менее, совершенно солидарен с мнением всей группы и с удовольствием, да, да , с большим удовольствием подписался под коллективным письмом группы ректору.

Милейший Никфед схватился за голову и, стеная, начал совершать круговые движения по кабинету, вокруг аквариума. Рыба неотрывно следовала за ним, вращаясь в банке, как стрелка компаса на северном полюсе, пожирая старика выпученным взглядом.

--Дети! Малые дети! Да что он такое- наш смиренный, и порядочнейший ректор , перед Н. П. Буйко? Что и Кто? Ко-те – нок, и не более того! Этот свирепый людоед вначале доведет его до инфаркта, а затем сожрет вместе с потрохами в сыром виде, смачно похрустывая косточками. Вы что же не помните ,Олег, как он демонстрировал это неоднократно с моими , неосторожно критикующими его коллегами? Причем, делал это демонстративно, нагло, не стесняясь никого! Вашим письмом вы окажете ему неоценимую услугу. Он немедленно займет место съеденного им ректора и вот уж тогда!.... Ну, если вас устраивает такой финал.... Тогда я - пас....

Что я должен был сказать ему? Какой веский аргумент противопоставить этой ,увы, жестокой и трагической правде? Однако, дурацкая совесть, по –прежнему блокировала разум.

--Я вижу, вы все поняли , мой мальчик. И поверьте мне так же стыдно за тот поступок ,который я должен совместно с вами сейчас совершить. За это предложение... Итак ,мы с вами как

умные, но честные жулики, припертые независящими от нас обстоятельствами к стенке, сотворим следующее: -Вы скажете группе, что это злополучное письмо наш смелый и решительный правдолюбец декан, которого описанные в нем события возмутили до глубины души, лично переслал непосредственно в Министерство. Вам, как авторитетному старосте, ребята поверят. А дальше, как и сотни подобных бумаг, оно, якобы, затеряется на ведомственных столах коррумпированных нерадивых московских чинуш. В этом году, а остался всего – то один семестр, Н. К. Буйко заканчивает читать свой курс на вашем факультете, и, поверьте, мой дорогой, что уже через год вы все забудете об этой дряни, как о страшном сне! Договорились?

Старик облегченно вздохнул, вытер платком пот со лба. Постучал через стекло по носу свое зоологическое страшилище и проглотил таблетку нитроглицерина. Конечно же, мне следовало незамедлительно подать ему руку и, дав согласие, поблагодарить за спасительную идею. Но глупое молодое упрямство все еще не было окончательно сломлено пожилым, прошедшим за непростую жизнь огни и воды, разумом. Я как тот баран продолжал атаковать стальные ворота.

--Я, Николай Федорович, при всем моем к вам уважении, не могу согласиться с вами. Интересы группы я, как честный человек и староста группы, да и просто комсомолец- предать не могу. Считайте, что мы с вами ни о чем не говорили...

Старик сделал длительную, почти минутную паузу, принял еще одну сердечную таблетку. Затем подвинул стул к аквариуму и, уставившись в циклопический глаз своего лучшего друга, произнес медленно и глухо. И в тембре его, уже отнюдь не доброжелательного, мягкого, почти отеческого голоса зазвучали жесткие металлические нотки.

--Постойте! И выслушайте, что будет лично с вами, если вы останетесь на прежней, неразумной, с моей точки зрения „непродуманной позиции. Ну, то, что мы слетим фанерой с

именной стипендии,—это не заслуживающая внимания мелочь.... Но дальнейшие события будут разворачиваться с быстротой снежной лавины... Я принял условия старика...

-----XXX-----

На этот раз я даже не заметил, как бабка с чайником в руке вошла в комнату. Я весь ушел в те малоприятные воспоминания. Я до сего дня не был уверен, что ребята тогда поверили мне. Но фортуна оказалась на моей стороне. Буквально через неделю, Н. К. Буйко застали с аспиранткой его кафедры в интимно непристойной и непростительной в советские времена ситуации. Спасая свое реноме, девушка заявила на собрании ученого совета института, где разбиралась «аморалка», что профессор пытался её изнасиловать. И уж тут Н. К. Буйко не смогла помочь даже его «огромная волосатая лапа»! При той стерильной и беспощадной высокоморальной власти — аморальное поведение коммуниста почти приравнивалось к статье- «измена Родины».

--Опять ничего не ел? Старуха поглядела на меня почти с сочувствием. Давай я тебе горячей картошечки с салцем принесу.

А то у тебя глаза, что у моей собаки, когда я её день не покормлю...

--Не голоден я, бабуля. Ты лучше мне вот что скажи...Если вдруг случилась с тобой такая ситуация, в которой надо было бы выбирать, кому отдать последний кусок хлеба: твоей кормилице-корове или взять его себе, как бы ты поступила в таком случае?

Старуха поставила чайник на стол и не задумываясь ответила:

--У хорошей хозяйки обои будут сыты.

--Уста кикиморы глаголют истину.—Подумал я.—Значит, тогда я поступил правильно...

X-----

Ночью я сидел спиной к ярко горящему очагу и с трепетным нетерпением ждал выстрелов за окном и бешеного стука ходиков. В час ночи я понял, что исповеди о Н. К. Буйко и моим соглашательским предательством надежд группы оказалось недостаточно для ее прихода. «Может это и к лучшему»-- подумал я. « Не означает ли это , что принятое мною тогда предательское решение Иуды, небом было понято, как вынужденное действие. И либо не внесено в летопись моих грехов, которая будет главным обвинительным документом на праведном суде, перед воротами рая и ада. Либо поняв ее мотивы на совете апостолов меня просто- напросто простили!»

Странно все же устроен человек. Мне бы радоваться , что я прощен, а я страдаю и мучаюсь, что совершенная мною подлость, не учтена, и что это лишило меня возможности еще раз пообщаться, со ставшей мне столь необходимой женщиной!

Да, была еще одна, не слишком благовидная история в моей биографии. И я ,естественно, не мог забыть о ней. История так же связанная с женщиной . Правда на этот раз я играл роль не предателя, а скорее жертвы. Как, все же слабы мы мужики и даже самые сильные и умные из нашего брючного племени, перед телесными манками прелестных представительниц противоположного пола. Мы можем наедине с собой давать любые клятвы, обязуясь выстоять перед чарами очередной запавшей в сердце, душу, в органы внутренней секреции, красоткой, но лишь в редчайших случаях нам удастся сдержать эту клятву! А какие мучения часто приходится при этом переносить!....Я вспоминаю случай, а вернее эпизод из моей жизни, который не имеет никакого отношения к следующей исповедальной истории ,той последней истории, которая еще дважды привела в моё обиталище Нагую. Он прост, нелогичен с точки зрения нравственной любви, если такая существует, но не сомневаюсь , что подобное случалось в жизни множества мужчин, да и женщин так же! Как –то днем я прогуливал своего сенбернара в парке недалеко от дома. На обратном пути мы

проходили мимо автоматной будки, в которой разговаривала крупная рыжеволосая дама лет тридцати с небольшим. Я бы никогда не обратил на неё никакого внимания, если бы не мой пес, с которым начало происходить что –то совершенно невероятное! Он буквально силком приволок меня к будке, встал на задние лапы во весь свой огромный рост, стал барабанить по стеклам и громко лаять, сумасшедшими глазами глядя на женщину. Картинка, прямо скажем, была не для слабонервных , и я испугался не хватит ли эту несчастную удар! Однако, все последующее повергло меня в крайнее изумление. Представьте себе махину росточком чуть поменьше молодого льва, с огромной головой и могучими челюстями с трехсантиметровыми клыками. Спокойным , добрым нравом моя собаченция не отличалась, и удерживать я ее мог только с помощью жесткого, стального, шипованного ошейника. Намордника на такую огромную пасть я достать не мог, и это заставляло меня во время прогулок постоянно быть настороже. До настоящего момента на проходящих женщин мой пес не обращал никакого внимания. И вообще, ранее я никогда не обнаруживал в нем особой сексуальной озабоченности, даже по отношению к дамам собачьей породы.

Итак, рыжеволосая закончила разговор. Не обращая внимания на происходящее спокойно открыла дверь, вышла из будки. И, как ни в чем не бывало, начала гладить Геракла(так звали пса), по голове и почесывать за ушами, то есть вести себя так , словно перед ней была не зубастая глыба, а небольшой симпатичный котенок. Геракл поднялся на задние лапы, совсем как здоровенный подвыпивший мужик обнял незнакомку и начал страстно облизывать её лицо, совершая при этом абсолютно непристойные , с точки зрения человеческой морали, движения. Видя мое обалдевшее от удивления лицо, она очень мило улыбнулась и произнесла:

--Вы не волнуйтесь , я привыкла к подобному отношению к себе животных. Кобели всех пород ведут себя со мной таким же

образом. Вы бы видели, что делается с котами, их просто не оторвать от меня. Я даже перестала ходить с сыном в зоопарк. Не поверите, но все звери мужской породы начинают ломать клетки, когда я подхожу к ним. Рыжеволосая улыбнулась, оттолкнула Геракла и, кокетливо подав мне руку, назвала свое имя. Рука у неё была необыкновенно мягкая, теплая и слегка влажная. Пес не отпускал её и мы пошли по аллее парка. Я не помню, о чем мы говорили по дороге, и как вошли к ней в квартиру. Все это время, я находился словно в каком-то сладком сексуальном тумане. Я запер подвывающего от страсти пса в кухне, и через несколько минут как сумасшедший сжимал её в своих объятьях на протертом до дыр продавленном матрасе дико скрипящей тахты. Сколько времени продолжалось это любовное побоище, я не знаю. Домой я вернулся поздним вечером и без сознания свалился в полной прострации. К счастью, жена с сыном были на море. Утром я опоздал на важное совещание, едва дав прописаться псу, который смотрел на меня с глубокой укоризной, как на предателя. Весь день я думал только о ней! Был чрезвычайно не собран, отдавал сослуживцам нелепые приказы и выглядел, как заметила моя секретарша, как узник концлагеря после месячной отсидки в карцере. Не знаю, были ли карцеры в концлагерях, но, по моему, и без них там была далеко не сахарная жизнь, но, поглядев на себя небритого в зеркало, я ужаснулся и полностью согласился со вполне объективной оценкой моей личности. Сидя в своем начальственном кресле, я тщетно пытался восстановить в памяти образ моей соблазнительницы и понять, что заставило нас с псом мгновенно, без всяких видимых на то причин, потерять разум во имя неожиданно разбушевавшихся гормонов в наших первичных половых клетках. Она была невысокого роста, с расплывшейся бабской фигурой. Толстоватые ноги и заметно отвисший животик. От неё исходил резкий, щекочущий ноздри и вызывающий невероятное желание обладания, мускусный запах. Назвать ее красавицей, вряд ли

было бы правильно: Чуть раскосые маленькие глазки, пупсоватые щечки с ямочками, безвольный подбородочек и небольшой ротик с припухшими губками. Правда плохо расчесанная роскошная копна рыжих волос скрадывала перечисленные недостатки, но для столь мощного сексуального притяжения этого достоинства было явно недостаточно! На следующий день я взял недельный внеочередной отпуск за свой счет, якобы в связи с неожиданными отклонениями здоровья, в чем никто из сослуживцев не усомнился ни на минуту и, поручив заботу о Геракле приятелю, поселился у неё. Неопрятная однокомнатная квартирка, впрочем, как и её хозяйка, не особо дружившая с ванной комнатой, казалась мне раем. Я вставал чуть живой с драной, но такой притягательной тахты, только ради того, чтобы с жадностью проглотить яичницу или кусок жареного мяса, дабы, хоть частично восстановить безо всякой меры растрачиваемую сексуальную энергию. Мы почти не разговаривали. Впрочем, и говорить – то с ней, практически было не о чем. Она была малообразована, книг не читала и, если не ела или не спала, бездумно лежала на своем изношенном четвероногом рабочем станке, вперившись в очередной бездарный телевизионный сериал. Страстность мою она принимала почти равнодушно. Как бы:–« Ну уж если тебе это так надо,- пожалуйста». Но, может быть, именно это и разжигало меня еще больше. В город она приехала, из какого – то далекого малорусского села на заработки. На какие, сама не знала, ибо кроме ухода за сельской живностью и огородом больше ничегошеньки делать не умела, да и не хотела уметь. Скорее всего, из родного села её выгнали бабы- соседки, чтобы как -то сохранить при себе законных мужиков. Ребенка, прижитого неизвестно от кого, - оставила матери. В первый же день по приезду ей сказочно повезло,- на улице она случайно встретила богатого студента- араба, который, очевидно, обалдел от неё, так же, как и мы с Гераклом. Он затащил её в гостиничный номер и уже через неделю купил и подарил для

любовных встреч эту квартиру. Время от времени, он прилетал к ней на несколько дней из неблизкой Африки и давал вполне приличные деньги на проживание. Через неделю я столкнулся с ним у подъезда. Он подъехал на шикарном мерседесе – такси. Я узнал его по фотографии на серванте в её комнате. К счастью, я только что примчался к ней на свидание и успел во время притормозить почти у самой парадной. Высоченный, в дорогом фирменном костюме «от Версаче», смуглый волоокий молодой красавец. Я уверен, что на него с разбегу бросилась бы любая красавица из самого высшего слоя общества в любой стране. Перед таким мачо не смогли бы устоять ни самая дорогая фотомодель, ни голливудская звезда. А если еще к этому добавить, что папаня этого нарцисса был не последним арабским шейхом и владельцем нескольких сотен, а, быть может, и тысяч нефтяных скважин, становилось малопонятным, – зачем этому наследному принцу нужна была в России, не второй и даже не пятой свежести молодости и обаяния деревенская баба с её драной скрипучей тахтой в однокомнатной хрущевке. Водитель схватил два громадных чемодана, и обливаясь потом, сопя как паровоз, поволок их вслед за моим соперником, который пулей взлетел по лестнице и как умалишенный начал тарабанить в её дверь руками и ногами, не доверяя звонку. Я, сгорая от неожиданного приступа дикой ревности, абсолютно несвойственного мне никогда ранее, поднялся по лестнице почти до квартиры и наблюдал оттуда их встречу. Она спокойно вышла на площадку, очевидно решив, что это разбушевался её новый, дурачок, то есть я, не видевший её всего несколько часов. На внезапно появившегося заморского купца и законного повелителя своего тела, она отреагировала без особых эмоций. И это было закономерно, ибо в течение целой недели она сутками напролет не могла вырваться из моих, более чем жарких объятий. И у неё, так же как и у меня, уже просто не оставалось ни капли физических сил и ни грамма эмоций! В русском языке это состояние обозначается

иностранным словом: —«апатия». А расшифровывается оно приблизительно так: отношение к началу нового секса, сразу же после только что закончившегося!

Однако полный сексуального задора и сил, разгоряченный желанием обладания красавец — самец ничегошеньки не заметил! Да и не мог заметить! Ноздри молодого сильного жеребца уже втянули в себя резкий призывный запах мускуса, столь желанной кобылки, а гормон тестостерона паровым молотом шарахнул в мозг и в содержимое мошонки. Адреналин мгновенно разжижил шесть литров крови! Они же в доли секунды могучим потоком, со свистом ворвались в пустующие, доселе расслабленные ячейки пещеристого тела! В ту самую нежнейшую ткань главы мужского достоинства, которая способна в один момент создать из этого простенького, болтающегося без дела лоскутка губчатой ткани, бивень доисторического мамонта вполне впечатляющих размеров! Дверь в квартиру с грохотом захлопнулась, за едва успевшим выскочить из прихожей шофером, и сквозь толстую ватно-дермантиновую обивку утепления и охранную броню железа со смотровым глазком я с завистью и грустью побитого пса услышал победное ржание ликующего жеребца и препротивный скрип едва живых, разболтанных ножек несчастной тахты, в страшном темпе елозящих по годами не мытому грязному паркету.

Взрыв ревности явно пошел на пользу моему здоровью. Оставшиеся четыре дня я не вылезал из своей квартиры и, более или менее, пришел в себя. На пятый день я уже мог адекватно воспринимать действительность и показать, осунувшееся как после тяжелой болезни лицо горячо сочувствующему мне шефу и заботливым сослуживцам. А вскоре вернулась с южного моря моя семья, и далее испытывать судьбу... я не решился.

Еще раз прокрутив в голове эту довольно странную историю, я понял, что моего греха в ней практически нет. Я попросту влип в

нечто совершенно непонятное современной науке... В нечто еще не познанное человечеством, но очевидно известное собакам, обезьянам и котам... И бороться с этим нормальному хомо сапиенсу- было бы делом бессмысленным. Как сказал Ежи Лец:- « Всякая, вонь сражающаяся с вентилятором , мнит себя Дон Кихотом». С таким же успехом я мог бы попасться в лапы хорошего гипнотизера –авантюриста или опытной воровки цыганки. На сей раз затейница- судьба в чистом виде и, наверняка, не впервые, испытала на мне мощное сексуальное психотропное оружие! Мне оставалось только пожалеть коллегу по несчастью арабского принца. Хотя кто знает, может быть, на самом – то деле молодому гиганту полному сил страстности и половых гормонов. Накаченному до краев горячей африканской солнечной энергией, с присущей этой нации избытком сексуальной энергии и неумемного, не подающегося разуму темперамента ,- невероятно повезло?...

-----X-----

Прошли еще сутки. Сутки, полные грусти и желания видеть её. Весь следующий день я бездумно, почти в забытьи , провалился в своей ледяной камере. Растопить очаг не было сил. Старуха, что –то недовольно бурча, несколько раз приносила согретый на старой довоенной керосинке чайник, но через пару часов уносила его обратно холодным и нетронутым, так же как и хлеб с сыром.

Я мучительно старался вспомнить еще какую-нибудь неблаговидную историю, какой-нибудь проступок, за который я в её глазах мог бы выглядеть дрянью, но И вдруг меня словно шарахнуло молнией! Сольвейг! Да ! Да! Конечно мой роман с Сольвейг!

Это странное для россиянки имя ей дал отец. Сумасшедший меломан , большой поклонник Грига. Она была необыкновенно хороша и в свои сорок пять лет выглядела на десяток годков моложе. Пышнотелая, с высокой грудью, стройными ногами и талией манекенщицы. Матовая бархатистая кожа, огромные,

всегда чуть- чуть прикрытые веками, с длинными ресницами голубые глаза, и царственная походка,- сводили мужиков с ума. Она часто меняла мужей и любовные привязанности, и от того приобретала еще большую привлекательность и дополнительный бабскую прелесть в глазах сильной половины рода человеческого. Идти рядом с ней по улице , я уже не говорю о выходах в театр или ресторан, было сладкой мукой. Мужики не просто раздевали её взглядами, но табунами достаточно долго плелись следом. При этом они частенько, от вполне закономерной зависти, комментировали явное несоответствие, с их точки зрения, моей и её внешности. Я не осуждал их, ибо на её великолепном фоне выглядел не лучшим образом. Рядом с ней должен был находиться Ален Делон, Грегори Пэк, на худой конец Филипп Киркоров. Правда, в те годы Филипп еще ходил пешком под стол в коротких штанишках, держа маму за палец. Не сомневаюсь, что сама она тоже была такого же мнения, но я был не только другом, но и начальником её тогдашнего мужа, и думать об этом она могла только очень тихо и про себя.

Любовниками мы стали через месяц после их свадьбы и, исключительно, по её инициативе, потому что без стороннего постельного флирта она просто не мыслила своего существования в браке. Видит Бог, я, как мог, сопротивлялся завязке этой неблагоприятной связи, но, буду честен, – не слишком упрямо и долго.

Утешал я свою совесть тем, что не ответить на призыв такого роскошного тела не смог бы и сам Великий Зевс! Правда немного позже , случайно прочитав «Мифы древней Греции» , я узнал, что этот Бог всех древних греческих Богов, не пропустил за время своего священного правления на Олимпе ни одной приличной ангельской мордашки да и просто юбки. И более того, когда официальная женушка,- Богиня Мегера, застучала его с очередной любовницей, он превратил ту в прелестную белую корову с огромными , голубыми как полевые васильки

глазищами, и, по-прежнему, продолжал плотские свидания с ней, но, правда, уже в обличии быка. Встречались мы с Сольвейг урывками. Обычно у неё дома, когда мне удавалось сплавить её муженька в командировку, или у меня, когда моя благоверная уезжала с ребенком на отдыхать на море. Характер у Сольвейг был капризный и придирчиво мелочный. Просто мерзкий! Этакая, самовлюбленная, эгоистка-доставалка. Однако, если на одну чашу весов бросить все её многочисленные недостатки, а на другую -вождеделение, которое я испытывал при одной только мысли об обладании её телом, перевес, несомненно, был бы на стороне плотской страсти. Помню, примчался я как – то к ней после недельной простуды. Она встретила меня, как обычно, сидя на розовом пуфике перед зеркалом в легком полупрозрачном распахнутом халатике, надетом на голое тело.

--Ну и как ты себя чувствуешь, мой болезненный любовничек? Надеюсь, хворь прошла благополучно и не задела главных органов, ведающих любовью ко мне? Что-то, последнее время ты стал забывать своё любимое чудо?

--Но ты же знала, что я приболел. Да и твой, ...на этот раз почему – то, слишком долго тянул с командировкой.

--Естественно, он же твой заместитель. Ждал возвращения в отдел вышедшего из строя шефа. Кстати, ты все свои бациллы оставил на домашней подушке, или парочку тысяч каких-нибудь гадких палочек Коха принес мне в подарок? Если так, то иди, долечивайся и спи с ними, а не со мной. Подарки я беру только от здоровых мужчин и отдаю предпочтение дорогим французским духам. Кстати, ты помнишь их название?

--«Мадемуазель Ко – Ко», если не ошибаюсь?

--Умница! И за это я тоже тебя люблю. Только не забудь, что это должен быть «парфюм», а не «туалетная вода», и флакончик емкостью не менее 75 миллилитров. Эти духи бывают только в дорогих бутиках и в самолетах международных рейсов. Так что, милый, не будь жмотом при выборе флакона.

--Я все прекрасно помню, любимая. Об этом ты мне напоминала неоднократно.

--Ну, и где они? Я что-то не вижу обещанного флакона? Твои прошлые уже подходят к концу. Или, может быть, тебя устроит туалетный запах «Шипра» или «Тройного одеколона», который будет источать моя нежная кожа? Тогда, если ты, конечно, хочешь, я даже могу для свежести начать пить их на брудершафт с бомжами у соседнего ларька. Не сомневаюсь, что этим очаровательно-мерзким пойлом они будут счастливы угостить меня за свой счет. Кстати, я слышала, что министр обороны подписал приказ о продаже военнослужащим, причем, по сниженным ценам, новой и очень сейчас модной коллекции одеколона с интригующим названием: -« Вот солдаты идут». Пишут, что у него нежный и очень сложный запах смеси нестиранных солдатских портянок и кирзовых сапог, смазанных свежим дегтем. Может быть, ты заскочишь в ближайший парфюмерный магазин и сделаешь мне этот бесценный подарок? Только возьми уж сразу оптом флакончиков десять-пятнадцать, на его дивной основе мы с тобой будем создавать изумительно ароматные коктейли!

Я спокойно дал ей выдать на меня причитающуюся в таких случаях порцию яда, уже давно ставшую привычной. Непременного атрибута почти каждого свидания. Надо отметить, что заложенное в ней с ранних лет язвительное чувство юмора, как ни странно, не только не умеряло мой любовный пыл, но, пожалуй, в еще большей степени разжигало его.

--Ну и как ты себя чувствуешь? Надеюсь, что сильные антибиотики не ослабили твое влечение к прекрасному полу?

--Физически я чувствую себя прекрасно, нравственно-отвратительно.

--Какое очаровательное слово ты откопал,—«нравственно»! В тебе умер археолог. Ты не находишь? Можно теперь я буду называть тебя - мой милый Шлиман?

--Я не знаю, кто во мне умер, Но кто во мне родился,- это на данном этапе я знаю точно.

--Так там в углу висит плеть, походи в туалет, сними трусы и хорошенько побичуйся. Не сомневаюсь, тебе станет намного легче.

--Нет, это поразительно! И как это твоему папаше могла прийти в голову идиотская мысль назвать тебя Сольвейг? Сольвейг -святое имя. А у тебя никогда не появлялось желаний сменить его на другое, а более подходящее твоей истинной сути, ну , скажем, на Кобру?

--А тебе не кажется, что я тебя не держу? Уйди! Раз тебе так плохо с этой змеёй? Правда, в этом случае я бы так же посоветовала сменить имя и тебе. Поищи что –нибудь близкое к ослу. Кстати, очень, очень милое животное. На редкость неприхотливое и стеснительное до «вопиющего крика из пустыни».

--Ушел бы, но что – то держит....

--Кто же, милый? Открой секрет?

--Ну, очевидно , не кто , а что.... Да если бы я сам это знал?...

--Ну, ладно. Этот пустой разговор не стоит и выеденного яйца. Я тебя не держу, это мы выяснили! Да, мужик ты не самый плохой, хотя далеко не Казанова. А уж если начистоту, любовник ты просто дерьмовый. Да что я от тебя вижу? Иногда ворованную постель с постоянной оглядкой на входную дверь и полные трусы страха, что мой или твоя вернутся раньше и застукают нас! Или эту бесконечную игру в прятки на входе в дом и выходе:- на цыпочках, ты первый ,оглядываясь , я бесшумно -вторая? Ожидание на ветру за углом ,когда ты закроешь дверь на ключ и проберешься ко мне без свидетелей! Ты попробуй, вспомни, когда мы в последний раз были в ресторане? Когда в последний раз ты дарил мне цветы или пристойные подарки? Ты ничтожество и мне обидно до противного, что я отдала тебе столько любви, столько чувств,

которых ты ни в какой степени не заслуживаешь! Я дура! Да! Да! Обыкновенная, примитивная дура!

--Сольвейг! Моя любимая девочка! Конечно, ты во многом права!

Но, родная, не криви душой. Ты же не хуже меня понимаешь, что нам показываться на людях вместе нельзя! И чтобы нам обоим и дальше не трепать нервы, мы должны развестись и узаконить, наконец, наши отношения!

--Нет уж, извини! Но бросать одно бездарное и нищее чучело ради приобретения такого же другого я не намерена. До поры.... то есть пока.... ты кое-как, но все же еще устраиваешь меня и при моем муже. Да, опубликовывать нашу связь нельзя! То есть, в этом городе нельзя! Тогда вези меня в другой! На юг! За границу! К черту, к дьяволу!... Это твоё дело! Сели меня в люксы! Балуй вниманием и щедростью! И уж тогда ... Тогда пожалуйста... Предъявляй любые претензии!... Или я не права? И все – таки выясни, наконец, для себя и для меня:- я -кто? Твоя постельная принадлежность, или нечто большее?!

--Да ты пойми!... Да, я виноват! Сто раз виноват перед тобой! Да, я бешусь, бешусь, но дело не в тебе! Я и сам до конца не знаю-люблю я тебя или нет. Вот не знаю и всё! Но жизнь без твоих губ, без запаха твоих волос, без твоей кожи, без этой постели, -теряет для меня весь смысл!... Ты можешь понять хотя бы это?!...

Сольвейг, не отрываясь от зеркала, в десятый раз перекрашивала губы и достаточно холодно, безо всяких видимых эмоций слушала мои пылкие признания.

--Вот видишь, теряет всякий смысл.- Автоматически повторила она понравившуюся ей последнюю фразу.

--Ты все правильно сказала, любимая! Да, я не директор овощного магазина, не владелец **дорогого** престижного бутика, **торгующего из -под полы дефицитными шмотками**, не дантист и не гинеколог! Я достаточно мелкая, средне оплачиваемая сошка. Заместитель директора мелкого конструкторского бюро.

Я совслужащий! И благосостояние нашей с тобой будущей семьи может расти исключительно в строгом соответствии с ростом реальной заработной платы. А с этим, как ты сама прекрасно понимаешь, не разбежишься по заграницам! Так что принимай меня таким, какой я есть. Или....

--И еще как – «или»!.. . И именно поэтому я считаю, что ты должен чаще задумываться,- а имеешь ли ты право при твоём более чем скромном достатке, далеко не выдающейся внешности и более чем скромных остальных мужских достоинствах, претендовать на внимание и роскошное тело такой шикарной женщины, как я? Нет, упаси бог, я не призываю тебя воровать! Только не это. Я только говорю тебе: милый, будь умнее и проще... Не можешь—уйди... Поверь мне, в мире еще столько свободных, одиноких, мечтающих о любви, или хотя бы о постели с любым мужиком, даже неудачником, вполне приличных баб.

--Я все понимаю, но уйти не могу! Не в силах!

По-прежнему, не прекращая своего любимого занятия и не отрывая лица от зеркала, она протянула:

--Вот видишь, -«этого не могу, того не могу»... А что ты можешь?

--Выходит, что ничего!

Она спокойно закрыла тюбик с помадой и, повернув ко мне свое очаровательное холеное личико, очень зло и громко процедила:

--Врешь! Милый. Ты спокойно можешь спать с женой своего лучшего друга!

--Да, мне действительно было стыдно. С её мужем мы дружили почти с детских лет и не раз давали друг другу юношеские нерушимые клятвы верности нашей дружбе. Несколько лет назад я вытащил его из какой – то дрянной шараги, где он тихо, но верно спивался, а заодно и из алкогольной зависимости. Взял к себе в отдел, хотя достаточно сильно рисковал: -бывшие алкаши, так же как и завязавшие наркоманы,- народ очень не надежный. Мы оба, находясь в командировке, положили глаз и

познакомились с Сольвейг ,администраторшей нашей третьесортной гостинички . Нас наповал свалил её бюст совершенно непостижимых уму размеров , впрочем, как и все её остальные не поддающиеся мужской критике женские достоинства! Я был женат и пребывал в достаточно прочных семейных оковах. Мой дружок был: во- первых , свободен, как перелетная птица, а во- вторых- по всем, во всяком случае чисто внешним параметрам, давал мне достаточное число очков вперед.

Сольвейг всю жизнь мечтала о жизни в большом городе, и желание это было совершенно естественным. Её фантастическим женским прелестям было негде развернуться в этой вонючей и абсолютно бесперспективной в плане приличного замужества, глубинке. Так мой друг стал обладателем периферийного чуда .Секрет её успеха у мужской половины человечества заключался и в том, что она никогда не разрешала себе распускаться. Женщине требуется специально оформленная витрина, где бы она могла стариться, свет, бутафория, черный бархат , на фоне которого можно спокойно сидеть и толстеть, хихикать и жадничать, Ей нужны любовь, забота, солидный, нетребовательный муж или еще более нетребовательная и солидная вдовья часть в банке. Женщина, старящаяся в одиночестве, никому не нужная ветошь, жалкая развалина, если нет хотя бы дряхлых домочадцев, которые бы клохтали и охали над ней, растирая больные места.

Мало того что Сольвейг была очень привлекательная женщина, она , к тому же , была умна и начитана. Умна она была настолько что , что абсолютно точно знала когда и как маскировать свой ум. Ей не повезло с двумя первыми мужьями: один оказался слабцом, второй еще слабее- тот просто умер. Романы давались ей не слишком легко. Она их создавала сама, укрепляя шаткие позиции с нужными ей мужиками частыми телефонными разговорами, тут она была профессионалом высокой пробы, блестяще написанными письмами,

остроумными поздравительными открытками, тщательно подстроенными случайными встречами. Она варила бульон захворавшим холостякам и помнила все нужные дни рождения. Этим она не давала нужным людям забыть о себе. Ни одна женщина в её забытом Богом городке не заботился так об отсутствии живота, о чистоте и гладкости кожи, белизне зубов, округлой линии подбородка. Львиную долю её времени и средств поглощал уход за ногтями, волосами, массаж, кремы и притирания. Завистницы говорили: « Она гораздо старше, чем кажется». Когда , несмотря на массажи , кремы и гимнастику её роскошные груди начали слегка терять былую упругость, она заковала их в гибкую броню очень дорогих бюстгальтеров и они торчали высоко и задорно как прежде. Её грим требовал все больше времени и труда. Её волосы обладали тем блеском, отливом и волнистостью, которую обещает телевизионная реклама косметических фирм. Гуляя, обедая, танцуя с очередным кавалером, она была весела , остроумна, опутывая партнера тонкой , но прочной сетью- и кто бы мог догадаться, как скучно ей в который уж раз пускать в ход давно проверенные и порядком надоевшие приёмы. После затраты некоторого времени и денег дело обычно кончалось постелью-если обстоятельства позволяли. А потом снова следовало закрепление позиций. Рано или поздно постель должна была послужить капканом, который захлопнувшись, гарантировал бы ей покой и благополучие в будущем. Однако намеченная добыча как правило срывалась с крючка и выпутывалась из казалось бы такой прочной и хорошо запутанной сети , ускользая из стеганной шелковой ловушки. Кавалеры по большей части попадались хворые, трусливые женатые подкаблучники, или чересчур осмотрительные скупердяи. И никто лучше самой Сольвейг не знал, что время её уже на исходе. Мой холостой приятель был из тех унылых мужчин, которые искали у более сильных по натуре женщин поддержки и утешения. Он, как и многие подобные ему были стреножены

чувством неполноценности, не могли освободиться от сексуальных травм, омрачавших и прочие стороны их жизни. С такими, ей было легко: немного лести, вовремя сказанное ободряющее слово, и они были у её ног. Мой приятель страдал от травмы несколько иного рода, он был, как, впрочем, и многие мужики в нашей самой счастливой стране жертвой социально-экономических неудач подорвавших его силы и уверенность в себе.

В её пустой жизни, без дела, без любви, без детей, явился вдруг интерес: вылечить душевное увечье этого человека, поставить перед ним новую заманчивую цель. Это была игра, нечто вроде головоломки, задача, которую ей захотелось решить не столько из добрых чувств, сколько из любопытства и скуки. Он был несколько выше её прежних мужчин и жил в большом городе, что уже было заманчиво. Взяв его под свое сексуальное и сердечное начало, она возвысилась бы в собственных глазах, а это ей было очень нужно. На её глазах у мыши отрастала львиная грива. Сольвейг видела, как твердеют его мускулы под тканью рукавов. Как в глазах откладывается уверенность в своих силах. Так, должно быть, чувствовал себя кроткий Эйнштейн, когда выношенная им мысль о природе материи огненной шапкой накрыла Хиросиму.

Встречаясь с женатыми мужчинами Сольвейг не испытывала сочувствия или жалости в отношении их рогатых жен. Надо сказать, что женщины легко мирятся с невзгодами, особенно если они выпадают на долю других женщин. Но годы с их морщинками, дряблостью кожи и прочими гадостями неумолимо подступали, как волны прилива, даже в тихую погоду захлестывающие прибрежные скалы. Временами к её горлу вдруг подкатывал горячий комок страха. Надо было на что – то решаться, Капкан поставленный на моего приятеля захлопнулся.

Итак, первый этап Сольвейг завершила, надо было двигаться дальше вверх по лестнице к большому, настоящему счастью.

Второй ступенькой, правда чисто временной, стал начальник мужа , - то- есть я. Девушке нужно было разобраться , что может дать любовник рангом повыше мужа , не торопясь, обстоятельно разработать дальнейшую стратегию будущего жизненного благополучия. Фраза польского сатирика про вонь, сражающуюся с вентилятором, -отнюдь, не была её девизом. Что, что, но цену себе она прекрасно знала. Я должен был вывести её в свет, лучше заграничный, и уж там—то она бы свою жар-птицу не упустила... Однако , со мной она немного подзадержалась . Протопталась на месте. А время шло! С бесперспективными играми в чужих постелях пора было заканчивать. И она очень грамотно и достаточно убедительно дала мне это понять на том свидании. В тот момент она мне напомнила обезьяну, прыгающую по веткам с гранатой в руках, и выдернутым кольцом в зубах, ибо, как мне казалось, она все же не до конца понимала, правильно ли она сейчас поступает, порывая роман со мной. Ведь, худо- бедно, но я был шефом её кормильца - мужа....

 Х-----

Старуха, как обычно, появилась неожиданно и тихо, без скрипа двери. Подошла к очагу и поворошила затухающие головешки кочергой. Я встал и подвинул ей стул.

--Садись.

Она спокойно присела на краешек.

А с твоими прежними постояльцами такое случалось? - Полюбопытствовал я? _ Или эта чертовщина происходит здесь только со мной?

Она долго молчала , сморкнулась в край фартука и негромко произнесла:

Да разве все дело в месте.... Все свое в себе носим, а от себя – то куда запрячешься?

Ничего себе, судьба –плутовка мне местечко подобрала? Значит ,недаром и непонятно зачем, меня так неожиданно и именно сюда потянуло... Я ведь о твоём ауле и слыхом не слыхивал! На Домбай должен был ехать кататься на лыжах с ребятами из спортклуба. Да в последний день как будто черт меня за бороду дернул ! И я, почему – то, вдруг передумал и ко всеобщему и своему удивлению, укатил сюда, ровным счетом ничего не зная об этом проклятом месте?...

--Случайно ничего не бывает. Даже если в кровать ночью помочился. Все записано.

--Да, оно и видать. А в этот календарик случаем заглянуть на минуточку нельзя?

--Не знаю я, может, кому и удастся.... Слыхала есть такие... Вот только где он, этот календарь? У кого?...

--А у тебя , значит, хода к нему нет?

Старуха тяжело вздохнула и еще раз сморкнулась.

--Да откуда он у меня? Да если бы и был, подглядывать не стала б.

--А почему? Неужели неинтересно?

--По началу жизни, может было бы и интересно, а уж сейчас....Я и без того все наперед знаю ... Сколько осталось – то...

--А я не возражал бы. Честно тебе скажу.

--И зря.

--Это почему , зря? Не понял, поясни...

--А что пояснять – то. Если , к примеру, ты сейчас узнал бы всю свою жизнь наперед, шаг за шагом, до самой могилки. И что записано будет на твоём камушке прочел бы,- какой интерес в этой жизни для тебя остался бы?

--Черт его знает... Что –то в этом определенно есть , мать.... Что –то есть...

--Вон у нас в клубе каждую неделю одну и ту же картину шесть раз подряд крутили, так на четвертый раз уже никто и не пошел. А чего там глядеть, если все наперед известно.

--Так- то же чужая жизнь, а здесь – то своя.

А своя- то, поди, еще тошнее будет. Как оно жить – то по старым ошибкам, коль их поправить никак нельзя.

--Мудра ты , мать, но тут я с тобой поспорю. Думаю, на этот раз ты крепко ошибаешься. Человечество,- это огромное скопище баранов без шерсти, как в твоём кино, всю историю своего существования на земле только то и делает, что непрерывно повторяет одни и те же свои прошлые ошибки.

Мучается от этого непомерно! И видишь, ничего! Живет себе! Существует! Размножается! То есть, строит жизнь по старым ошибкам, и все время подкрепляет их новыми, чтобы веселее жить было. С человеками , мать, не соскучишься!...Только этим они существенно и отличаются от баранов.

Старуха бросила тревожный взгляд в окно, встала и,поставив стул к столу, направилась к двери.

Постой, мать! Ты чего это вскочила? Поговори со мной еще. Или я тебе уже наскучил?

--Пошла я. Мне пора.

Дверь за ней со скрипом затворилась , в этот же момент за окном раздались выстрелы. Я взглянул на ходики – они, как и обычно, негромко и не слишком быстро стучали . Выглянул в окно, но в слабом свете луны , то и дело прятавшейся в тяжелые тучи , не мог рассмотреть, есть ли кто- то во дворе и на крыльце. Я сел на стул спиной к очагу, однако разгоревшийся огонь не грел. Вдруг громко подали голос часы, и дверь с противным глухим скрипом начала медленно отворяться. Я весь сжался на стуле, по спине поползли холодные мурашки.

--Заходи.-Громко и отчетливо сказал я и не узнал собственного голоса. Дверь открылась полностью ,на пороге ,скрестив руки на груди,стояла старуха. Меня бросило в жар.

Ты ?....

Старуха молча прошла мимо меня к окну, отдернула занавеску, выглянула во двор и, задернув её обратно, пошла к двери. На пороге она остановилась и бросила в проем:

--Возьми её.

Я откинулся на спинку стула, сделал глоток воды из стоящей на столе кружки, промочив внезапно напрочь пересохшее горло , и еще раз громко повторил:

--Заходи.

Она бесшумно вошла в комнату, как всегда нагая, теплая и прекрасная, подошла ко мне и мягко положила руки на голову. Я накрыл их своими руками. Невероятное, никогда ранее не испытываемое блаженство опустилось на меня. Руки были удивительно нежные и излучали, да, да, именно излучали удивительную нежность. Я встал обнял её теплое, на редкость податливое тело, вкусно пахнущее чистым неглаженным полотняным постельным бельем. Она положила свою очаровательную головку мне на плечо и так мы стояли ,наверное, очень долго , не в силах разнять объятия. Наконец, словно очнувшись от глубокого очень сладкого сна, я поднял её и усадил на стул у очага. Как и обычно набросил на плечи мою подбитую заячьим мехом спортивную куртку и закутал ноги пледом. Она благодарно улыбнулась и мне показалось , что от этой улыбки в моей мрачной берлоге стало уютно и светло.

А я боялся, что ты уже и не придешь. Забросила меня, и заставила страдать! Да! Да! Пожалуйста, не улыбайся ! Заставила страдать, и еще как! Я даже собрался уехать, но какая – то сила не позволила этого сделать! Ты знала об этом?

Она кивнула головой.

Я даже представить себе не могу , что когда – нибудь ты покинешь меня, и я должен буду навсегда расстаться с тобой!

Голос мой звучал хрипло и слегка дрожал. Фразы получались отрывистыми... незаконченными.... Временами перехватывало дыхание.

Да, я понимаю. Ты , конечно, все знала... Мне кажется , что вообще все знаешь обо мне . И все, что со мной было и что будет... Ведь так же? Почему ты молчишь? Я ведь так откровенен с тобой! Я поверяю тебе самые сокровенные , хотя

и мало приятные для меня истории из своей жизни. Ты это понимаешь? Я этого никогда не делал!

Она кивнула.

Но не ценишь! Хотя я не сомневаюсь, что, наверняка, веришь мне, не так ли?...По-прежнему молчишь... Я как – то все время забываю, что ты либо немая, либо не знаешь русского языка. Да я понимаю, ты горянка, у вас свои обычаи и законы... Часто не совсем понятные нам, горожанам, но ведь в твоём поселке все остальные твои земляки меня прекрасно понимают и достаточно чисто говорят на моем языке. Хотя у вас действительно странный аул. А может быть, ты, вообще, не отсюда? А?

Она утвердительно кивнула головой.

Ты знаешь, я сразу об этом подумал, как только увидел тебя. У тебя и волосы не черные и глаза голубые... Они как два прозрачных озерца... Я говорю глупости? Да? Не удивляйся, пожалуйста.... Иногда мне кажется, что я как умалишенный влюблен в тебя! А временами даже кажется, что между нами есть что-то очень родственное! Как будто ты моя родная сестра....

Неожиданно она негромко, но очень приятно и мелодично засмеялась, и я с удивлением впервые услышал её голос.

И то, что ты не немая, я тоже догадывался. Скажу тебе больше: -я даже догадываюсь, кто ты есть на самом деле. Сказать тебе? Только не смейся, даже если я окажусь неправым, хорошо?

Она опять молча кивнула.

И для того, чтобы догадаться об этом- не надо быть провидцем, вроде тебя! И моя старуха здесь не причем. Это я сам! Я сам обо всем догадался. И сообразил, что мне никуда от тебя не деться... Удивительное в этой истории лишь одно:- почему только здесь, в этой, не знаю точно кем, богом или дьяволом созданной проклятой дыре, я, почему-то, могу видеть тебя и общаться с тобой?! А во всех остальных местах на земле я ношу тебя в себе? Так ведь?! Я прав?!

Ты молчишь и это нечестно! Это игра не по правилам порядочных людей! Хотя после того, что я наделал в моей гаденькой жизни.... После того, что ты обо мне уже знаешь и будешь узнавать далее, я ,вряд ли, могу считаться порядочным партнером в нашей скованной одной цепью паре, в нашем соглашении. А, тем более, заключенном в одностороннем порядке....

Молчи , молчи.... Я не в претензии...Я знаю, тебе просто сказать нечего...

И еще я усек одну штуку. Сделав какую –нибудь гадость...Нет, нет, даже не гадость.... Просто, что- то выходящее за рамки нашей общепринятой, частенько просто ханжеской христианской морали... Прости меня, я атеист... В любом другом месте я могу об этом поступке забыть... Как бы переспать со своей личной, беспрекословно подчиняющейся мне собственной совестью. И конец ! И о том, что мне было неприятно -забыть навсегда! А здесь, в этом треклятом поселке, так не получается!...Здесь все вылезает наружу, и дальше жить с этим не-воз-мо-жно! Недаром же ты, как тень от тучки, исчезаешь к утру без единого следа!... Не даром! А попалась бы ты мне с утра , когда голова раскалывается и все тело ломает так, словно я наркоман и нахожусь в ломке после огромной дозы... Вот тут – то, я вряд –ли говорил бы с тобой также ласково, как сейчас!

Ты попрежнему, молчишь? Может быть тебе совестно? Хотя глупости я говорю, как у самой совести может отсутствовать совесть! Чистая совесть -это как голая правда! Я прав? Спасибо за кивок головы. Слава богу, хотя бы тут ты меня поддержала ! Ну, а теперь давай решим обоюдно один очень щепетильный, но совершенно естественно вытекающий из всего мною сказанного вопрос: -здесь, в этом заколдованном месте, для того , чтобы по утру я не терзал себя за ночные воспоминания прошлых неблагоприятных подвигов , могу ли я переспать с тобой, с моей материализованной совестью?!

Она молчала. Я попытался прочесть ответ в её глазах, но они, по-прежнему, были бездонны и безответны...

Ну, что ж, молчи... Молчание – это ведь тоже знак согласия... Тем более, что ты не говоришь мне – нет! Хотя ты могла бы легко это сделать простым кивком головы?....

Я бережно взял её на руки и отнес на топчан.

Все дальнейшее - не помню... Я начисто забыл, как прошла эта ночь. Проснулся поздно, солнышко уже давно поднялось из –за гребней гор и щедро заливало комнату теплыми лучами. На столе стоял незамысловатый завтрак - скромный, но заботливый дар хозяйки.

Голова была на удивление ясной, настроение прекрасное. Я быстренько сполоснул ледяной водой лицо и руки и, мгновенно уничтожив хлеб с сыром и стакан парного козьего молока, помчался в горы. День пролетел, как один час. К счастью я никого не встретил по дороге в горы и обратно. По возвращении, не забегая в грязный буфет, перекусил остатками от завтрака, оставленного старухой, предусмотрительно взятыми с собой. Перед домом стоял директор школы. Он явно дожидался меня. Как ни странно, но только теперь я ясно разглядел его лицо. В нем представительствовали зубы, не получая никакой поддержки от усталых, но настороженных глаз. Мы поздоровались, и он предложил мне зайти на несколько минут в буфет для короткого, но, как он сказал, очень полезного для моего здоровья разговора. Тональность, прозвучавшая в его голосе, мне не понравилась, и я ответил, что чувствую себя превосходно и готов выслушать его прямо здесь.

--Хорошо. Пусть будет по – вашему.- Жестко ответил он и, как бы невзначай, распахнул полу своего длинного модного французского покроя пальто. Через плечо проходила кожаная портупея с деревянным кабуrom маузера на поясе. Я прекрасно помнил это оружие, так как у моего деда на стене висел точно такой же, именной, от самого знаменитого командарма Гражданской войны, -Михаила Фрунзе.

--Увидел, но не очень понимаю , какое отношение этот медикамент имеет к моему драгоценному здоровью?- Голосом не слишком твердым поинтересовался я.- Прямое. - Тем же тоном ответил директор.

--Мне кажется, вы собрались покинуть наш поселок, и я был очень огорчен вашим необдуманном возвращением.

--Простите за любопытство, но почему?

--Здесь,- я не отвечаю на вопросы. Здесь,- я их задаю.

--Мило. Однако, может быть, на этот раз лично для меня вы сделаете исключение? Ведь мы с вами так откровенно и так замечательно побеседовали на днях в буфете за несколькими стаканами прекрасного местного вина. В тот раз вы произвели на меня такое приятное, неизгладимое впечатление, что поверьте, я буду невероятно огорчен и расстроен, если мне на этот раз придется разочароваться в уникальной вашей личности. Поверьте на слово, что это так .

Директор застегнул пальто на все пуговицы, достал сигарету и закурил. Мне показалось, что мой ответ ему понравился. Он глубоко затянулся и с мастерством профессионального фокусника выпустил дым несколькими красивыми колечками, насадив их затем на тонкий дымовой шампур.

Насладившись произведенным эффектом он проделал этот трюк еще раз и обратился ко мне уже несколько мягче.

--Я не ради эффекта мыльного пузыря продемонстрировал вам этот простенький эстрадный номер. Дело в том , что я стреляю из моего маузера также ловко и метко. Вы приехали в наш аул незванным гостем. Вы обнаружили в нем некие странности. И мне, как идеологическому руководителю этого поселения не хотелось бы , чтобы слух об этих, назовем их « странностями» вышел за пределы аула. Надеюсь, вы понимаете , что я говорю это не ради красивого словца? И мне не хотелось бы еще раз расстегивать это множество пуговиц на моем пальто. Я ясно выражаюсь?

--Более чем, уважаемый директор.

--Вы можете называть меня проще, скажем,-«мой учитель». Это звучит менее напыщенно, а я терпеть не могу незаслуженной славы.

Я утвердительно кивнул головой.

И далее: вам лучше покинуть нас сегодня. В крайнем случае, через парочку дней, когда будет маршрутный автобус.

Учитель еще раз бросил на меня многозначительный взгляд , и не попрощавшись, вышел на дорогу.

XXX-----

Разговор оставил у меня малоприятные ощущения, однако не очень напугал. Я просто не мог поверить, что за какие –то пустяки он, несомненно достаточно интеллигентный человек, может кого -то застрелить . Тем более, что в поселке есть представитель закона, который естественно защитит меня от этого , очевидно, не совсем адекватного типа. Скорее всего, он слегка «сдвинут на головку». Все это показное подобострастие, которое так усердно демонстрируют жители поселка,- скажем, тот же жирный буфетчик, -ни что иное, как сочувствие к больному земляку. Некий акт уважения к душевнобольному. Как говорится: -«пусть будет так, если тебе от этого легче живется.» Впрочем, такие «полуидиоты» или, скорее, люди с аномальными отклонениями, иной раз завоевывали половину мира... Толпе часто это нравится... Возьмем ту же шизофреническую бесноватость фюрера! Или безумную многоречивость Кастро, которому удалось так уболтать полуголодное, нищее население на редкость жизнерадостного, по сути своей, народа страны , что они не только терпят его диктатуру уже десятки лет, но, похоже, так счастливы, что даже подыхая с голоду готовы из-под крышки гроба кричать ему осанну. А , впрочем, да ну их всех ,... вместе с этим придурочным учителем, ко всем чертям ! Ибо куда приятнее вспомнить о моей девочке... Мне почему – то пришел в голову смешной анекдот. Очевидно,

потому что в поселке, мы с этим придурковатым, пожалуй, были единственными цивилизованными представителями породы хомосапиенсов:- Встречаются как –то где – то на Майорке, два вождя разных племен канибалов. Оба в свое время закончили Кембридж и снова вернулись к полудиким родичам.

--Ну как ты там у себя ?-Спрашивает первый.

--Да все нормально .-Отвечает второй.

Одно плохо, – мои, хоть ты их на кол посади, наотрез отказываются есть евреев! Ну, никак не могу им объяснить, что пархатые тоже люди!

Воспоминания о прошлой ночи постепенно , выпукло и ярко начали всплывать в моей памяти. Она была удивительно нежна со мной. Я обнимал её , ласковые слова просто потоком текли из моих уст. Никогда в жизни, даже в первые счастливые месяцы с Маринкой, я не испытывал такой всепоглощающей нежности к любимой женщине. Это была не земная, не физическая, а скорее, какая –то иная, почти виртуальная любовь. Никогда больше такого любовного единения двух тел, такой неистовой и, в то же время, такой чистой и целомудренной страсти(здесь я просто бессилён подобрать в русском языке подходящее сравнение),я не испытывал. И уверен, что вряд ли мне еще раз удастся испытать нечто подобное в своей жизни.

В памяти всплывали некоторые фразы. В мозгу яркими бликами словно вспыхивали частички разговора с ней в постели. Примитивные слова любви и желания , которые сейчас казались мне до неприличия банальными, нелепыми и чужими....

«Господи! Ты само совершенство! Какая у тебя прелестная ,теплая ,бархатистая кожа. .. Какие удивительно красивые и ухоженные пальчики и дивные ногти. Хорошо, хорошо! Ты только не волнуйся! Я понимаю, -любовь ,- не твоя стихия. Твоя совсем другая... Но ты же все равно женщина... Причем, фантастическая женщина! И уж этого у тебя никто не сможет отнять никогда!

Я расскажу тебе еще одну историю, последнюю жалкую страничку

моей жизни до встречи с тобой. И давай после этого откроем первую страницу нашей с тобой новой истории! Ты согласна?

Она кивнула головой.

Вот это уже лучше. Тогда обними меня крепче! И скажи, почему, когда к человеку приходит любовь, обычные слова приобретают удивительный, совершенно иной, новый смысл: -пальчики, ноготки, кожица, ручки.... Почему, милая? Скажи, почему? И ты не знаешь? А я знаю! Это все происходит потому, что в сердце приходит любовь или страстное желание этой любви... Поняла?»

Она тихо засмеялась, словно звонкий колокольчик.

-----X-----

Да, я прожил мучительный месяц. Меня безумно тянуло к Сольвейг, но я мужественно держался. Не знаю, на сколько еще хватило бы меня, но как –то утром раздался её звонок. Кровь, обильно снабженная адреналином, ударила в голову. И удар был настолько силен, что я даже не расслышал её первых слов и не поздоровался. Я впитывал в себя звуки её мелодичного голоса, даже не пытаюсь понять смысла того, о чем она говорила. Мне было достаточно звуков этого безумно желанного тембра. Она мягко и достаточно фальшиво пожурела меня за невнимание к ней. Сказала, что невероятно соскучилась. Что только теперь поняла, как я ей необходим! Что больше никогда не позволит себе так безобразно разговаривать со мной! И так далее....И все в том же духе... Я не буду дальше цитировать этот телефонный разговор, а попробую воспроизвести его близко к тексту во время встречи с ней.

--Ты давно меня ждешь? Ради бога прости, дорогая, но неполадки с транспортом....

Она прижалась ко мне, спрятала голову на моей груди и дрожащими руками начала молча расстегивать пуговицы пальто. Я отнял её голову и как безумный, стал целовать мокрые от слез глаза, волосы, щеки, шею, губы... Мне до судорог в ногах хотелось тут же схватить её, бросить на такую знакомую, ставшую почти родной, огромную, многоспальную кровать, подаренную мною ей и моему другу в день их свадьбы, и заниматься любовью до бесконечности! Пока хватит сил! Но она мягко взяла меня за руку, посадила напротив себя и сладким, сулящим невероятное блаженство голосом почти пропела:

--Не спеши, милый! Не торопи меня! Все будет так, как мы этого оба хотим... За эти бесконечные дни, **часы и минуты** разлуки я так отвыкла от тебя... У меня просто кружится голова от счастья... Поверь, что пока я еще не совсем владею собой... Я еще, где – то там... Далеко... В наших прежних днях любви и близости... Я еще, не могу до конца осознать, что ты снова рядом... Что я снова с тобой... Господи, если бы ты только знал, как я боялась, что ты тогда... обиделся на меня... Молчи! Молчи! Теперь это все позади! Теперь снова есть только я и только ты! Ты и я, больше никого на всем белом свете... Правда же?!...

Она встала на колени и спрятала головку в моих. Жаркая, сладкая истома обволокла меня. Где – то глубоко, глубоко в подсознании я почти понимал, что она разыгрывает спектакль, в котором главная роль безусловно принадлежит ей, и что она блистательно справляется с нею! Блистательно! Эти дрожащие руки и губы! Эти натуральные, слезы, обильно струящиеся по щекам! Эта страстно вздымающаяся, соблазнительнейшая грудь! Безумные от счастья глаза! Великая Комиссаржевская могла бы брать у Сольвейг уроки актерского мастерства. Но все это, как я уже сказал, лишь слабо шевелилось, где – то там в моей подкорке, а реально яркая, пусть даже и показная любовь была гаечным ключом по голове, сердцу, гениталиям... И

сопротивляться этому сладостному напору, я не хотел, да и просто не мог.

--Ты, правда?... Ты и в самом деле ... так соскучилась... по мне?....

-- Конечно, правда?! Конечно, в самом деле!? Конечно, безумно соскучилась!? А ты-просто, отвратительный, бездушный негодяй! Отъявленный негодяй! Исчезнуть! И так надолго! Так бесконечно надолго! Бросить на произвол судьбы бесконечно любящую тебя женщину!

Она начала страстно целовать меня, при этом ласково и достаточно сильно отталкивая от себя. Подавляя все мои попытки овладеть ею до того момента, когда она решит позволить это сама.

Да я чуть с ума не сошла! Я не могла найти себе места! Я металась, как разъяренная тигрица в клетке! Боже мой! Бедный мой Виктор! Как мне было жалко его! Он же, как ни говори, но еще мой законный муж! Он имеет законные права на исполнение мною супружеского долга! Нет!.... Только он один мог выдержать такое! Только один! Терпеть мои бабские прихоти всё это время?!... Ты же знаешь, как он любит меня! Как он просто теряет разум, просто только видя мое тело!...Господи! Он святой! Ну, просто святой! А я сука! Сука и стерва! Да! Да! Именно так! Как он жаждет близости со мной! Ведь для него не существует ни одной женщины в мире, кроме меня, моего тела, моих глаз, губ и всего остального. Но, клянусь тебе моей любовью к тебе, - я ни разу, ни разу не позволила ему даже пальцем коснуться меня в постели! Ни единого разочка! Я просто не могла себе этого позволить! Ты не поверишь! Не – мо – гла! И все тут! Я смотрела на него и видела тебя! Твои плечи! Твой сильный, мускулистый торс, с его такими милыми, такими желанными и родными курчавыми завитками волосиков на нем! С этой милой родинкой у пупка... **Твои крепкие, по-настоящему мужские ноги с едва заметной сексуальной кривизной, так крепко сжимающие мои бедра во время любви!** Твои глаза,

губы, твои , только твои, ласковые руки, сжимающие до сладкой боли мои нежные и так любимые тобой , грудки!

Ты бы видел его мучения! Ты бы видел! Да! Он действительно святой! Настоящий святой! Натуральный! Я уверена, что если бы все ученики Христа, все эти святые апостолы так же были преданы своему Учителю, как он мне,- Иисус никогда бы не был распят! Никогда! Я не перестаю удивляться, и как только у него не лопнули эти...штуки... Честно говоря, я боялась...

Я так рада, что ты пришел! Прилетел, примчался , как ангел на крыльях! Откликнулся на зов своей, обезумевшей от горя **и безумного желания видеть тебя** , несчастной подружки!...

Она снова как сумасшедшая начала целовать меня. Я же попытался представить себе только что расхваленные ею мои мужские прелести. И, откровенно говоря, эти воспоминания вызвали чувство легкого недоумения . Ибо то, что я видел, бросив иной раз рассеянный взгляд на себя в зеркало бани, уж очень, очень отдаленно могло напоминать тела таких греческих героев, как Геракл или Тесей! Я уже не говорю о модном в то время Тарзане! Уж очень сомнительно , чтобы обезьянья шерсть на малоразвитой груди городского клерка, **раз в году катающегося на горных лыжах, дабы вспомнить былую лихость спортивной молодости,** могла бы привести в восхищение избалованную мужским вниманием пышнотелую красавицу. Но, что бы она ни говорила, как бы, бесстыдно ни лгала мне в глаза, я был целиком во власти желания и любую сказанную ею ложь готов был с радостью принимать за чистую монету.

--Ты знаешь, что я не мог не прийти! Я, конечно... тогда...после нашей размолки быстро остыл и , честно говоря, тоже мучился эти бесконечные дни без тебя! И, конечно , бросился бы к тебе не разбирая дороги , если бы раньше позвала. Я до сих пор не понимаю , что послужило причиной того ужасного разговора. Не понимаю, но сегодня даже не хочу об этом вспоминать. Я не буду говорить тебе о моих чувствах, ты знаешь о них не хуже меня, и за это я тебе бесконечно благодарен.

--Да , милый! Мы просто самой судьбой созданы друг для друга и нам никогда, никогда не нужно расставаться! Ты согласен со мной?

--Да, да, любимая ! Тысячу раз -да, да!

--Дай закурить, что-то закружилась голова.

Она жадно затянулась, блаженно, медленно выпустила дым из ноздрей и откинула голову на подголовник кресла.

А теперь расскажи, кого ты любил в это время? Но учти, я найду соперницу и задую или отравлю эту стерву! Эту разлучницу! Эту...

--А что, агентурная разведка уже донесла? -Рассмеялся я.

--А как же!

--Это все было несерьезно, любовь моя. Попытался забыть тебя. Да , к тому же, был в запале.... Ты думаешь я забыл твою фразу о Казанове?...Нет уж! Я буду помнить её еще долго. Да ,да!,, Я, конечно, далеко не Лука, герой поэмы Баркова, но, поверь, до тебя еще никто не жаловался на...

--Помнить до гробовой доски?....

--Ну, может быть , чуть меньше...

--Я думала- ты настоящий мужик, а ты ,оказывается, глупый и вздорный мальчишка. Ты помнишь, был такой детский анекдот: когда в детском саду мальчик и девочка поспорили - кто из них лучше. И, исчерпав все аргументы, мальчик в сердцах привел последний, неоспоримый :-«А зато, ты на стенку писать не умеешь!»

Да разве можно принимать всерьез слова женщины, сказанные под руку? Я где – то прочла , что красивая женщина умирает дважды в своей жизни, Так вот я, милый, накануне первой возрастной женской смерти!... Да, да, молчи! На-ка-ну-не! И поэтому, только по одному этому -мне должно многое прощать!

Она опять ткнулась мне в колени и начала громко, искренне, заливаясь потоками слез, совсем по- девчоночьи рыдать.

--Сольвейг, любимая , что за глупости ты говоришь?!

Ты красавица! Ты в самом расцвете женской... женской... женского очарования! И сохранишься в этом возрасте еще много, много лет! Такие женщины как ты вообще не знают слова старость и увядание. Они умирают красавицами! Поверь мне ! Какая там первая смерть? Успокойся , богиня моя! Дай я выпью твои слезинки! Скажи мне ,почему , когда человек теряет голову от любви, простые человеческие слова обретают совершенно иной смысл: глаза, руки, губы, волосы, слезы...

Я вынул платок и попытался вытереть её слезы. Она резко оттолкнула мою руку и с упреком, раздраженно, мне даже показалось, зло, взглянула на меня.

--Ты с ума сошел! Ты размажешь мне ресницы!...

Она тяжело вздохнула и откинулась в кресле. Слезы опять потекли по щекам, она взяла мой платок и начала аккуратно смахивать их со щек и подбородка. Я уже не пытался ей помочь и с грустью смотрел на это прекрасное заплаканное лицо.

--Что опять? Что-нибудь случилось?

Она утвердительно кивнула, и слезы вновь брызнули из глаз.

С тобой?

Она отрицательно махнула головой.

А с кем? С Виктором?

--Да, сквозь рыдания выдавила она.

--Что ? Он серьезно болен?

--К счастью ,нет.

--Не понимаю? Тогда, что же? Я ведь его недавно видел?

--Нет, нет! Ты все неправильно понял. Он, слава Богу , здоров и у него все в полном порядке. Но я не могу.... Понимаешь....Немогу!... Я больше не могу встречаться с с тобой , пока он здесь!... Не могу и все тут!... У меня начались сердечные приступы и врачи сказали , что это на почве нервного срыва. Три дня назад я получила результаты глубоких обследований и результаты крайне неутешительные. Крайне! Боюсь, что ты скоро можешь меня потерять , любимый.... Очень скоро....

И опять последовал слезный взрыв. На этот раз и истерикой. Я сидел как пришибленный, не зная что делать....

--У меня к тебе, мой родной, только одна просьба: похорони меня рядом с могилой моей мамочки и постарайся, чтобы похороны были красивыми. И пусть будет много белых роз... Море белых роз....Ты же знаешь, как я любила этот цвет.... Боже! ... Как я его любила....

--Постой! Постой, любимая! Не надо хоронить себя раньше времени. Давай –ка лучше подумаем вместе, как успокоить твои издерганные нервы! Я прекрасно понимаю, что в этом есть немалая доля и моей вины! Понимаю и готов сделать все, что ты скажешь! Все что в моих силах, чтобы помочь тебе!

Сольвейг склонила голову на мое плечо и чуть слышно прошептала:

--Мне кажется, что он догадывается.... Нет, нет, он не подозревает, что это именно ты.... Но-о... о чем – то догадывается...

Острая колика свела мне низ живота. Нет, я понимал, что как веревочке ни виться....Но как -то всегда пытался отодвинуть эту очень неудобную мысль подальше от себя.... И вот сейчас это, кажется, случилось...

--Ну и что же нам теперь делать? У тебя есть какие -нибудь мысли по этому поводу?

--У твоей любимой девочки, мой золотой, есть не только хорошенькое личико, но и неплохие мозги в черепной коробке. Третий в хорошем романе всегда лишний и его надо изъять! Надеюсь, ты согласен со мной. Пока он здесь, рядом, у нас с тобой нет и не может быть счастья. Когда мы с тобой умираем от любви и страсти в постели, я не могу избавиться от мысли, что он сидит в шкафу напротив и подглядывает за нами в щёлку дверцы! Мне все время чудится звонок в дверь! И этот постоянный страх. Этот навязчивый ужас преследует меня всегда, когда я нахожусь в твоих объятьях! Поверь,- ты даже не представляешь себе, какой великолепной любовницей я могу

быть в постели, если отбросить эти гадкие комплексы! Ты не представляешь себе, сколько страстных эмоций ты и я теряем из-за этого! Нет! Нет! Я знаю только одно: пока он здесь, у нас нет и не может быть, счастья!

--Что же делать? Что?! Может быть нам уехать отсюда? Расскажем ему и моей все честно и уедем. **Я готов продумать этот вопрос** и попросить руководство перевести меня в той же должности, ну, скажем, куда-нибудь на Урал или в Сибирь, там у нас есть большие объекты! Разве важно- где жить? Ведь главное- это наша любовь!

--О чем ты говоришь, мой любимый малыш? Мой дорогой, наивный мальчик! Да через пять-шесть лет, когда я стану беспомощной дряблой старухой, ты бросишь меня в той глуши! Молчи! Да. Да! Еще как бросишь! Я же старше тебя на столько лет!... Молчи!

Она прикрыла мне рот ладошкой и продолжила: С Виктором я устроена, да, да, именно устроена надолго. Если, конечно, мы оба будем живы и здоровы.

Она, опять, всхлипнула и прижала платок к глазам. И потом я просто не могу уехать из этого города. Я уже целиком выросла в него. У меня здесь все! Квартира, мебель, друзья и предательницы-подруги. Нет, нет, об отъезде не может быть и речи. **ВОТ ЕСЛИ БЫ ОН УЕХАЛ!** На время! Ненадолго! Годика на два,- три...четыре! Понимаешь?

Она жалобно посмотрела на меня. И в её прекрасных глазах было столько грусти. Столько невысказанной любви ко мне. Столько желания... Что мое несчастное, переполненное чувственностью сердце, сжалось в комок от жалости к нам обоим, и я дрогнул....

--Хорошо. Я все понял. Но, что ты предлагаешь конкретно?

--Вы же отправляете специалистов за границу... Ну пусть не в дальнее зарубежье, пусть в братские страны... Он же еще молод и вполне годится для таких командировок.... Ты понимаешь меня?...

Легкий холодок пробежал по моей спине и, как ни странно, подавил или унес с собой былое желание... Мне даже показалось, что вообще все чувства к ней, только что переполнявшие меня сразу погасли. Я встал, сделал пару больших глотков из стакана, который принес чтобы успокоить её и, почему –то подчеркнуто громко произнес:

-- Понимаю, ох как хорошо я теперь тебя понимаю.... Значит, ты хочешь, чтобы это сделал я. Его друг! И сделал это из-за угла, не спрашивая его согласия?...Красиво... Красиво ты все это придумала...

Она вытерла слезы и очень спокойно, холодно, с легким сарказмом четко припечатала меня к стене:

--Если не ошибаюсь, ты и раньше, милый, не во всех случаях спрашивал его согласия....

Скажи почему когда человек теряет разум, обычные человеческие понятия теряют свой привычный смысл: честность, верность, порядочность, совесть...

XXX-----

Я прекрасно спал в эту ночь. Пожалуй, первый раз так крепко, сладко и спокойно. Меня не мучили неприятные сновидения. Утром я встал с чистой головой в великолепном настроении. Комната, была пуста, стол чист, куртка висела на спинке стула. Значит моя ушла так же тихо, как и всегда. Интересно только куда? Что ж, наверное, ей так надо....Выходит, утром и днем она здесь оставаться не может. Скорее всего, это проделки ночной правительницы земного мира- луны. Её удивительного могучего, и так мало изученного человечеством тяготения... Моя, наверное, относится к категории лунатиков...Ах, если бы она могла говорить... Интересно, а как живут глухонемые? Это ведь так скучно,- жить молча.... Как много для человека, а для женщины особенно, значит голос, его тембр, музыка речи. Сколько я видел красоток-провинциалок. Внешне -безукоризненна! Мордашка, ноги от ушей, невероятно

аппетитно колышущийся великолепный бюст, прелестные тонкие и нежные пальчики на ручках и ножках, горящие глазенки! Королева Шантеклера! А откроет свой очаровательный ротик, заокает, загухает... Всё! И уже ничего не надо... Иди, девушка.... Гуляй, милая!

Так что может и хорошо, что моя молчит! Может быть, это прекрасно! Перст судьбы! А не исключено, что глухие счастливее нас. Они не слышат этой бесконечной, так часто глупой или просто безобразной нецензурной трескотни и брани! Того огромного и слишком частого набора глупой жвачки, который мы называем информацией, а берут от мира только то, что выбирают глаза!... Орган, как ни говори, замечательно более совершенный, дающий намного больше стоящей информации, чем ухо. К тому же, глаза можно в любой момент мгновенно закрыть или отвести в сторону...

На кухне послышался звон укладываемой на стол вымытой посуды. Я крикнул старухе, чтобы поставила чай.

Нет, в слухе также есть свои несомненные достоинства. Не будь ушей, мне пришлось бы сейчас встать, чтобы поставить чайник самому. А, в общем то, я может быть, зря на мою хозяйку так ополчился? В принципе, она не такая уж и плохая старушенция. И её можно понять. Проживи всю жизнь в этой яме между горами, с волками, с соседями вроде ворюги буфетчика, - свихнешься.... Нет, напрасно я на неё несусь... Зря!. Странноватая, конечно, бабка, но не всем же быть идеальными гражданами своей Великой Державы, у кого –то могут быть и отклонения от общепринятых норм. У диссидентов, к примеру.... как считают вожди этой державы. В этом отношении, то есть со странностями периферийных старух - им то, сердечным, вроде как и страной править полегче....

Я так и не понял, рассказал я ей сегодня ночью историю с Сольвейг или нет?...Руки её помню... Ах какие ласковые руки... Какие руки...Теплоту кожи... Губы помню...А дальше все... Провал в памяти... Ну, да и бог с ним! Зато к утру -человек!

Бодренький, выпавшийся, головка ясная, как хрустальный шарик! Хватай лыжи и чеши в горы! Дверь скрипнула, и вошла старуха с чайником и чашкой.

--Штаны бы натянул. Утро уже.

--Что-то ты, маманя, красавица моя писаная, сегодня не в настроении! Брось грустить! Жизнь прекрасна, хоть порой и удивительна! Погляди в окошко, -какое солнышко радостное из-за горы выползло! Солнце, горы! Красота неопишуемая! Радуйся жизни и солнышку, мать, пока Бог жизнь да хороших постояльцев тебе дарит! Ты знаешь, что это такое полетать на крутых склонах часочков пять, шесть по такой погоде?! Чудо! Мать! Чудо!

--Гляжу, развеселился ты больно. Не плакать бы к вечеру.

--А ты не пугай меня, мать. Меня тут, давеча, ваш учитель пугать пытался. Грозился убить даже. Только вот я не очень понял, чем это я перед ним провинился. Он не болен на головку, случаем? Что – то уж больно похоже? Не замечала?

--Не замечала... Большой начальник он тут у нас. Большой. Его уж лучше слушать надо, а не воевать с ним. Эх, люди вы люди... Одно слово,—чудо... Чудо и есть...

--Постой мать, не уходи так сразу. Ты сегодня её приведешь?

--Я ей не поводырь. У неё свое мышление есть.

--Прости, может я не так выразился... Ну.... В общем.... Посодействуешь? Ты знаешь, я сегодня ночью рассказал ей последнюю историю, которая могла тяжким грузом лежать на моей совести. Самую последнюю из тех, что я смог здесь вспомнить. Ты поверь мне, мать, я не такой уж и плохой человек! Все неблагоприятные поступки, совершенные мною в жизни, не криминальны. Подобные, ну, конечно, в различных вариантах, случались, и не в меньших количествах, в жизни множества других, совершенно обычных людей!.... И они с ними прекрасно живут! И после смерти, наверняка, не попадают на сковороды чертей. И только в этом месте, только в этой твоей чертовой яме происходит такая чистка человеческих душ!

Только в одном месте на всей земле. Ты согласна со мной, мать?!

--Не моя это яма. Да и не сын ты мне. И я тебе не мать. И никакой бесовской помощи от меня тебе нет!

--Почему нет? Почему!?

Старуха перекрестилась на тусклый, практически до основания выцветший образок в красном углу берлоги и презрительно бросила мне, выходя из комнаты:

--Нелюди вы, все! Одно слово,- нелюди!.

--Нелюди, нелюди . - Передразнил я её . И выпив чашку пустого чая вышел с лыжами из дома. Погода была прекрасная. Яркое мартовское солнце серебрило скрипящий под лыжами снег. Маковка храма со сломанным крестом отбрасывала длинную тень.

--Интересно, как выглядят храмовые фрески святых солнечным днем?—Подумал я и , сняв лыжи, вошел внутрь. Вначале я ничего не увидел. После яркого света глаза сравнительно долго привыкали к свету чуть тлеющего фитилька масляной лампадки, висевшей напротив фрески Христа. К сожалению , именно она сохранилась хуже всех остальных образов, и от лика Спасителя остались нетронутыми временем одни глаза, да и те при столь скудном освещении были почти не видны. Я открыл входную дверь и ветхие ставни, закрывающие не застекленную глазницу небольшого окна. Два остальных были снаружи забиты фанерой и досками. Еще не успевшее подняться высоко утреннее солнце находилось как раз напротив двери и ворвавшиеся сквозь свободный проем яркие лучи, совершенно преобразили внутренность святилища. Я подошел к фреске Христа и буквально вперился в зрачки глаз Мессии. Хорошо сохранившиеся глаза на фоне почти исчезнувшего лика, выглядели, более чем странно. Не выскоблил же кто –то остальные части лица Сына Божьего? Позволить себе подобное святотатство мог либо истовый безбожник или фанатик другого вероисповедания , либо человек с явно ущербной психикой. И

это тем более непонятно, ибо лица остальных апостолов сохранились достаточно хорошо. Легкий сквознячок заколыхал огонек лампадки. Он несколько раз качнулся и погас.

Спичек в кармане не оказалось, очевидно, я забыл их на полке у очага. Я подумал, что в конце дня надо будет еще раз зайти в храм и снова засветить лампадку. Я повернул голову к лику и вдруг совершенно явственно увидел в его зрачках, неожиданно ставших огромными, стоящую на снегу у дверей храма мою Нагую!... Я невольно обернулся, но за дверью никого не было.... Я вновь подошел к фреске. Однако на сей раз зрачки были пусты и, что меня поразило, - фитилек лампадки снова горел, испуская тонкую струйку легкого черного дымка. Я закрыл ставни окна и вышел из храма, плотно прикрыв дверь. На снегу были ясно видны следы от небольших голых ступней, идущих от двери в сторону гор. Однако.... Следов с гор к храму... не было...

Я надел лыжи и пошел по следу. Они поднялись довольно высоко. Становились все менее и менее четкими и, в конце концов, исчезли совсем, словно растворились в пушистом снегу.... Желание кататься почему-то пропало, хотя пропустить такую погоду было если не грешно, то уж точно глупо... Я зашел в буфет. Молча, не прислушиваясь, и не отвечая на пустую болтовню толстяка-хозяина, выпил, не закусывая, несколько стаканов разбавленной не менее, чем обычно, его самопальной кислятины, отказавшись от вонючего козьего сыра, и мало аппетитной на вид, сладкой виноградной чхурчхелы. Расплатился сполна и завалился в своей берлоге, не растапливая очага. В этот и следующий вечер она не появилась. Ходики не возбуждались сумасшедшим стуком. Выстрелов тоже не было слышно. Настроение было хуже некогда. Старуха приносила и уносила обратно так и не тронутую мною еду. Дважды я посылал её за кислятиной к буфетчику и, она, к моему удивлению, её безропотно приносила. Утром четвертого дня, проходя в туалет мимо зеркала, я бросил взгляд на свое

лицо и ужаснулся. На меня глядело лицо пожилого покойника-бомжа «трехнедельной свежести», только что откопанного из могилы для эксгумации. Сантиметровая неухоженная полуседеющая щетина, глубоко запавшие, пустые, мутные глаза на лице цвета увядшего салата, провалившийся рот с запекшимися губами как у беззубого старого алкаша и безобразно всклокоченная шевелюра давно немых, сальных, свалявшихся волос. Это счастье, что она не пришла и не застала меня в таком виде... В этом случае, и это уж точно, эта встреча была бы нашим последним свиданием.

--Старуха! Иди сюда, старая карга!

Дверь скрипнула, и хозяйка встала у притолоки, скрестив руки на груди.

--Чего разорался, пьяница? За вином более не пойду. Ты на себя – то в зеркало погляди! Того и гляди помрешь, не дай тебе Бог! Мне еще только покойника в дому не хватало! Да и собака ночью выла как по мертвяку. Я даже поглядеть заходила, -не отдал ли черту душу на сковороду.

--Любишь ты меня, мать, вижу... Сильно любишь. Того и гляди задушишь или крысиной отравы в суп насыплешь.

--Вот, вот! Я тебе только что толковала, как мне мертвяк в дому сейчас нужен. У меня и денег не будет столько, чтобы тебя в гробу схоронить как человека. Пришлось бы в мешок, да в яму сидя опускать и закапывать. У нас в поселке так одного еврея его семья хоронила. Обычай у них такой есть. Хороший обычай, нехлопотно и недорого. Умные люди, по всему видать, эти евреи. Бережливые. Далекое за морем, слышала, живут. Вот только нашего Христа они зря на кресте распяли. Зазря. Тут у их большая промашка получилась. А так – то, видать, люди неглупые. А, между прочим, с профиля лица они на наших горцев похожи.

--Мать, будь человеком, приведи её!... Слышишь? Приведи! На коленях прошу, приведи! Нет у меня больше этих историй, понимаешь, нет! Нет, и все! Я исповедался перед ней

полностью! Как перед Богом! Все что осталось -мелочи. Мелочи , которые смешно и бесполезно вспоминать!...Четвертый день её нет! Четвертый! Может, она обиделась за мою вольность?...А? Может обиделась?..Скажи , мать?.

--Перед Богом исповедуются, а не перед глупыми старухами. Бога и проси о милости . А я пошла. У меня еще коза не доена, слышишь, кричит из сарая, да собака не кормлена.

-- Не уходи, мать ! Умоляю тебя , не уходи!

--Не мать я тебе, а карга! Сам ведь так меня звал.

--Прости негодяя! Это я так, в сердцах, сгоряча!

--Уходи. Хватит тебе. Уходи пока силы еще есть. У тебя еще много всего будет впереди. Вот себе и копи. А как наберешься добра- опять приходи. Дорогу –то , поди, уже знаешь. А ежели я к тому времени помру, к соседке попросишься. Она в соседнем дому живет . Молодка она еще . Ей много еще годков Боженька на этом свете отпустит . Эта и в койке, и в молоке не откажет. В ей душа чистенькая сидит.

--Ну,мать , ты даешь! Что значит -хватит тебе? Катись, мол! Больше с тебя ничего не возьмешь!

Так выходит!?! Нет уж , девушки! Простите! Не выйдет! Может быть с другими выходило, но тут не на того напали! Тут этот ваш коронный номер не пройдет!

Комок дикой, необузданной , неконтролируемой разумом злобы подкатил к горлу и мешал дышать. Я ненавидал всех и всё! Старуху, Нагую, Директора и буфетчика! Я готов был застрелить, заколоть, задушить, разорвать на части руками и зубами всех их вместе и каждого в отдельности! Бабка почувствовала это и ,что –то бормоча под нос ,быстренько ретировалась из комнаты. В кухне раздался звон упавшей посуды и громкое бормотание старухи:

--Нет в тебе удержу! Ну, ослобонился себе и хорошо. И хорошо...

И иди себе домой чистым... Дак, нет же тебе.... Нет, в тебе удержу.... Совсем нет....

Все что произошло дальше, вспоминается как в тумане....Я поднялся. Надел куртку и рукавицы. Намотал на руку вынутый из брюк ремень с тяжелой медной бляхой, подарком Сольвейг. Вышел во двор и, визжа как резанный поросенок от дикой жалости к ни в чем не повинному животному и отвращения к самому себе, от безобразной, ничем не оправданной мерзости поступка, начал жестоко избивать старую, беззубую собаку старухи! Слезы градом катились из моих и из собачьих глаз. Немощная, чуть живая она даже не могла громко лаять. Короткая тяжелая цепь не давала ей возможности убежать. Жалостливо воя, она, вздрагивая от каждого удара, беспомощно лежа на снегу у будки, не в силах ни вползти в неё, или просто увернуться от ударов! Наши вопли слились в единую дикую какофонию. Такого ужаса, и в то же время, какого – то странного, схожего с оргазмом удовлетворения, я в своей жизни не испытывал никогда!... Я отбросил ремень сел на снег, крепко прижал к себе дрожащую от боли и пережитого унижения стонущую собаку, и наши слезы слились воедино. Старуха молча стояла на крыльце, безропотно наблюдая эту чудовищную по своей гнусности сцену. Ни один мускул не дрогнул на её лице. Она вышла во двор, подняла валяющийся в грязной талой луже отброшенный мною ремень, обтерла его подолом фартука и повесила на перила. Затем подошла к будке ,взяла из моих рук цепь и отцепила её от собачьего ошейника. Я воровато повернул голову и стыдливо взглянул на неё. В её глазах я не увидел ни ненависти, ни брезгливости, ни укора. Это были незрячие глаза, повернутые зрачками внутрь... Я в ужасе поднялся и, покачиваясь словно сомнабула , медленно поплелся в дом. Старуха не поворачивая ко мне головы, негромко и , как мне показалось , с жалостью пробурчала:

--Нелюди....Одно только слово и есть, - нелюди....

--Бабка,... Прости меня.... Я сам не знаю как это случилось...

Клянись тебе!- Крикнул я ей вслед.

--Бог простит, если захочет.—Буркнула она.

Я зашел в комнату, встал на колени перед блеклой иконкой в углу и начал неумело, но истово молиться, причем обращаясь с покаянием не к Богу, а к несчастной собаке:

--Прости меня, бедная псина! Прости! Мне ужасно стыдно! Я понимаю это и знаю, что за подобный грех мне нет, да и не может быть прощения! Завтра же я куплю тебе мяса! Гору мяса...Поверь мне....

Что – то щелкнуло в моей голове. Мне показалось, что в небе сверкнула молния. Я упал на пол и сутки провел в забытьи, находясь в какой –то странной коме...

XXX-----

Я не спал уже третью ночь. Первые два дня я чувствовал себя относительно прилично. Правда, поднимался в горы невысоко и дважды на спокойном спуске достаточно чувствительно приложился к жесткому снежному насту, покрытому хрустящей корочкой подтаявшему днем на раннем весеннем солнышке и замерзающего до крепости стекла еще достаточно морозными ночами. Ничтожные по глубине и размерам царапины, тем не менее, препротивно саднили и кровоточили, и мне пришлось зайти в забегаловку и попросить буфетчика дать кусок тряпки, чтобы как-то замотать их. Тряпки были даже не третьей свежести и пришлось смочить их в крепкой, сильно отдающей прогорклой сивухой чаче. Взять деньги за услугу грязный толстяк наотрез отказался, пришлось распить с ним бутылку кислого слегка забродившего вина и выслушать парочку животрепещущих эпизодов из его замечательной, насыщенной удивительными событиями, приключениями и подвигами жизни. Он оказался добропорядочным мужем пяти жен, подарившим ему тринадцать детей. Правда, всех подруг ему

пришлось выгнать вместе с их отпрысками из своего дома обратно к родителям, так как вся эта великолепная чертова дюжина оказалась женского рода. Пузатому герою нужен был наследник, - « которому перед своей возможной кончиной он мог бы с законной гордостью завещать свою фамилию и передать в надежные руки дело всей своей трудовой жизни ». Это « замечательное », засранное донельзя , пропахшее дешевым табаком, сивухой и , плохо смытой застарелой блевотиной, заведение. **Произнеся** эту полную гордого пафоса фразу, хозяин медленно с большим достоинством обвел орлиным взглядом облупившиеся закопченные стены, липкие, некогда покрытые, очевидно, голубым , а ныне серым от грязи, потрескавшимся пластиком столы, и налил мне в **плохо вымытый, липкий столовский граненый стакан** , очередную порцию недобродившей домашней кислятины. Я встал, выхлебал презентованную « халявную » гадость, пожал его мягкую, словно ватную , бабью руку и, надев лыжи, поплелся в гору. Кататься не хотелось. Подташнивало. Во рту словно кошки нагадили. Возвращаться в холодную комнату с убогой лежанкой тоже не хотелось. Настроение, - хоть садись в сугроб и вой волком. Мимо прошел старик в драном, заплатанном ватном халате, с торчащими ключьями ваты из плохо зашитых дыр. За ним на короткой веревке понуро плелся такой же древний ослик с двумя вязанками хвороста по бокам. Я , зачем – то , сам не понимая зачем , негромко окликнул его. К счастью, старикан, видать был сильно туг на уши и даже не оглянулся. Начинало смеркаться. Приуставшее за достаточно длинный рабочий день остывающее солнце подыскивало подходящий горный пик, за который тихо, по- английски можно было бы покинуть прошедший светлый день, отдав землю быстро вступающим в свои права детям ночи - сумеркам. Итак, время решало все за меня , последним прибежищем на сегодняшний вечер все же оставался холодный дом проклятой старухи. Где – то я читал, что человек состоит из семи бесплотных , так называемых

астральных тел и одного твердого – физического. Бесплотные, энергоинформационные тела живут вечно и являются охранной аурой коротко живущего физического тела. После смерти оно, они в течение сорока суток последовательно, одно за другим покидают его и вновь возвращаются в распоряжение своего творца, – огромного космического мозга, который мы называем Богом. Мозг этот, за миллиарды и миллиарды лет образовавшийся в процессе эволюции всего из трех энергочастиц: электронов, протонов и нейтронов, руководит созданным им миром в каждом определенном участке бесконечной вселенной. Если эта гипотеза верна, то таких миров в космосе бесконечное множество, а, соответственно, и таких космических Богов. Из этих же трех главных частиц (ибо в космосе существуют и множество других, но их несоизмеримо меньше и срок жизни их очень короток) состоит и вся остальная вселенная, а также и все живые и неживые организмы и предметы существующие в ней. Из этих же частиц состоят и астральные тела, покидающие умершее и более уже не нужное Богу физическое тело. Однако, это вознесение к Богу – мозгу происходит далеко не во всех случаях. А только тогда, когда накопленная за короткую, в общем – то, жизнь физического тела энергия, состоящая из суммы собранных за прожитый срок знаний, хранимых клетками мозга, позволяет им подняться в космическую высь и передать всю собранную информацию Богу-мозгу. Те же астральные тела, которые за бессмысленно прожитую, примитивную жизнь своего физического тела не получили достаточной энергии для этого подъемного минимума, остаются на земле и скитаются в ее энергетическом пространстве в виде привидений. При этом они отбирают для поддержания своего существования энергию у живых людей и животных. Обычно этот процесс происходит по ночам, когда засыпает наша аура и ослабевает ее контроль над физическим телом или во время сильной болезни, ослабляющей мощь

охранных астральных полей -,космических стражей физического тела человека.

- Чем дальше я находился в этом поселении, чем внимательнее приглядывался к его обитателям, тем больше мне казалось, что почти все они и есть эти, не взлетевшие к Господу, то есть , не добравшие за никчемно прожитую жизнь достаточной энергии жалкие души. Было в них что-то тупое и потустороннее. Интересы и жизненные запросы были до крайности ограничены. Мое появление в поселке ни у кого не вызвало не то что элементарного человеческого, но даже чисто животного любопытства. Они проходили мимо меня без приветственного кивка, словно я был просто тенью случайной тучки, пронесившейся мимо солнца . Только изнывающий от скуки буфетчик жаловал меня бессмысленными беседами и даже одаривал залежалой, а то и просто заплесневелой продукцией своего заведения, и для лучшей проходимости этой гадости в пищевод односельчан, сдабривал ее дарственным стаканчиком кислятины из замусоленного бараньего бурдюка не менее чем столетней давности. И как могло появиться и существовать в этой потусторонней пещерной обители это удивительной кротости чистоты и красоты, ангельское творение? Абсолютное совершенство женственности, которое свело меня с ума-...было просто уму непостижимо?!...

Я взглянул на часы . До полночи еще оставалось пять часов. Пять невыносимых часов ожидания...Невыносимых и, скорее всего, бессмысленных... Я постоял на скрипучем крыльце , вперив тоскливый взгляд в величественные, холодные, снежные вершины гор и бросив кусок черствой лепешки вечно голодной собаке, пошел в дом растапливать камин. Мимоходом в сенях взглянул в осколок мутноватого зеркала с облупившейся от времени , некогда серебряной амальгамой, и слегка вздрогнул. На меня глядел малознакомый мужчина с жухлым,

осунувшимся, заросшим щетиной лицом и глазами затравленного зверя, с иссиня черными синяками и мешками под глазами.

Да, хорош... Ничего не скажешь... Жена, пожалуй, упадет в обморок, когда встретит меня на пороге дома после здорового горнолыжного отдыха... Да и моя немая ночная красавица, наверняка, видела мужиков краше **такого** ублюдка, с лицом вурдалака трехнедельной посмертной выдержки, выбравшегося из могилы для дружеской беседы со своим шефом -графом Дракулой. В комнату бесплотной тенью вошла старуха с зажженной лампой и поставила ее на стол. Язычок пламени едва проглядывал сквозь закопченное стекло, тускло освещая ее неподвижное лицо, сильнее подчеркивая избороздившие его глубокие морщины. Я грубым окриком остановил ее на пороге. --Бабка! Ну не будь ты старой бесчувственной каргой! Ведь у тебя, наверняка, осталось хоть что-то от бывшего, уж если и не материнского, то хотя бы женского сердца! Ну приведи ее! Слышишь? Приведи! Хочешь, я упаду перед тобой на колени и буду стоять хоть до утра! Стоять и умолять тебя, как последний нищий на паперти молит о куске хлеба, без которого он умрет как бездомная собака под забором!? Нет у меня больше этих историй! Ну, нет их, нет! Это ты можешь понять! Я рассказал ей все! Все, что могло бы висеть тяжелым грузом у меня на душе. Поверь, я не подонок, не убийца, не законченный подлец, не сексуальный маньяк и не предатель Родины! Я самый что ни на есть обыкновенный мужик, со всеми присущими этому полу слабостями и некоторыми сильными сторонами. Ты же видела сама, у меня даже не хватило силы воли на предательство жены ради первой, очень глубокой любви. И я предал это чувство и эту прекрасную женщину, спасовав в последнюю минуту. Ты просто плохо знакома с психикой мужиков. Поверь мне на слово, что подавляющее большинство из них в подобных ситуациях ведут себя так же, как это сделал я! Может быть сегодня, по прошествии стольких лет я попробовал бы все это

переиначить, но ты – то не хуже меня знаешь, что нельзя дважды войти в одну и ту же быстротекущую воду.... Я рассказал ей все без утайки. Так честно и полно, как я бы исповедался самому Римскому Папе. Все что осталось – мелочи. Жалкие мелочи, о которых даже не очень стыдно вспоминать. Ты веришь мне?

Старуха молчала. Её лицо казалось, было вырублено из серого камня..

Из нее вышла бы мировая натурщица....

Почему - то подумал я. Она достала из под фартука серую тряпку , громко высморкалась в нее и, заткнув обратно за пояс, повернулась лицом к двери.

-- Не уходи, мать! Умоляю тебя, не уходи! Помоги мне! Разве ,Всевышний не призывал нас к милосердию? Ты же видишь, как человеку плохо!

-- Уходи. Хватит тебе. Уходи подобру-поздорову, пока еще сила в ногах есть. Пока голова чего –то еще соображает. Пока сердце стучит. Хватит тебе, говорю. Хватит.

--Что значит – хватит тебе? Выдоили мужика как сидорову козу до потери пульса, теперь катись пинком под зад. Так что ли выходит? В вашем богом проклятом ауле всегда порядок такой!? И не надо делать из меня дурака - злодея! Не надо!

Каким - то восьмым или десятым чувством я понимал ,что я говорю что –то не совсем то... Что истина не на моей стороне .Но какая - то дикая, бессмысленная ,не поддающаяся разуму и удержу ярость душила меня! Застилала мозг!

Старуха мрачно взглянула на меня , перекрестилась и пошла вон из комнаты, бурча на ходу:

--Нет в тебе удержу. Нет. Так иди себе ,коль очистился... Дак нет же... Нет в тебе удержу... Гиблый ты человек... Одно слово – гиблый...

Я сел на пол у не разгоревшегося очага и в отчаянии завыл, как -то совсем по- волчьи, протяжно и бессмысленно, обхватив голову руками ,раскачиваясь из стороны в сторону. Ее нет уже третью ночь! Третью! Почему? Может быть , она обиделась на

меня за ту вольность?... Или я был недостаточно тактичен и тем оттолкнул ее? А, быть может, я здесь и не причем, а так уж сложились какие – то ее личные обстоятельства?..

--Бабка , прости меня... Я сам не знаю, как это случилось тогда с собакой!... Клянусь тебе! Прости и скажи , что же мне делать!?- Крикнул я ей в кухню.

--Бог простит, если захочет. .. Иди в храм и моли его. Хорошо моли. По-честному...По-честному.... Нелюди...Одно слово – нелюди...

Я почистил брюки и куртку , вдел в брюки ремень и в полной, мгновенно спустившейся на землю темноте, нащупывая ногами твердь дороги, побрел в храм. По пути вспомнил, что не взял с собой ни спичек, ни свечи. Возвращаться не хотелось. Холодный ветер с гор пробирался под куртку , меня знобило. В темноте храм возник как - то неожиданно. И я даже вздрогнул, когда внезапно передо мною из темноты появилась закрытая церковная дверь. Открылась она неожиданно легко, без единого скрипа, словно ее регулярно смазывали. Над примитивным алтарем тускло мерцала масляная лампадка, хорошо заправленная. В круглую жестяную банку из под соленой сельди был насыпан чистый песок и торчало несколько восковых огарков свечей. Видимо в поселке жили не только одни вурдалаки , ибо ,насколько мне было известно из кинофильмов о всякой потусторонней нечисти, вампиры в храмы не ходят и церковные свечи не жалуют, впрочем, как и лампочки Ильича. На полу перед стойкой с банкой белел листок бумаги, страничка ,выпавшая из какой – то книги. Я поднял ее и ,оторвав полоску от поля, зажег от лампадки еще несколько не полностью догоревших свечных огарков. Свечи высветили блеклые лики святых на закопченных стенах . Их уставшие, полные грусти и безнадежной тоски глаза. Осветили свод с обвалившейся штукатуркой и жалкими останками былой черно-белой росписи . Я положил листок на пол , встал колени и неумело , но истово и искренне начал молить Бога и всех

изображенных на фресках святых о прощении. Молитва, во всяком случае как мне показалось ,удалась и , не исключено, что дошла до некоторых святых ликов. Ибо мне почудилось, что один из них, по- моему святой Николай , даже подмигнул мне очень доброжелательно правым глазом ,левый на фреске не сохранился . Я поднялся ,неизвестно зачем аккуратно сложил вчетверо листочек и сунул его в карман куртки. Затем снял банку с огарками со стойки и ,поставив ее на алтарь перед ликом Христа, попытался повнимательней разглядеть выражение его глаз . Увы, но глаза Бога не обещали мне ничего утешительного, хотя смотрели по –доброму. И мне пришлось удовлетвориться знамением от Святого Николая, хотя,... быть может, на самом деле , это был Святой Павел... или даже Пантелеймон. ..

В моей мрачноватой комнате было тепло и светло. Старуха зажгла лампу. В очаге весело потрескивали сухие поленца. Еще горячий чайник ,фаянсовая кружка, заварка и сахарница с дешевыми леденцами , подарок от буфетчика, стояли на столе. Я подправил кочергой дрова, с наслаждением выпил пару кружек горячего крепкого чая , согрелся и, вытащив найденный в храме грязный листок из кармана куртки лег на лежанку. Это была вырванная страница , из какой – то дешево изданной книжки. Ни ее названия, ни фамилии автора на нем , естественно, не было . По очень мелкому тексту и крайне любопытному (с моей точки зрения), содержанию она сильно смахивала на самиздатовскую книгу семидесятых -восьмидесятых годов опубликованную на средства самого автора в конце восьмидесятых. В эпоху горбачевской вседозволенности. Не сомневаюсь , что если бы в те « замечательные» времена кто –нибудь из « доброжелателей» стукнул на поэта так страстно «влюбленного» в « Софью Васильевну» (так в те годы поборники свободы величали Советскую Власть), то до издания собственных трудов он ,наверняка, не дожил бы , даже обладая отменным здоровьем. Вырвали его из книги чтобы использовать с той же целью, с

которой воспользовался им и я, - для того, чтобы не испачкать брюки на грязном полу.

Открылся тир с портретами вождей,
И в тот же час потребовал народ,
Чтоб был открыт он сутки напролет,
Без выходных, в неделю восемь дней!

На суку одиноко висит коммунист,
Хоть годами не мыт, но по –Ленински чист,
А прохожих ,однако, сомненье гнетет,
Как же быть с неуклонным движеньем вперед
К горизонтам, манящим к себе бедолаг,
Где баланда, тюрьма, партбюро и ГУЛАГ-
Без него уж конечно туда не попасть...
Ненавижу я, сука, советскую власть!

Коммунист на суку одиноко висит,
В летнем воздухе крона осины звенит,
Ходят люди в раздумье и им невдомек,
Почему коммунист на суку одинок.

**Эпитафия Большевику – ленинцу,
повешенному на осине**

Зацепилась за сук судьбоносная нить,
Цель была так близка, а с сука не видна...
Он мечтал себя вечною славой покрыть,
А покрыл себя кучкой дерма.

Побочный Эффект

Чтобы Партии легче светить нам впотьмах,
 Развесили Членов на фонарях,
 Но странное дело-
 Не светятся члены,
 Как прежде темно и ни зги не видать...
 Но... стало значительно легче дышать.

Одиноко висит большевик на суку...
 И в дерме не тонул на своем он веку,
 И наказывал тех, что отбились от рук,
 А теперь, наконец, зацепился за сук.

Я представил себе, какой яркой вспышкой сверкнули бы эти строки тогда, в годы моей молодости. Сейчас же это было не более, чем милое любопытство, и данью смелости этому неординарному поэту. У меня даже мелькнула мысль-,а не труды ли это самого господина Директора?

Собака одиноко и жалобно тьякнула во дворе ,и снова жгучий стыд ударил потоком крови в голову. Из глаза по щеке поползла крупная соленая слеза раскаяния и остановилась у кончиков губ.

--Прости меня, бедняга- пес. Ты ни в чем не виноват. Просто человек ,избивший тебя, -жалкий подонок. Прости ! Мне ужасно стыдно! Ужасно! Завтра я пойду к буфетчику и куплю у него все мясо, которое он заготовил для шашлыков, Я проверю ,чтобы оно было свежим и без жил! Это будет гора мяса! Целая гора! Я видел эти туши баранов у него в морозилке! Завтра, уходя отсюда навсегда, я оставлю старухе все мои оставшиеся отпускные деньги, чтобы она до самой смерти кормила тебя мясом! И даже когда ты уже станешь беззубым стариканом , пусть варит тебе мясной бульон. Клянусь , моя несчастная псина, что это была последняя подлость ,которую я сознательно совершил в моей жизни! Поверь, мне пес! Самая последняя! Но

сегодня она ,как жизнь, была нужна мне! Как сама жизнь! Прости меня ,славный пес! Просто сегодня другого способа вернуть эту женщину я не знаю...

Я уснул, а скорее просто отключился. Вырубился из бытия. Даже громкий стук ходиков не смог разбудить меня. К реальности возвратили лишь выстрелы за окном. Я вскочил как встрепанный! Как ужаленный королевской коброй! Вскочил и заорал, как сумасшедший:

--Мать, она пришла! Ты слышишь меня , мать?! Иди скорее сюда! Я расцелую тебя и твою золотую собаку!

Однако, старуха не появилась. А выстрелы одиночные, в прошлые разы , сегодня превратились в мощную канонаду. Могло показаться, что за окном идет самая настоящая война. Я выскочил на крыльцо, и моему взору представилась невероятная картина. За низеньким заборчиком двора старухи , на улице стояли почти все жители поселка . В руках каждого мужчины было ружье. Среди них я узнал Директора в черном, глухом, застегнутом на все пуговицы пальто и в мягкой черной велюровой шляпе с большими загнутыми на ковбойский манер полями. Буфетчика- в грязном ,некогда белом халате поверх меховой куртки. Сапожника, в клеенчатом фартуке с молотком за поясом и папиросой за ухом. Охранника ВОХР, неизвестно чем занимающегося и непонятно почему и для какой надобности проживающего в этом крошечном населенном пункте. На его голове красовалась милицейская фуражка пятидесятых годов с голубым околышком. Буфетчик держал в руках тяжеленный старинный кремневый мушкет с длиннющим граненым стволом, заряжающийся с дула, а охранник размахивал двадцати четырехзарядным маузером , деревянный кобур-приклад которого болтался у него на поясе. Точно таким же как и у Директора. Все они были очень сильно возбуждены ,что-то громко выкрикивали и радостно подпрыгивали после каждого удачного выстрела, очевидно попадая в какие –то не видимые мне с крыльца цели ,находящиеся со стороны гор.

Я подошел поближе , и моему взору открылась невероятная, ужасающая по своей первобытной дикости картина: с гор к селению поочередно , необычайно грациозно, с огромным чувством собственного достоинства спускалась небольшая группка , удивительной , почти неземной красоты и грации нагих женщин. Мимо них свистели пули, взметая облачка снега , но они спокойно, не торопясь продолжали свой путь , как –бы и не замечая , что в них стреляют . Кожа этих полумифических ангельских нимф была настолько бела, что только их прелестные контуры, да длинные гладкие каштановые волосы четко обозначались на фоне пушистого снежного покрывала гор.

-- Смотри, смотри ,как они идут, суки! Как виляют бедрами... Собаки! Ох и собаки же! А эта –то , эта, -которая вторая, вторая ! Ты видишь ее сапожник! Ты видишь эту тварь?!- Визгливо орал буфетчик.

А ну-ка , засади ей между глаз свинцовым жаканом из своей двустволки! Засади , засади! А я пальну ей между ног из своей мортиры! Она же , стерва, наверняка еще в девках ходит. А ты, охранник, дай свой маузер, если уж сам не стреляешь ! Дай , говорю! По -хорошему , дай! А не то.....

--Не положено это, понимаешь, не положено по закону!

--Какой такой закон! Какой еще к чертям закон !? Для кому этот закон написан!? Для mine, для Сапожнику!? А ,может быть , для Учителю, который днем тайком бегаёт к твоей жене, когда ты свой закон с дочкой ветеринара прямо на столе в своем конторе исполняешь!? Дай маузер говорю! Законник хренов! А не то гляди, я тебя сейчас прикладом своей пиццали так по яйцам садану, на раз все законы забудешь!

--Не положено , говорю тебе русским языком. Мне , который должен исполнять важные государственные законы, стрелять в живых людей сразу не положено. Сначала надо предупредительный выстрел в воздух стрелять! Так велит закон ,записанный на бумаге в толстой книге. Понял? А нашего

дорогого учителя не срами! Ты понял?! А то я тебя лично! Ты понял?!

--Понял, понял! Как тут не понять! А я - то все рассуждаю, зачем тебе эта очень толстая книга нужна? Сапожник говорил, что ты ее под розовый зад соседской дочке подкладываешь ,когда исполняешь с ней свой закон на возе с рыхлым сеном, чтобы он удобнее усваивался ... в голове. Так что давай стреляй свой предупредительный выстрел в воздух! Скорее стреляй, пока преступные элементы опять, как в те разы , в горы не ушли.

--Не положено. Говорю я тебе. По закону не положено -это большими черными буквами по белой бумаге в толстой государственной книге написано ! Не положено даже такому ответственному должностному блюстителю законов как мне!

--Видать, ты часто этой книгой законов пользуешься. То-то у нее вся обложка поистерлась и странными пятнами покрыта. Ты что себе думаешь, я не знаю, как ты просил сапожника новую твердую обложку из мягкой кожи к ней приделать? Это не только я. Про это весь поселок знает! Стреляй в воздух , говорят тебе! Стреляй, бабник проклятый! Там ,среди этих баб, между прочим, и твоя тоже есть! Тоже!

--Есть, есть! Точно есть! И я даже точно, наверно, знаю, которая из них будет твоя!

Вступил в дискуссию сапожник.

--Стреляй в них! Стреляй пока не ушли ,твари! Ты говоришь-не положено? А срам наводить , -это положено? Сейчас их могут видеть мои сыновья! Наши жены! Наши матери! Может быть, проклятый законник, ты хочешь, чтобы они тоже разделись и трясли своими задницами здесь перед тобой? Отвечай, ты этого хочешь?! Этого?!

Сапожник сорвался на истерический крик. На его губах появились белые хлопья пены. Он повалился на снег и начал кататься, испуская дикие вопли.

Дай маузер! Дай маузер! Я убью мою суку! Убью ее! И я больше никогда не буду вспоминать о своих грехах! Не буду! Понимаешь ты, не буду! Никогда не буду! До самой смерти! Дай маузер, охранник! Как человека тебя прошу! Понимаешь! Как человека!

--Не положено. Раз в книгу законов записано, значит, есть такой закон! И его надо исполнять!

Охранник вложил маузер в деревянный кобур и защелкнул его. Буфетчик, сжимая пицаль в руках, вплотную подошел к охраннику и громко зашептал ему прямо в ухо:

--Ты же видишь, что они голые... Они совсем голые... На них нет даже самой простой одежды, в которой у человека могут быть карманы. Ты понимаешь это, баранья твоя голова, или ты совсем свихнулся на своих дурных законах? Отвечай народу! Отвечай пока он тебя самого не раздел и не всыпал тебе дробь в твою глупую, как и твоя пустая голова, задницу!

--Почему это у меня баранья голова? У меня нормальная человеческая голова, и я с почетом ношу на ней эту ответственную государственную фуражку! И па- а-пра-шу тебя не оскорблять государственного человека на его важном государственном посту!

--У тебя на шее голова только для того и годится, чтобы на нее можно было натянуть эту фуражку, потому что, если на место твоей головы на шею приставить твою жирную задницу, -на нее никакая государственная фуражка не налезет! Даже самая большая! Вот именно в этом и есть разница между этими частями твоего тела!

--Правильно говоришь, буфетчик, но для того, чтобы поменять местами его голову с его задом, ему и между ягодицами надо тоже кое - что на рот поменять, а не то как же он будет орать слова: --«Не положено! Закон!»_ Это же какой неразборчивый звук получится.

--Зачем оскорблять так человека при исполнении закона? Ты лучше на себя самого, сапожник, со стороны посмотри. Ты сам --

то понимаешь, зачем этим совершенно голым и таким замечательно красивым женщинам нужны еще и карманы? У них и так все и со всех сторон в порядке! Ответ на мой такой простой вопрос, если ты такой же умный, какой и крикливый?

--А затем, баранья твоя задняя часть на шее, что если нет у них одежды, значит нет и карманов. А нет карманов, значит, некуда им положить документы, даже если они у них имеются! Ты понял? А если у человека, даже если он голая женщина, и у нее все в порядке со всех сторон, нет при себе документа, значит, он -вне закона. Теперь –то, наконец, до тебя дошло?

Вот скажи ты мне: какой главный орган мужчины?

--Какой, какой, это каждый мужчина знает- какой. Ты у любого ребенка в нашем ауле спроси, даже он тебе и про мужчину и про женщину все что надо расскажет! А мне вслух говорить про это,- даже как – то, почти стыдно!

-- Неумный ты человек, охранник. Я вот все думаю, как это только тебе государство такой большой наган доверило. Ты ведь только тем органом, который в твоём галифе, и думаешь! Главный орган каждого настоящего мужчины, заметь, я не говорю самца, я говорю настоящего мужчины, это тот орган, которым он хлеб, соль и вино для семьи добывает!

--А я и говорю, что руки. В них я маузер и держу.

-- Руки- то руки, да не совсем они... Главный орган у мужчины - это его мошонка, понял? Потому что, если бы бог ее нам не дал,- все бы с голоду померли!

--Очень интересно, и почему это мы померли бы от голода? Что- то не совсем я тебя, такой с виду, правда из большого далека, сильно умный сапожник, понимаю?

А потому, совсем неумный охранник, что если бы мошонки у мужчин не было, его руки всегда были бы заняты! В них яички свои нам бы пришлось всю жизнь таскать! И наган твой держать было бы нечем! Давай вынимай из деревянного ящика свой государственный инструмент и стреляй по нарушителям государственного закона!

Охранник достал папиросу, закурил и подошел к учителю.
 --Ты ученый человек , учитель. Тебя люди уважают в нашем поселке. Ты можешь разговаривать и даже, может быть, можешь понимать людей из самой Америки! Скажи, можно людям нашего поселка стрелять в этих голых женщин, которые смущают наш покой. Что на это пишет наш закон?

Учитель застегнул свое пальто на все пуговицы, выпятил грудь, высоко задрал подбородок и произнес голосом знаменитого диктора последних известий времен Великой Отечественной Войны -медленно, громко и очень торжественно:

--Закон обязывает принимать административные меры к гражданам любой национальности, гражданства, вероисповедания, сексуальной ориентации и состояния здоровья. А также и психики, если она противоречит нашим законом . В случаях самообороны граждане нашей глубоко демократической страны имеют право защищать всеми имеющимися в их распоряжении предметами свою честь и достоинство, а так же честь своих родных и близких, если эти меры не превышают пределов самообороны.

--Хорошо и очень правильно пишет наш закон. Хорошо и правильно ты рассказал про него, наш Учитель! А теперь разъясни народу про эту самооборону и про мой большой наган.

Учитель откашлялся, громоподобно сморкнулся в большой и очень грязный носовой платок и столь же торжественно произнес:

--Народная мудрость нам говорит: --«Если работа мешает тебе спать с любимой женщиной, смени работу». В нашем же случае закон говорит так :- если «некто» мешает тебе спокойно жить и постоянно будоражит твою совесть, --не ленись и подумай хорошенько:-а уж так ли очень надо жить и портить тебе настроение этому, который «кто- то»?

Буфетчик подошел к учителю смачно облобызал его и громко произнес:

--Приятно жить в эпоху великих людей! Мы гордимся, что такой гениальный человек живет с нами в одном ауле! Скажи ,охранник, ты любишь смотреть на чужих голых женщин?

-- Ну, люблю...

--Даже, когда у них нет при себе документа?

--Я когда на них смотрю , я не думаю про их документ?

--Это ты зря так делаешь, охранник. Человек без документа, даже если он и в виде голой женщины, – это не наш человек! У меня ,например, даже свинья имеет документ от ветеринара, когда я веду ее в сарай зарезать ,чтобы потом везти на базар! Даже обыкновенная грязная свинья, которая ест дерьмо на помойке, и та в зарезанном виде, на базаре, имеет документ, что у нее в сале нет глистов! А теперь скажи мне честно: – ты хочешь спать с этими женщинами ? Говори, говори честно. Не бойся, тут нет твоей жены.

--Ну, хочу. Говорю правду, хочу!

--Вот видишь. Даже ты, такой правильный и ответственный государственный человек, охранник самого ВОХРа! В такой фуражке и с таким большим наганом и все равно этих голых баб хочешь! И ты считаешь, что это закон и порядок?! Хотеть женщину без документов это все равно, что хотеть мою козу или овцу, я уже не говорю про мою свинью с документом, когда я ее режу в сарае! Потому что голая женщина без документа,--это уже не человек! Помнишь, что говорит нам народная мудрость? Без бумажки – ты букашка, а с бумажкой- человек! А хотеть животное, -это , извини меня, уже преступление! Как это в законе называется , учитель?

--Совокупление с животными называется скотоложством и карается нашим законом по всей его строгости!

--Вот так - то, охранник, ты понял?! А теперь пусть скажет свое заключительное мудрое слово сам дорогой учитель! Наш замечательный директор и педагог!

--Хотеть посторонних женщин- безнравственно! А на ответственном государственном посту тем более. Считай, что

это такая же ответственность, как и охрана государственной границы! И если эти неофициальные женщины провоцируют нравственных мужчин на безнравственное хотение ихних прелестей, то с их стороны это преступная агрессия, которую надо безжалостно искоренять любыми имеющимися под рукой средствами! Вплоть до танков!

Я же говорил , что они преступницы! Говорил! Стреляйте в них! Стреляйте !- Истошным голосом завопил Буфетчик.

--Убить можно только свою. Ты это знаешь. Чужую твоя пуля не возьмет. Дай твою гаубицу.- Спокойным, не терпящим возражения голосом произнес учитель. Взял из рук Буфетчика пицаль и , тщательно прицелившись, выстрелил. Когда огромное черное облако порохового дыма развеялось ,все увидели, как прелестное тело одной из медленно идущих женщин покачнулось , и пушистый снег мягко принял ее упавшее тело в свои объятия.

--Готова! Теперь несколько лет можно жить спокойно и достойно. Именно так должен жить порядочный, соблюдающий государственные законы человек. Без оглядки на свои обычные ,повседневные нравственные поступки.... Однако , все же , по возможности, соблюдая их. ...

-- Ты убил! Ты убил ее, собаку! Ты меткий стрелок, Учитель! Мы гордимся тобой!

Буфетчик забрал пицаль и начал заряжать ее со ствола ,радостно шуруя шомполом, при этом мерзко приплясывая от невероятного счастья, переполняющего его жирное тело .

Сапожник перезарядил ружье и , дважды выстрелив, оба раза промазал. Буфетчик укоризненно покачал головой и бросил ему через плечо, не отрываясь от основного занятия:

--Ты когда целишься в этих собак, вспомни про то, как воровал коз у соседа и ночью в своем сарае перекрашивал их из белых в черные. И еще не забудь припомнить, как за это он частенько дубасил тебя по хребту колом из бабкиного забора. Вспомни и уж тогда точно попадешь в свою сучку.

--Вспомню, обязательно вспомню. А ты, когда попал в свою, видать, как раз припомнил, как разбавляешь вино водой и замачиваешь в уксусе тухлое мясо для кебаба и шашлыков!

--Еще одна злостный нарушитель порядка есть.- Констатировал охранник выстрел Буфетчика.

Скоро можно писать хороший отчет самому главному начальнику ВОХРа.

--Не будь абсолютным дураком и умерь свои глупые амбиции. Твое начальство может недостаточно глубоко вникнуть или не совсем правильно понять нашу местную ситуацию Эти нарушительницы закона , как ты знаешь, появляются только в нашем селе. И видим их только мы. Понял, дегенерат?

--Понял , наш великий учитель? Конечно, понял! А дегенерат,- это что?

--Видишь ли, точного перевода этого слова нет в нашем языке. А если приблизительно ,— то это нечто среднее между козлом и гением.

--Спасибо, учитель. Я обязательно запомню это замечательное слово и буду именно так называть своего начальника , когда он будет давать мне премию.

-- Смотри, вдруг твой начальник окажется не таким образованным как ты и не сможет правильно понять и оценить настоящий тонкий смысл этого слова.

Учитель покрутил пальцем у виска и еще раз громоподобно очистил нос.

Сапожник прислонился к забору и, тщательно прицелившись, выстрелил. Еще одна женщина с легким стоном мягко опустилась на пушистый снег , окрасив его алой кровью. Сапожник дико взвыл и начал поочередно обнимать и целовать остальных мужчин, прыгая при этом, как заяц — подранок и выкрикивая нечто маловразумительное и слабо цензурное. Учитель брезгливо обтер рот платком после слюнявого затяжного и, очевидно, малоприятного поцелуя сапожника и бросил охраннику:

--Твой черед, блюститель закона. Доставай свое орудие наведения порядка и самообороны и приступай к самозащите. Охранник отстегнул застежку на кобуре и, достав маузер, трижды выстрелил в воздух. Затем, почти не целясь, зажмурив глаза, выпустил почти всю обойму в сторону спускающихся с гор трех оставшихся женщин. Одна из множества пуль достигла свою жертву, и теперь на горе их остались всего две. Охранник вытащил из кармана горсть патронов и, вставив их в обойму начал снова целиться в оставшихся женщин. Учитель подошел к нему и опустил ствол маузера к земле.

--Не надо.

--Как, не надо ? -возмутился охранник, -не должны уйти от закона злостные нарушители государственной дисциплины и железного порядка! А эти наглые женщины, не имеющие даже обыкновенных карманов, особенно опасные и злостные, потому что у них не только нет паспорта, но даже места ,в котором эти важные документы можно было бы хранить при себе! Ты что, не видишь, учитель, они же совсем голые!?

--Ты помнишь , каким словом я только что назвал тебя?

--Я все твои замечательные слова , учитель, помню наизусть, и буду их помнить всю мою жизнь до самой смерти! Помнить и гордиться , что ты мне их подарил, наш великий и замечательный учитель!

--Так вот, мой дорогой дегенерат, я только что всем вам озвучил главную заповедь нашего с вами правого дела в отношении ликвидации чуждых нашему спокойствию и дальнейшей счастливой жизни элементов ! Женщин, бесстыдно обнаживших без всякого на то права свои интригующие мужской пол телеса. Чуждых нашему мировоззрению элементов, не имеющих паспортов и претендующих на звание нашей с вами обнаженной и , якобы, чистой совести! Это, вне всякого сомнения , бессмысленный бред и нарушение человеческой свободы, я уже не говорю об элементарной этике! Вам понятно, мои дорогие земляки и сограждане, о чем я говорю?

--Понятно, понятно, наш великий учитель!- Хором пропели охотники за обнаженными женскими телами.

--Никто не имеет права вторгаться в личную жизнь индивидуума. Она священна и свято охраняется в нашей замечательно и глубоко демократической стране ее несомненно разумными и непоколебимыми законами! Вы согласны со мной, дегенераты?

--Согласны, согласны, наш великий и мудрый учитель!

--И как в свое время учил наш почивший, но вечно нетленный лысый вождь: -«Чем большее число мы их уроем, тем более пышным цветом расцветет наша счастливая жизнь!»

Ну ,так как, дебилы?! Вперед?!

--Вперед, вперед!

Истошными голосами возопили селяне.

Охранник снова поднял ствол, но учитель вновь опустил его рукой и спокойно молвил:

--Умница мой, я только что сказал вам всем и тебе олигофрену , в том числе, что урыть , - это хорошее слово, которое придумал вождь, не правда ли? Можно только свою девку-совесть. Супротив же чужих - наши с вами пули и даже снаряды из танка- бессильны. Чьи эти две оставшиеся нарушительницы?

--Одна- старухи , больше – то некого, а вторая, наверное, приезжего. Почесав брюхо, предположил Буфетчик.

--Одна- старухи! Точно старухи! У нее даже в лице есть что –то немного похожее на нее... Гражданка старуха, выходите из вашего дома ! Выходите, это я вам приказываю! Я, охранник государственного закона!

--А ты уверен , что это старухина? Может быть бабку раздеть для сравнения?- Предположил сапожник.

--А ты свои штаны сними и мы тебя сравним с твоей, урытой.- Хохотнул Буфетчик.

Думаю, точь в точь будет.

--Ты свои скинь и брюхо покажи! Уж точно, как беременная баба будешь выглядеть! Точно!- Обиделся сапожник.

--Пока вы будете строить из себя манекенщиц на подиуме , эти натурщицы уйдут обратно в горы. И тогда , уважаемые «ворошиловские стрелки» или недоделанные Робин Гуды, не знаю как вас и называть, мы все снова окажемся в полном дерьме. Тащите из дома старую кочергу, да поскорее.

--Удивительно правильно говорит наш драгоценный учитель. Эти твари опять уйдут и на следующий год снова приведут наших голых стерв! Как это и бывало раньше! И опять я буду вспоминать, как хотел в сарае тискать твою дочь и щипал за крепкие ягодицы твою жену на свадьбе твоего брата. А ты, буфетчик, опять будешь думать, как продать нам протухшее мясо прошлогодних баранов , купленное у заезжих цыган! Так и будет! Правильно я говорю?

--Правильно ты говоришь , совсем не глупый сапожник! Подтвердил Охранник.

Брильянтовые слова сказал наш учитель.

Учитель взял из рук буфетчика пицаль, взвесил ее на руке и ,удовлетворенно хихикнув, прицелился в одну из женщин. Раздался громкий выстрел. Дым рассеялся, но обе женщины медленно продолжали спуск. Учитель отдал пицаль Буфетчику и, протерев стекла очков, продолжил:

Вы все прекрасно знаете твердость моей руки и меткость моего глаза, и никто из вас , надеюсь, не сомневается, что я и в этот раз не промахнулся. Так ли это?!

--Так , так! Именно так!

Завопили охотники за совестью.

--Я тоже рад нашему бескорыстному и прекрасному единству мнений. Это позволяет мне думать и надеяться ,что и дальше мы с вами будем единомышленниками во всем, что касается убийства этих чаровниц , которые отрывают нас от наших чисто мужских занятий и мешают сосредоточиться на главном направлении нашей деятельности. Кстати, а все ли из вас знают, в чем заключается эта основная деятельность? Я имею в виду главное занятие настоящего мужчины?- Отвечает Сапожник.

--Главная работа настоящего мужчины, наш несравненный учитель,- производство детей!

-- А если конкретнее? Если глубже раскрыть эту деятельность?

--Производить их в больших количествах, постоянно и регулярно! И заниматься этим и в светлое, и в темное время суток, непрерывно! Конечно ,с перерывами на завтрак , обед, и ужин!

--В этом, вне всякого сомнения, есть рациональное зерно, но делать это способен самец любой божьей твари , начиная от таракана и клопа , и заканчивая бегемотом и слоном. А я говорю о настоящих мужчинах! Что по этому поводу скажешь ты, Буфетчик?

--Главная деятельность настоящего мужчины, учитель, это, по моему ,уметь крутиться так ловко и умело, чтобы и семью накормить и в тюрьму не попасть! Верно я говорю, Учитель?

--Давайте спросим об этом государственного человека, которому само правительство доверило большой наган: -Твой ответ ,уважаемый охранник.

--Хотеть чужую женщину, особенно находясь при исполнении закона, -некрасиво! Лично я так думаю, учитель. Лучше ее расстрелять...На всякий случай.

--М – да... Ставлю тебе не совсем удовлетворительную отметку за ответ и попробую ответить сам. Ближе всех к заданному вопросу оказался Буфетчик. Прекрасные обнаженные тела этих женщин будут напоминать нам некоторые эпизоды о не всегда благовидной мужской деятельности за годы всей прошлой жизни. И более того, нашу замечательную операцию по зачистке наших же прошлых и не всегда благовидных поступков отсталые люди из соседних аулов могут не совсем правильно понять, а это, значит, и оценить ее по заслугам. И мне бы не хотелось беседовать по этому поводу с представителями законных властей. А посему, после окончания этой великолепно проведенной зачистки мы должны оставшиеся в снегу следы операции, вам понятно о каких следах я говорю, предать земле с

минимальной оглаской. Ибо, именно так и должны поступать настоящие умные мужчины, дабы находиться дома, а не в камере казенного дома, и спокойно, с удовольствием заниматься тем необходимым стране занятием, которое своим основным делом считает наш дорогой сапожник! Вы согласны со мной? Вот и прекрасно, а теперь мои героические земляки быстренько закончим наше правое дело! Охранник, тащите сюда старуху!

Охранник проскочил мимо меня в дом и выволок на улицу хозяйку. Бабка сопротивлялась как могла, но сладить с громилой в форменной фуражке, естественно, было ей не под силу. Держа старуху за горло одной рукой, он другой попытался вложить оружие в ее руку. Бабка, изловчившись, двинула ногой ему в пах и пока он, скрючившись, вопил как резаный кабан, скрылась в доме. Я, воспользовавшись суматохой, заскочил в сени и запер дверь на засов.

Через несколько секунд хилая дверь затряслась от ударов охотников.

--Старуха, выходи по-хорошему- старая ведьма! -Орал Буфетчик.

--Старая тварь, отвори дверь сама, пока мы тебя не пристрелили вместе с этими собаками!- Вторил ему Сапожник.

--Гражданка старуха! Выходите выполнить свой гражданский долг по отношению к голому нарушителю наших законов!

Визжал, более или менее оклемавшийся от очень чувствительного удара в ахилессову пятую мужчин, Охранник.

Иначе мы можем зажечь твой дом!

Старуха с мрачной безнадежностью взглянула на меня и, отодвинув засов, вышла на крыльцо. Охранник, тихо повизгивая и держась обеими руками за отбитую мошонку, резво отскочил в сторону. Учитель взял у него наган и, подойдя к бабке, вложил его в ее руку.

--Стреляй, стреляй, старая! Ты, говорят в ауле, в молодости тоже была девчушкой не без греха....

Старуха презрительно поглядела на Учителя и, бросив маузер на землю, пошла в дом. На крыльце она остановилась, плюнула в сторону Охранника и процедила сквозь зубы:

--Была ,не была.... Но уж с таким козлом, как ты на сеновал бы не пошла...Тоже мне нашли что вспомнить, нелюди.... Когда же это все было ... И кого из вас трогало... Одно слово :-нелюди!

--Нет постой, постой , ведьма. Я тебе кое чего из твоей монашеской жизни напомню. А не помнишь, как ты во время войны картошку из сарая колхозного по ночам себе в погреб таскала? Хорошо таскала! Поди ,не одно- то ведерко и не два унесла! Я тогда еще пацаном был, но все видел! Я за тобой не одну ночь втихаря подглядывал.

Мерзко хихикнул сапожник.

- -Таскала, был грех, помню! Еще как помню... Под страхом смерти таскала. Только таскала я ее не для себя, а для двух еврейских девчоночек, которых в подполе от твоего отца -полицая прятала.

-- Жидовочек- то твоих все равно потом к стеночке в сельсовете гвоздиками приколотили, так что, выходит, зря ты эту картошку для них воровала. Не пригодилась она пархатым малолеткам!

--То - то я все на ум взять не могла, кто же это тогда супостатам на моих крошечек наступал...Нелюдь ты поганая, вот одно слово для тебя только и есть - нелюдь...

--Зря ты, бабка, моего дружка обижаешь, зря... Мы с ним вместе твои походы за картошкой наблюдали. Вместе... А девчонок тех нам нисколечко и не жалко было . Нисколечко! Нам Учитель потом рассказал, что ихние предки нашего Бога на кресте распяли! А за грехи отцов кому, как не ихним детям, надо ответ давать. Верно я говорю, учитель?

--Дети, как учил нас великий вождь, за грехи отцов не отвечают.

--Учитель , дорогой, ты же сам говорил на уроках нашим детям, что отвечают?

--Я это говорил так , потому что я сам так считаю, а теперь говорю, как великий вождь в свое время считал.

--Так какая правда самой правильной будет: -твоя или твоего великого вождя?

--Правда, дорогой Буфетчик, она и есть правда, и она всегда одна и та же ! И всегда правильная для человека.... Для каждого отдельно взятого человека. Какая она тебе сегодня нужна, такой она сегодня и будет. А завтра тебе понадобится, чтобы она была другой, -пожалуйста, она будет другой, но она же самая , понимаешь? Та же самая! Она, как твое настроение:- утром оно одно ,а вечером совсем другое. А на самом – то деле оно всегда одно – твое на-стро-е-ние! Ты понял мое толкование ,Буфетчик? Правда -очень гибкая штука. Она, как колючая проволока, -как загнешь, так и будет держаться. Пока ее не разогнут в противоположную сторону. Тут главное - не уколоться!

--Ты очень мудр ,учитель. Очень мудр. Ты так хорошо объяснил про нее, что, наверное, даже наш дурной охранник и тот что – то понял. Охранник, ты понял кто сегодня у нас прав?

--Понял, Буфетчик.

--Ну, а раз понял, заставь старуху совершить свой гражданский долг!

--А как ее заставишь, если она ногой по яичкам очень сильно бьет? Как кувалдой!

--Вспомни ,как наши герои во время войны на пулеметы бросались, чтобы гражданский долг перед страной выполнить! Они про свои яички тогда не думали! Ты видел ,как у горного козла рога загнуты?

--Ну, видел.

-- Вот так и старуху загни, чтобы поняла , ведьма, про свой гражданский долг.

Охранник взял у буфетчика пицаль и робея, поминутно оглядываясь и прикрывая рукой пах ,вошел в дом. Оттуда раздались громкие крики. Брань старухи и вопли Охранника. Через несколько минут блюстителю порядка с разбитым носом,

из которого ручьями текла кровь, выволок сопротивляющуюся хозяйку на крыльцо и, с помощью Сапожника и Буфетчика, привязал к столбу, оставив свободной только правую руку. Учитель поднял с земли маузер Охранника, вложил его в руку хозяйки и, повернув ствол в сторону женщин, нажал ее пальцем курок. Грянул выстрел, и еще одна обнаженная истина окрасила алой кровью снег.

--Ай да учитель! Ай да герой! Ай да мудрый молодец!- Завопили охотники, визжа и прыгая от радости.

--Постойте, постойте, граждане! Мне все же кажется, что вы недостаточно четко, то есть не в полном объеме понимаете всю грандиозность, всю огромную пользу для нашего аула, который, между прочем, является частичкой, я бы даже не побоялся сказать- кровью от крови нашей великой державы, что означает наше сегодняшнее героическое мероприятие. Казалось бы, ну и что с того, что эти бесстыдные женщины покажут нам свои голые тела? Неправда ли? Ах, какая невидаль? Кто из нас не держал в руках женскую грудь? Но, увы, это далеко не так безобидно, как на первый взгляд может показаться людям не искущённым. А что, если потом эти, простите меня за выражение, дамы захотят увидеть и нас раздетыми догола! И наших жен! И наших детей! И наших отцов и матерей! И, страшно подумать, -наших аксакалов- дедов! Это же страшный откат к нудизму! Вы понимаете меня? Всякое публичное обнажение- безнравственно! Вы представьте себе, что будет со зрительным залом в Большом Театре, если молоденькие артистки выйдут на сцену совершенно голыми в одних тапочках? Да еще вместе с режиссером, директором и начальником главного управления культуры, я уже не говорю о самом министре! Нонсенс! И какой!....

--Правильно говоришь, наш изумительный учитель! Они же голые, а значит, безмозглые! Они не боятся нас и даже не защищаются! Одно это говорит о том, что мы правы, когда их бьем, как горных коз! Оставь их живыми и рухнет наш покой!

Мы будем непрерывно хотеть их тела и забросим супружеский долг с нашими старыми женами! Я прав, учитель?

--Я бы сказал, что ты несколько упрощаешь тему, но и этот достаточно важный аспект в ней присутствует.

--И еще как существует!- Вставил свое слово буфетчик.

Я и сейчас их так хочу, что все штаны промокли почти насквозь!

--Правильно говорит Буфетчик, у нас с охранником такая же неприятность сейчас происходит...

Сапожник вынул платок из кармана и засунул его под ремень внутрь брюк.

--Приведу пример из своей личной педагогической практики. Прочитав в книге западного ученого Фрейда главу о том, что стриптиз, то есть постепенное оголение женского тела под музыку, способствует возникновению стабильной и устойчивой эрекции. Я завел патефон и под арию Ивана Сусанина велел своей старухе -теще медленно раздеться и покрутить бюстом и ягодицами. Эффект превзошел все мои ожидания! Зрелище было столь отвратительно, что после проведенного эксперимента я год не мог исполнять свой супружеский долг с женой. Но, ближе к делу. Осталась еще одна обнаженная нудистка. Это, наверняка, совесть приезжего квартиранта старухи. Эй, квартирант, иди выполнять свой гражданский долг.

--А если не пойду, что вы сделаете со мной? Расстреляете или привяжете к столбу, как мою хозяйку и вставите в руку наган?

--Меньше болтай, квартирант. Мы стоим на страже закона и можем без труда и следствия повесить тебя на этой осине.

--А может быть, прибьете гвоздями к стене дома? Некоторый опыт, как я слышал, у вас уже есть?

--Неплохая мысль, учитель! -Заорал Сапожник.

Давай я сбегаяю за молотком и гвоздями. В этом деле я профессионал!

--Только смотри, чтобы гвозди нержавые были, с раннего детства боюсь заражения крови.

--Посмотрите на него, он еще пытается шутить и издевается над нами. Учитель, давай я его сразу застрелю, чтобы не мучился. — Очень серьезно сказал сапожник.

--Нетушки, тогда уж лучше это сделаю я из моего мушкета ! Моя пуля сделает ему такую дырку в голове, -самая большая крыса из моего буфета в нее влезет и сожрет его паршивые мозги!

Буфетчик прицелился мне в голову и спустил курок . Кресало громко ударилось о кремь , но выстрела не последовало, так как его здоровенная мортира ,очевидно, не была заряжена. Я невольно вздрогнул и от испуга инстинктивно крепко зажмурил глаза.

-- Не бойся, аксакал, эта граната не взрывается ,-она ручная. -Хохот от глупой шутки Буфетчика разорвал тишину ночи. Мне показалось, что в небесной дали даже вздрогнула огромная полная луна, освещающая землю почти так же ярко как заходящее зимнее солнце.

--Развяжите меня, окаянные. -Простонала Старуха. Все тело затекло.

--Освободи ведьму.- Приказал учитель Охраннику.

Теперь эта дряхлая рухлядь безвредна и уже никому не нужна.

Охранник распутал веревки на теле бабки и пока собирал их в пучок ,получил от старухи еще один удар коленом в пах такой силы, что кубарем скатился по ступенькам крыльца и, крича благим матом, закрутился волчком по земле.

--Послушай учитель, сколько может терпеть мужчина такие ужасы от старой женщины? Пристрели ее из нагана , пока я лично не сломал ей шею прикладом пицали! Третий раз такой сильный и точный удар! Это же, какие человеческие яички могут такое выдержать?! Это же даже слон и тот каракадилованными слезами рыдать будет!

--Иди , Буфетчик, и убей ее собаку.- Властно указал рукой Учитель.

Буфетчик сжав в руках пицаль с победным криком бросился в дом, но буквально через несколько секунд с таким же диагнозом как и Охранник ,уже визжал поросенком на гнилых досках крыльца, держа руками разбитую мошонку.

--Эта Богом проклятая старуха просто футболист какой-то! Настоящий Пеле по разбиванию яиц!- Изумленно пробормотал Сапожник. Я не пойду убивать ее в дом. Ты меня даже и не проси ,Учитель!

--М-да... Ситуация осложняется... Послушай, квартирант, через несколько минут эта последняя женщина уйдет обратно в горы. Уйдет и через год приведет сюда, таких же как эти убитые. Мы не знаем, где находится их обиталище, и не можем расстрелять их в их же логове. Но нам известно, что если во время их визита перебить всех, визиты на этом закончатся. И мирные жители нашего селения или аула, называй его как хочешь, больше не будут страдать и терзаться совестью за те мелкие грехи, которые они совершили за прожитые годы. Грехи –то сами по себе небольшие. Не стоят и выеденного яйца, но жить с ними бывает малоприятно! К нам редко заходят посторонние люди, но на этот раз, как сам видишь, ты появился в ауле не во время. Убить свою,- можешь только ты! Так будь человеком, -пристрели ее и избавь моих земляков от этой напасти! На, возьми этот маузер, и пульни в ее сторону. В обойме еще много патронов , так что хотя бы одна из твоих пуль прикончит эту стерву! В противном случае, ты вынудишь меня взять еще один небольшой грешок на душу и пристрелить тебя как , скажем, вот эту старую, хотя абсолютно ни в чем не повинную собаку.

Он поднял наган и пустил пулю в голову несчастного животного. Я посмотрел на мою женщину. Она совершенно спокойно, без малейшего чувства страха или просто тревоги смотрела на меня . В ее бездонных до синевы глазах я не прочел ни укора, ни мольбы о помощи. И от этого мне еще больше стало мерзко и муторно на душе. Я понимал, что нет силы на земле , которая сможет заставить меня стрелять в это

фантастическое в своей чистоте существо. Я не знал, что и кто оно. Для меня сейчас она была подобием ангела. Я только что держал это прелестное тело в своих руках! Я любил его! Любил нежно, но истово! И никогда до этого момента не испытывал такого, воистину, неземного наслаждения. Такого пронзительного, до боли оргазма! Я помню, что меня буквально заливало чувство невероятного счастья! Огромной любви к этому непорочному телу, в котором воедино воплотились тела всех женщин, которыми я когда-либо обладал за всю свою жизнь! Которых я любил, и которые любили меня! Она в последний раз взглянула на меня, и повернувшись, грациозно и очень неторопливо пошла обратно в сторону гор. И вдруг произошло чудо, заставившее вздрогнуть всех. Мертвые женщины зашевелились, медленно поднялись одна за другой и, не спеша, так же грациозно пошли вслед за моей....

--Уходят, уходят, собаки!-- Заорали охотники.—Они уйдут и снова возвратятся через год! И я опять буду вспоминать украденных коз! А я синяки на заднице твоей жены и кол от забора старухи гуляющий по моей спине! А я отца, который прибивал гвоздями этих проклятых жидовочек, прапрадедушка которой прибил гвоздями к кресту Нашего Бога!

Я прижался к столбу крыльца, закрыл глаза и, как когда-то в раннем детстве, громко, истово, захлебываясь от ручьем стекавших в рот слез и соплей, зарыдал! Мне было жалко себя за бездарно прожитую жизнь, за свой мягкотелый характер, за Марину столько раз преданную мною! Было безумно жаль этих прекрасных эфирных женщин, в которых стреляли сельские безмозглые ублюдки! Несчастную старуху и ее безжалостно убитую собаку, совсем недавно и беспричинно избитую мной! Еврейских девочек и Христа, распятых негодьями, не имеющими права называться людьми! Нелюдями, как их точно припечатала к позорному столбу моя хозяйка! Я оплакивал, такой неустроенный, нелепый и, в то же время такой

прекрасный земной мир, и всех живущих в нем тварей, как в свое время оплакивал его на Храмовой горе Божий Сын!

Железные руки дебильного блюстителя нравственности и закона тисками зажали мое расслабившееся от эмоций тело. Оклемавшийся от бабкиного подарка в пах Буфетчик вложил в мою руки маузер и сапожник нажал моим пальцем курок. Пуля попала ей в грудь, почти в сердце. Она, еще качаясь, стояла на ногах, прикрывая руками фонтанирующую алой кровью рану, когда они как сумасшедшие, с дикими гортанными криками набросились на нее! Повалили в снег и начали топтать ее святое тело, измазанное кровью и грязью! У нее не было желания защищаться, она просто не понимала, что они от нее хотят! И удивленными, полными слез глазами изумленно глядела на этих неистовствующих зверей в человеческом обличи! А те смотрели на ее невероятной красоты, совершенства и белизны тело, на ее соразмерные формы, словно вылепленную из алебаstra грудь, и в их сердцах зарождалось желание любить... Но вместо того, чтобы упасть ниц и целовать это божественное создание, обожать и боготворить его, они яростно пинали ее грязными, подкованными железными набойками сапогами, харкали густой, смрадной от перегара слюной в ее редкой красоты и свежести лицо, сами не понимая зачем они это делают!.. Не все доставали до нагого тела. Они дико орали, отталкивали друг друга локтями, силясь дотянуться, прорваться ближе, чтобы сильнее ударить, точнее плюнуть, сморкнуться... Глаза этих людей улыбались и были полны крови и ликования. Я попытался пробиться к ней, оттащить людей, но меня грубо оттолкнули в сторону и чем-то очень тяжелым сильно ударили по голове. Я упал на снег, потеряв сознание, и очнулся уже в своей комнате от голоса старухи, наклонившейся надо мной. В руках она держала белую простынь.

--Вставай, помоги мне управиться с твоей.

Я, едва держась на ногах, вышел с ней на улицу. Луна опустилась ниже, вокруг стояла звенящая тишина. Тел ранее

убитых женщин рядом не было . Либо они все ушли, либо их все же добились , а тела растащили по дворам убийцы. Жители села, сделав свое страшное дело , разошлись по домам праздновать пиррову победу. Старуха разложила простынь на снегу и, уложив на нее тело моей жертвы, осторожно начала оттирать тряпочкой и чистым снегом грязь и, застывшую на ней , но ,как ни странно, по- прежнему , алую не свернувшуюся кровь .

--Тебе жаль их ,мать?- Спросил я , понимая всю глупость заданного вопроса. Она печально кивнула головой. Глаза ее были жесткие и сухие.

Но ведь не все же такие? Правда , мать? Не все же -нелюди? Старуха молча поглядела на меня, наклонилась и поцеловала женщину в лоб. Поправила платок на голове и ,трудно поднявшись с колен, не оглянувшись , по -утиному переваливаясь с боку на бок, хромя на обе ноги,пошла в дом. На крыльце на такой же простыне лежала мертвая собака. Бабка осенила ее крестом и, обернувшись ко мне, грустно произнесла:

--Не все...

Я сел на землю рядом со своей, мною же убитой совестью и слова вперемежку со слезами негромко сами полились из моих уст:

--Ты простишь меня. Да, да ,я знаю,- ты простишь меня. Твоя смерть дело не моих рук, и ты это знаешь. Со стороны может показаться что фраза- я убил свою совесть – звучит глупо. Хотя еще глупее звучит фраза -они убили мою совесть. Совесть в человеке нельзя убить. Она либо есть , либо её нет вообще. Хотя это странно? Разве может родиться ребенок без совести? Каждому понятно, что это абсурд. А это означает, что в процессе жизни ее все же можно выбить из человека,или он может ее потерять... Тому есть множество примеров. Следовательно, и без нее человек может спокойно существовать.... Заметьте, я не сказал «жить».. . Жизнь с потерянной совестью многим может

показаться прекрасной, ибо она освобождает человека от массы сложных, а ,иной раз, очень неудобных обязательств: перед родными и близкими, посторонними людьми, животным миром, экологией. Он даже может быть счастлив, так же как счастлив несчастный дебил, освобожденный природой от могущества человеческого разума, всех человеческих обязанностей и обязательств и живущий только животными инстинктами. Учитель назвал своих подельников – земляков дегенератами. Очевидно ,так оно и есть. Дебилами легче руководить, то есть использовать их в своих личных целях. Сам же он , пожалуй, несравненно хуже, пострашнее своих полурабов, он- неглупый подлец! Негодяй, лишенный всех нравственных человеческих барьеров. Но не от природы, -он сам намеренно и планомерно уничтожил их в своем сознании , и такие как он- самые опасные люди на земле. Они, как правило, лидеры по своей природе и ,выбившись локтями, ногтями и зубами на самый верх общества (а настоящий лидер по законам общества должен подниматься наверх именно так), начинают править им по своим мерзким, но очень удобным им законам.

Бедная ,ты моя! За что!? Почему эти подонки так издевались над тобой, прежде чем убить?! Почему им самим , по горло испачкавшимся в крови и грязи, нужно было пролить чужую невинную кровь? Я знаю почему! Потому, что в чистое и безгласное подонкам стрелять легче. Оно не сопротивляется и громко не кричит! А если и кричит, то за грохотом выстрелов не слышны его жалкие крики! Нелюди!... Нелюди... Какое правильное название нашла для них мудрая старуха!...

Луна вышла из- за легкого облачка. Я увидел нескольких жителей, вышедших из своих домов и поднимающихся по дороге в сторону храма. Вид у них был абсолютно миролюбивый. В руках они несли зажженные свечи, бережно прикрывая их ладонями от дуновения встречного ветерка. Во главе с хоругвью на высоком шесте гордо, с высоко поднятой головой шествовал Учитель. И мне вдруг , почему –то,

подумалось: -а, быть может, я не прав? Да, да, не прав! Может быть, все они в свое время просто не нашли места, где можно было бы очистить души от накопившейся в них скверны? Может быть, и они не знали, что для этого существует в их селении построенный их дальними предками этот уже полуразвалившийся храм? И только теперь, совершив страшное злодеяние они поняли это. А учитель, который на поверку оказался вовсе и не дьяволом, а хорошим светлым человеком, наконец, раскрыл им глаза и ведет их сейчас замаливать грехи в Обитель Бога, дабы привести к покаянию?! Может быть?... Может быть?...

Я выскочил на дорогу и закричал:

--Зачем вы стреляли в них?!

--Я не стрелял.- Удивленно и очень искренне откликнулся Сапожник.

--Врешь! Врешь!- Заорал я.

Самому себе врешь! И издохнешь, захлебнувшись в собственном вранье! А ты зачем стрелял, грязная пузатая тварь и вор?!

--Зачем такие нехорошие слова так громко кричишь?- Очень обиженно отозвался Буфетчик. У меня даже современного оружия нет! Не из этой же бандуры в наше время плохих людей убивать? Обижаешь человека, приезжий. А я тебя еще бесплатно хорошим вином поил.

--Врешь, собака, врешь подлец! И эта смерть еще аукнется в твоей никчемной лживой жизни! А ты, учитель? Ты тоже абсолютно чист перед твоею расстрелянной и растоптанной тобою же совестью?

--Я плохо понимаю тебя, квартирант! Ты что приехал сюда для того, чтобы оскорблять честных тружеников села, поднимающих своим самоотверженным трудом благосостояние нашей замечательной страны? За подобные противозаконные поступки и слова в нашем замечательном и справедливейшем законодательстве есть соответствующие карающие статьи! И

наш строгий и честный представитель закона может за нарушение их препроводить тебя в соответствующие органы, надев на руки железные наручники! А мы всем поселком подпишем эту бумагу! Не так ли ,товарищ охранник?

--Не надо грозить мне , сволочь! Твой охранник такой же убийца как и вы все! Признайся в содеянном хотя бы ты , дегенерат в законе! Будь честен хоть раз, в своей ничтожной, поганой жизни! Стрелял?!

--Еще одно такое плохое слово скажешь, квартирант, я тебя в такое место доставлю, что ты там сам просить будешь, чтоб тебя лучше скорее расстреляли!- Злобно прорычал Сапожник.

Дорогой Учитель , по –моему, этот человек очень похож на врага нашего народа! Вы согласны?

-- Да- а, еще бы несколько годков назад, когда я служил в совсем другой организации, за подобные мысли и высказывания я бы с моими товарищами над ним поработал...Так что для тебя лучше будет, если замолчишь, приезжий!

Шествие, громко распевая псалмы, двинулось дальше, а я поплелся во двор , где старуха копала могилу для несчастной собаки.

--Тебе помочь, мать?

--Управляюсь, мне привычно. Иди лучше в дом, да поспи, на тебе лица нет.

Проспал я больше суток. Открыл глаза и долго пытался понять , что же это произошло со мною . Очаг еще теплился, горячий чайник стоял на столе, накрытый старой папахой. Голова была пуста, и мне даже казалось, что в ней что – то позванивает. Огромная луна с чуть выщербленным боком после прошедшего полнолуния ярко освещала заснеженные вершины гор и двор. Я подумал, что завтра поутру надо убираться отсюда и крикнул старуху хозяйку, чтобы рассчитаться за постой . Она вошла заспанная и недовольная тем , что я ее рано разбудил. Деньги взяла и, тщательно пересчитав, молча удалилась , видать, удовлетворенная щедрой суммой. Я сложил свой нехитрый

скарб, смазал лыжи и прилег, бросив в очаг несколько принесенных старухой поленец. Проснулся я от громкого тиканья ходиков и, как ошпаренный, протирая заплывшие со сна глаза, подскочил к окну. В ярком свете нисходящей луны в нескольких метрах от крыльца на пушистом снежном ковре, наметенном за прошедшие сутки, стояла, заложив руки за голову, моя прекрасная нагая фея....

КОНЕЦ